ИЗВЕСТИЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

PROCEEDING OF THE KABARDINO-BALKARIAN STATE UNIVERSITY

TOM IV, № 4, 2014

Учредитель: Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова (КБГУ)

Главный редактор Б.С. КАРАМУРЗОВ

Первый зам. главного редактора А.П. САВИНЦЕВ

Зам. главного редактора С.К. БАШИЕВА

Зам. главного редактора Х.Б. ХОКОНОВ

Зам. главного редактора А.А. ШЕБЗУХОВ

Зам. главного редактора Г.Б. ШУСТОВ

Зам. главного редактора М.М. ЯХУТЛОВ

Ответственный секретарь М.Ч. ШОГЕНОВА

Редакционная коллегия

Волков Ю.Г., Гуфан Ю.М., Дзамихов К.Ф., Карлик А.Е., Матузов Н.И., Радченко В.П., Радченко О.А., Рубаков В.А., Фельдштейн Д.И., Фортов В.Е., Хавинсон В.Ц., Хохлов А.Р., Хуснутдинова Э.К., Гукепшоков М.Х., Жамбекова Р.Л., Кетенчиев Х.А., Кочесоков Р.Х., Мизиев И.А., Шхануков-Лафишев М.Х.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-44485 от 31.03.2011 г.

Подписной индекс в Каталоге «Пресса России» 43720.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий для опубликования основных научных результатов диссертаций.

Доступ к рефератам статей журнала осуществляется на сайте научной электронной библиотеки «eLIBRARY.RU» (http://elibrary.ru).

ISSN 2221-7789

Адрес редакции: Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173

Телефоны: (88662) 722313

E-mail: rio@kbsu.ru, http://izvestia.kbsu.ru

© Авторы, 2014

© Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, 2014

Founder: Kabardino-Balkarian State University (KBSU)

Editor in chief B.S. KARAMURZOV
The 1st Deputy Editor A.P. SAVINTSEV
Deputy Editor S.K. BASHIEVA
Deputy Editor H.B. KHOKONOV
Deputy Editor A.A. SHEBZUHOV
Deputy Editor G.B. SHUSTOV

Deputy Editor M.M. YAHUTLOV

Executive sekretary M.Ch. SHOGENOVA

Editorial board

Volkov Yu.G., Gufan Yu.M., Dzamikhov K.F., Karlik A.E., Matuzov N.I., Radchenko O.A., Radchenko V.P., Rubakov V.A., Feldshtein D.I., Fortov V.E., Khavinson V.Ts., Hohlov A.R., Khusnutdinova E.K., Gukepshokov M.Kh., Zhambekova R.L., Ketenchiev Kh.A., Kochesokov R.Kh., Miziev I.A., Shkhanukov-Lafishev M.Kh.

Registration certificate PI № FS 77-44485 from 31.03.2011 Subscription index in the catalog «Russian Press» 43720

Access to abstracts of articles of the magazine is carried out on the Scientific Electronic Library Online «eLIBRARY.RU» (http://elibrary.ru).

ISSN 2221-7789

Editorial address: Kabardino-Balkarian State University, 360004, Nalchik, Chernyshevsky st. 173

Phone number: (88662)722313

E-mail: rio@kbsu.ru , http://izvestia.kbsu.ru

@ Authors, 2014

© Kabardino-Balkarian State University of H.M. Berbekov. 2014

СОДЕРЖАНИЕ

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

Архестов Г.Х. Анализ и прогноз изменений режима осадков в предгорной части территории Ка-	_
бардино-Балкарской Республики	5
ния температуры кровли магматической камеры вулкана Эльбрус	12
RNMNX	
Адамокова М.Н., Кучмезова Ф.Ю. Исследование совместного электровосстановления ионов	
вольфрама и бора в хлоридно-фторидных расплавах	19
Апкарьян А.С., Губайдулина Т.А. Материал многократного использования для очистки питье-	
вой воды от железа и марганца на основе гранулированной пеностеклокерамики	25
МЕДИЦИНА	
Архестова Д.Р., Жетишев Р.А., Жетишева И.С., Керимов М.Б. Распространенность гипохром-	20
ной анемии у детей первого года жизни	30
Мизиев И.А., Гудов А.Х. «Каскадное» дренирование в лечении деструктивного панкреатита	34
Жетишев Р.Р., Камчатнов П.Р., Тлапшокова Л.Б., Жетишева И.С. Патологоанатомические	20
аспекты асимптомного инфаркта головного мозга	38
Захохов Р.М., Узденова З.Х., Шаваева В.А., Узденова А.А., Берхамова Э.А., Пшукова Е.М. Коррекция	40
йодного дефицита у девушек-подростков Кабардино-Балкарии и оценка ее эффективности Тхазаплижева М.Т., Узденова А.А., Узденова З.Х., Шаваева В.А., Балкаров А.О. Анализ кли-	40
нико-эпидемиологического статуса стоматологической заболеваемости у беременных в зависимо-	
сти от климатогеографических зон	44
Кешева З.М., Варивода Н.В. Проблемы трансформации танцевальной культуры народов КБР во	
второй половине 60-х-начале 80-х гг. XX века (историко-этнологический аспект)	50
Сабанчиев ХМ.А. Проблема депортации народов Кавказа и Крыма в 40-х гг. ХХ в. в междуна-	
родном контексте	54
ЭКОНОМИКА	
Данилова-Волковская Г.М., Холопенкова Е.В. Инновационный подход в управлении как необ-	
ходимое условие реализации кластерной политики государства (на примере создания туристиче-	59
ского кластера Северного Кавказа)	63
ФИЛОЛОГИЯ	"
Эдокова Л.Н. Специфика осмысления трагического (на материале произведений А. Теппеева)	66
Прокудина О.А. Коммерческое имя – эргоним и контекст	69
Кокова Б.Дж., Коков Дж.Н., Кокова Л.Дж. «Шы» (лошадь) в кабардинских онимах	73
Кудаева И.З. Поговорки с сочиненным компонентом в русском и кабардинском языках ЮРИСПРУДЕНЦИЯ	77
Хоконов М.А., Гукепшоков М.Х., Канаметов З.Х. Предпосылки формирования гражданско-	
правовой культуры в традиционном адыгском социуме (сравнительный аспект)	81
Исаков И.Н. Эволюция правовых организаций российских регионовКРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ	85
Карамурзов Б.С., Жазаева Е.М., Тхакахов Р.Б. Термическая модификация и морфология кри-	
	93
сталлизующихся полимеров	96
Апкарьян А.С., Губайдулина Т.А. Гранулированная пеностеклокерамика для изоляции инже-	
нерных сетей, сооружений и тепловых агрегатов	99
Ашинова И.В. Гламурная языковая личность	103
Ашинова И.В. Происхождение и история гламура как лингвокультурного понятия	106
Ксенофонтов А.С., Москаленко Л.А. Образование ступенчатой структуры пикноклина на ниж-	108
ней границе дрейфового течения	
Жугов А.А. К вопросу о правовой природе банковской гарантии	111
Юрьева М.Ю. Социально-акмеологический потенциал цивилизационного творчества молодежи	113
Дышеков М.В. Исследования императорского русского географического общества на Кавказе:	117
Л.Я. Люлье о судопроизводстве шапсугов и натухайцев	116
Требования к оформлению научной статьи, представляемой в журнал «Известия Кабардино-	110
Балкарского государственного университета»	119

CONTENTS

EARTH SCIENCES

Arkhestov G.Kh. Analysis and forecast of changes of precipitation regime in submountain part of territory of the Kabardino-Balkarian Republic
Likhodeev D.V., Dolov S.M., Shevchenko A.V., Dudarov Z.I., Bogotov N.H. About an approach to solving
a problem of determining the temperature of the roof in the magmatic chamber of Elbrus volcano
CHEMISTRY
Adamokova M.N., Kuchmezova F.Y. The investigation of joint electroreduction of tungsten and boron
ions in chloride-fluoride melts
Apkaryan A.S., Gubaidulina T.A. Material reusable for drinking water iron and manganese based
granulated penosteklokeramiki
MEDICINE
Arkhestova D.R., Zhetishev R.A., Zhetisheva I.S., Kerimov M.B. The prevalence of hypochromic
anemia in infants
Miziev I.A., Gudov A.Kh. «Cascade» drainage in the treatment of destructive pancreatitis
Zhetishev R.R., Kamchatnov P.R., Tlapshokova L.B., Zhetisheva I.S. Mortem aspects asymptomatic cerebral infarction
Zahohov R.M., Uzdenova Z.H., Shavaeva V.A., Uzdenova A.A., Pshukova E.M. Correction of iodine
deficiency in adolescent girls of Kabardino-Balkaria and an assessment of its efficiency
Thazapligeva M.T., Uzdenova A.A., Uzdenova Z.H., Shavaeva V.A., Balkarov A.O. Analysis of
clinico-epidemiological status of dental morbidity in pregnant women, depending on the climatic and
geographical zones
HISTORY. PHILOSOPHY. CULTURAL
Kesheva Z.M., Varivoda N.V. Problems of transformation dance culture KBR peoples in the second
half 60's—early 80's XX century (historical and etnological aspect)
Sabanchiyev KhM.A. Soviet-Turkish relations during the war and their influence on the deportation of
the peoples of the Caucasus and the Crimea in 1943–1944
ECONOMY
Danilova-Volkovskaya G.M., Kholopenkova E.V. An innovative approach to the management as a
necessary condition for the implementation of cluster policy (through the creation of the North Caucasus
Tourism Cluster)
Tkhagapsov A.V. Recommendations as per development of marketing of tourism in republic of 63
Kabardino-Balkaria
PHILOLOGY (1)
Edokova L.N. The specific nature of comprehension of the tragic on the material of A. Teppeev's story
Prokudina O.A. Commercial name ergonym and context 69
Kokova B.D., Kokov D.N., Kokova L.D. «Horse» in Kabardian names
Kudayeva I.Z. Sayings with the composed component in the Russian and Kabardian languages
Hokonov M.A., Gukepshokov M.H., Kanametov Z.Kh. Prerequisites of formation of civil culture in
traditional Adyghe society (comparative aspect) 81
Isakov I.N. The evolution of legal institutions in the russian regions
SHORT REPORTS When the state of the state o
Karamurzov B.S., Zhazaeva E.M., Tkhakakhov R.B. Thermal modification and morphology of crystallizable polymers
crystallizable polymers
Apkaryan A.S., Gubaidulina T.A. Granulated penosteklokeramika insulation for engineering networks,
structures and thermal units
Ashinova I.V. Glamorous linguistic identity 10.
Ashinova I.V. Origin and history of the concept of glamor as linguocultural
Ksenofontov A.S., Moskalenko L.A. The formation of the pycnocline stepped structure at lower border
of the drift current
Zhugov A.A. To the question about legal nature of bank guarantee
Yurieva M.Yu. Social and acmeological potencial of youth civilizational creativity
Dyshekov M.V. Investigations the imperial Russian geographical society in the Caucasus: L.Ya. L'huillier
about proceedings shapsugs and natukahai
The demand to the design of the scientific article, represented in the magazine «Proceeding of the
Kabardino-Balkarian State University»

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

УДК 551.583

АНАЛИЗ И ПРОГНОЗ ИЗМЕНЕНИЙ РЕЖИМА ОСАДКОВ В ПРЕДГОРНОЙ ЧАСТИ ТЕРРИТОРИИ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Архестов Г.Х.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

arkhestov61@mail.ru

В работе приводятся результаты анализа и прогноза изменений режима атмосферных осадков в различные сезоны года в предгорной климатической зоне КБР. Показано, что количество осадков в зимние и весенние сезоны имеет тенденцию к уменьшению, а в летние и осенние сезоны оно увеличивается. Годовое количество осадков также возрастает. Результаты прогнозирования динамики данного метеопараметра показывают, что эти тенденции сохранятся и в будущем.

Ключевые слова: атмосфера, временные ряды, метеопараметр, статистические характеристики, сравнительный анализ, аномальные элементы, модель прогнозирования.

ANALYSIS AND FORECAST OF CHANGES OF PRECIPITATION REGIME IN SUBMOUNTAIN PART OF TERRITORY OF THE KABARDINO-BALKARIAN REPUBLIC

Arkhestov G.Kh.

Kabardino-Balkarian State University

The results of analysis and of prediction of the changes of the regime of the atmospheric precipitations in various seasons in submountain climatic zone of the Kabardino-Balkarian Republic have been given. It is shown that the amount of precipitation in winter and spring tends to reduce while it increases in summer and autumn. The annual precipitation also increases. According to the results of prediction of the dynamics of these meteorological elements, this tendency will be preserved in the future.

Keywords: atmosphere, time series, meteoparameters, statistical characteristics, comparative analysis, abnormal elements, forecasting model.

Для анализа динамики количества атмосферных осадков в различные сезоны года в предгорной климатической зоне были использованы данные метеостанций, расположенных в городах Нальчик и Баксан. Анализ проведен с помощью алгоритма из [1], согласно которому временные ряды метеопараметров представлялись в виде частичных рядов, для каждого из которых вычислялись значения достаточно широкого набора статистических характеристик, а затем проводился их сравнительный анализ. При этом использовались два варианта представления исходных временных рядов в виде частичных. В первом варианте исходный временной ряд каждого из показателей был представлен в виде трех частичных рядов (1961–1977 гг., 1978–1994 гг., 1995–2011 гг.), а во втором варианте – в виде двух (1961–1985 гг. и 1986–2011 гг.). Для каждого из них вычислялись среднее значение, среднеквадратическое отклонение, коэффициенты асимметрии и эксцесса, минимальное и максимальное значения и разброс между ними. В результате сравнительного анализа их значений делались выводы о динамических свойствах временных рядов метеопараметров. Использование двух вариантов представления временных рядов метеопараметров в виде частичных позволяет исключать неоднозначности при интерпретации результатов расчетов.

В таблице приведены значения статистических характеристик частичных временных рядов количества осадков в различные сезоны года. В случае двух частичных временных рядов, как можно заметить, в зимние сезоны наблюдается незначительное увеличение среднего значения данного метеопараметра на 0,7 мм. В то же время в случае трех частичных рядов имеет место устойчивое уменьшение значений данной характеристики. Можно также заметить, что минимальное значение метеопараметра уве-

личивается с течением времени при неизменном максимальном значении. Это может свидетельствовать о том, что процессы осадкообразования в данной климатической зоне на рассматриваемом отрезке времени становятся более интенсивными. Что касается коэффициента асимметрии, то в случае трех частичных рядов он сначала увеличивается, а затем происходит незначительное его уменьшение. Такое поведение данной характеристики, возможно, связано с наличием во временном ряду метеопараметра циклических составляющих.

Таблица Статистические характеристики частичных временных рядов количества осадков в различные сезоны года (г. Нальчик)

Интервалы временного ряда (гг.)	Среднее значение (мм)	Средне- квадр. откл. (мм)	Коэфф. асим.	Коэфф. эксцесса	Миним. значение (мм)	Максим. значение (мм)	Разброс (мм)	
Зимние сезоны								
1961–1977	78,0	18,9	-2,76	43,9	38	117	79	
1978–1994	71,3	18,5	19,9	56,2	48	115	67	
1995–2011	70,5	17,5	18,1	61,5	47	117	70	
1961–1985	73,0	18,0	8,36	67,1	38	117	79	
1986–2011	73,7	19,3	23,1	69,5	47	117	70	
			Весенние	сезоны				
1961–1977	211,1	66,3	9,9	52,3	97	372	275	
1978–1994	188,3	48,5	-4,1	44,5	88	269	181	
1995–2011	185,0	53,4	-5,2	35,3	90	268	178	
1961–1985	207,4	63,5	7,0	81,3	88	372	284	
1986–2011	181,8	45,8	-4,4	64,3	90	268	178	
			Летние (сезоны				
1961–1977	221,1	70,0	-5,9	33,1	114	308	194	
1978–1994	251,5	66,3	-5,0	43,8	125	373	248	
1995–2011	230,6	80,5	7,2	34,8	98	373	275	
1961–1985	225,5	61,0	-8,1	54,8	114	326	212	
1986–2011	243,3	78,2	2,5	49,3	98	373	275	
	•	1	Осенние	сезоны		•		
1961–1977	129,2	46,7	28,0	98,4	76	274	198	
1978–1994	125,5	41,2	12,4	55,1	62	220	158	
1995–2011	169,1	53,6	23,1	87,5	97	329	232	
1961–1985	128,0	40,5	45,2	180,8	76	274	198	
1986–2011	157,7	55,3	24,8	113,0	62	329	267	

Изменение данной характеристики, по нашему мнению, правильно отражает характер изменения среднего значения — замедление темпа снижения среднего количества осадков в конце рассматриваемого отрезка времени. В обоих вариантах представления исходного временного ряда происходит уменьшение во времени разброса между максимальным и минимальным его значениями. Это связано, как можно заметить, с увеличением минимального значения при неизменном максимальном значении. В

целом, судя по изменению характеристик частичных рядов, в предстоящие годы, видимо, будет иметь место некоторое уменьшение количества осадков в зимние сезоны.

В обоих вариантах представления временного ряда количества весенних осадков среднее значение имеет тенденцию к уменьшению. Например, по сравнению с его значением на интервале 1961–1977 гг., на следующем интервале оно уменьшилось более чем на 20 мм, что можно считать существенным. Характер изменения остальных характеристик также указывает на наличие тенденции уменьшения количества осадков в весенние сезоны. Об этом свидетельствует, например, поведение коэффициента асимметрии, который снижается быстрыми темпами в обоих случаях. Такое изменение данной характеристики сопровождается устойчивым уменьшением максимального значения метеопараметра. Что касается минимального значения, то в целом оно также снижается, но более медленными темпами, чем максимальное значение. Следствием такого поведения этих характеристик является сокращение разброса между ними, что указывает на то, что осадки в весенние сезоны в предгорной зоне региона становятся более однородными.

Как показывают результаты расчетов характеристик частичных временных рядов, в летние сезоны имеет место достаточно устойчивое увеличение среднего количества осадков (исключением является интервал 1978–1994 гг., на котором наблюдается резкое увеличение значения данной характеристики). По сравнению с его значением на предыдущем интервале, на интервале 1986–2011 гг. среднее количество летних осадков возросло примерно на 20 мм. На наличие тенденции возрастания количества осадков в летние сезоны указывает и поведение других характеристик частичных рядов. В частности, на это указывает поведение коэффициента асимметрии, который увеличивается с течением времени, причем достаточно быстрыми темпами в обоих случаях представления исходного временного ряда.

Максимальное значение количества летних осадков меняется с течением времени сложным образом: сначала оно увеличивается на 65 мм, что также можно считать значительным, затем остается неизменным. В целом данная характеристика, видимо, будет возрастать с течением времени. В то же время наблюдается снижение незначительными темпами минимального значения метеопараметра (интервал 1978–1994 гг. является исключением) при одновременном росте его максимального значения. Следствием такого поведения этих характеристик, как можно заметить, является устойчивое увеличение разброса между ними. Это указывает на то, что в данной климатической зоне региона имеет место усиление процессов осадкообразования в летние сезоны, что приводит к увеличению, хотя и незначительными темпами, количества осадков. Наряду с этим происходит увеличение числа летних сезонов с небольшим количеством осадков. Таким образом, летние осадки становятся более интенсивными и неоднородными.

Поведение статистических характеристик частичных временных рядов показывает, что изменение во времени количества осадков в осенние сезоны носит более сложный характер, чем в другие сезоны года. Можно заметить, что в случае трех частичных временных рядов коэффициент асимметрии сначала уменьшается, причем существенно, затем происходит его увеличение. В случае двух частичных временных рядов имеет место его уменьшение. Поэтому судить по поведению данной характеристики о тенденции изменения количества осадков в осенние сезоны достаточно сложно. Однако поведение коэффициента асимметрии, видимо, может свидетельствовать о появлении в динамике метеопараметра тенденции уменьшения, хотя на рассматриваемом отрезке времени тенденция противоположная.

Отметим, что по результатам анализа изменения статистических характеристик частичных временных рядов однозначное определение закономерностей изменения данного метеопараметра встречает трудности. По нашему мнению, на его динамику существенное влияние оказывают циклические составляющие. Обращает на себя внимание и тот факт, что максимальное количество осадков увеличивается достаточно быстрыми темпами (исключением является интервал 1978–1994 гг., на котором его значение уменьшилось, но незначительно). При этом изменение минимального значения метеопараметра происходит достаточно медленно. Такое поведение этих характеристик может свидетельствовать об интенсификации процессов осадкообразования в осенние сезоны.

Полученные результаты были дополнены результатами анализа наличия во временных рядах метеопараметров аномальных элементов. Для проведения исследований был использован метод Ирвина [2], который основан на вычислении значений параметра

$$\lambda_t = \frac{|y_t - y_{t-1}|}{\sigma_v}, t = \overline{1, n},$$

характеризующего степень аномальности конкретного элемента временного ряда.

В этом выражении \overline{y} – среднее значение, σ_y – среднеквадратическое отклонение временного ряда $y_1, y_2,, y_n$.

Для классификации элементов временного ряда расчетные значения λ_2 , λ_3 , ... сравниваются с табличными значениями критерия Ирвина λ_α . Если значение λ_t оказывается больше значения данного критерия, то соответствующее значение y_t элемента временного ряда считается аномальным. Значение критерия Ирвина зависит от длины временного ряда. Для используемых в настоящей работе временных рядов метеопараметров, длины которых порядка 50 и более элементов, он равен 1,1.

Расчеты производились для количества осадков в различные сезоны года. Анализ результатов расчетов был проведен с точки зрения определения:

- количества аномальных элементов во временных рядах;
- содержания этих элементов во временных рядах в зависимости от сезона года;
- распределения этих элементов во временных рядах метеопараметров.

Анализ показал, что аномальные элементы во временных рядах распределены различным образом, что свидетельствует о различном влиянии изменений климата на режим осадков в различные сезоны года. Во временном ряду количества осадков в зимние сезоны, например, такие элементы не содержатся. Это указывает на то, что влияние изменений климата на процессы осадкообразования в эти сезоны можно считать слабым. Такие же результаты были получены выше в итоге математико-статистического анализа временного ряда данного метеопараметра. В то же время во временном ряду количества весенних осадков число аномальных элементов составляет 26, а во временных рядах количества осадков в летние и осенние сезоны — соответственно 21 и 16. Таким образом, влиянию изменений климата более подвержены процессы осадкообразования в весенние сезоны, затем в летние и осенние сезоны, и, как уже отмечалось, в зимние сезоны они практически не подвержены влиянию изменений климата.

Эти выводы согласуются с результатами анализа динамики этих метеопараметров. Отметим еще, что во временном ряду количества весенних осадков эти элементы расположены преимущественно в начале и конце ряда, а что касается временного ряда количества летних осадков, то вторая его половина практически состоит из аномальных элементов. Это относится и к временному ряду количества осенних осадков — вторая его часть более насыщена аномальными элементами.

Распределение аномальных элементов во временных рядах метеопараметров показывает, что в весение сезоны они локализуются преимущественно в первой трети и в конце ряда. Это означает, что влияние изменений климата на процессы осадкообразования в эти сезоны было выше в соответствующие годы – примерно до начала 80-х годов прошлого века и с начала 2000-х годов. В летние сезоны влияние изменений климата на процессы осадкообразования было более заметным в 1970-х и в начале 1990-х годов. А что касается осенних сезонов, то периоды влияния данного фактора на процессы осадкообразования не являются такими длительными, как в осенние и летние сезоны – они составляют один или два года.

Исходя из результатов расчетов, можно отметить, что анализ последствий климатических изменений количества и режима осадков в различные сезоны года в предгорной зоне региона требует проведения дальнейших исследований. Для исследования их влияния на продуктивность сельскохозяйственных культур, например, необходимо проведение анализа и прогноза агроклиматических ресурсов данной климатической зоны [3–5]. А это требует расширения набора используемых для этой цели метеопараметров, построения зависимости урожайности культур от основных агрометеорологических факторов и т.д.

Остановимся на построении модели и результатах прогнозирования динамики количества осадков в различные сезоны года. Отметим, что модель основана на учете цикличностей, скрытых во временных рядах метеопараметров [1], и имеет вид:

$$P(t) = p_0 + k_0 t + \sum_{i=1}^{N} \left(a_i \cos \frac{2\pi t}{T_i} + b_i \sin \frac{2\pi t}{T_i} \right), (i=1,2,...,N),$$
(1)

где p_0 , k_0 — коэффициенты линейной составляющей; T_i — периоды и a_i , b_i — коэффициенты циклических составляющих во временном ряду метеопараметра P(t).

Выражение (1) содержит параметры p_0 , k_0 , a_i , b_i , T_i , подлежащие определению (всего 3N+2 параметров). При построении модели на первом этапе методом фазовых портретов находились периоды T_i , затем методом наименьших квадратов находились параметры p_0 , k_0 , a_i , b_i .

Из временного ряда количества осадков в летние сезоны, например, были выделены следующие значения T_i : -1,7; 2,1; 3,4; 5,7; 6,3; 7,3; 8,2; 9,5; 10,5; 12,1 лет. Из временных рядов метеопараметра в другие сезоны были выделены примерно такие же цикличности. Отметим, что из временных рядов, состоящих из M элементов, можно выделить цикличности, периоды которых не превышают M/2. В связи с этим при прогнозировании временных рядов возникает необходимость добавления в модель (1) слагаемых, соответствующих значениям T_i , большим, чем выделенные из временных рядов. Нахождение таких значений T_i может оказаться сложной проблемой.

При прогнозировании временных рядов важно исследование их трендоустойчивости. В настоящей работе для этой цели вычислялись значения показателя Херста, соответствующие временным рядам метеопараметров. Не останавливаясь подробно, отметим, что значения показателя Херста этих рядов оказались близкими к 1, что указывает на их достаточно высокую трендоустойчивость [6]. Кроме того, исследования работоспособности данного метода прогнозирования, проведенные в [1] с использованием тестовых временных рядов, показали, что он обладает высокой эффективностью.

На рис. 1 приводятся значения количества осадков в зимние сезоны на интервале 1961-2011~гг. и их прогнозные значения до 2030~г.

Можно заметить, что изменение во времени данного метеопараметра носит сложный характер. Заметную роль в его динамике играют циклические составляющие. Анализ результатов расчетов показывает, что и на интервале упреждения будет продолжаться тенденция уменьшения количества осадков в зимние сезоны, хотя на этом интервале оно замедлится. На наличие такой тенденции указывали результаты анализа временного ряда его значений на интервале 1961–1977 гг.

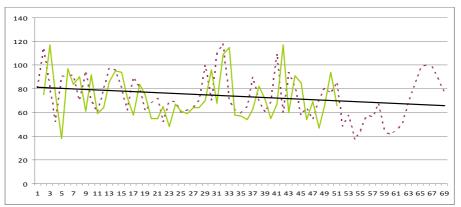

Рис. 1. Фактические (сплошная линия) и прогнозные (пунктирная линия) значения количества осадков в зимние сезоны

На рис. 2 приводятся значения количества осадков в весенние сезоны на исходном отрезке времени (сплошная линия) и его прогнозные значения, определенные с помощью модели (1) (пунктирная линия).

Отметим, что исходя из поведения линейного тренда метеопараметра делать однозначные выводы об уменьшении или увеличении количества зимних осадков на интервале упреждения не представляется возможным. Можно лишь заметить, что на интервале 2000–2020 гг. (отрезок 40–60 на оси абсцисс) имеет место некоторое увеличение максимальных значений количества осадков и разброса между максимальными и минимальными значениями метеопараметра, что, возможно, связано с интенсификацией процессов осадкообразования на этом отрезке времени.

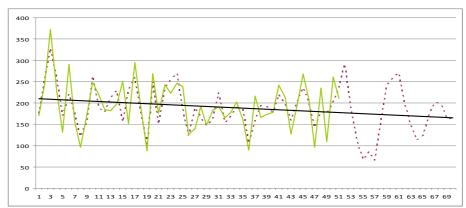

Рис. 2. Фактические (сплошная линия) и прогнозные (пунктирная линия) значения количества осалков в весенние сезоны

Наличие большого количества аномальных элементов в последней трети исходного временного ряда может быть обусловлено этим явлением. Конец интервала упреждения, видимо, будет началом следующего периода уменьшения количества осадков в зимние сезоны. Таким образом, можно предпо-

ложить, что в настоящий момент времени в данной климатической зоне наблюдается период активизации процессов осадкообразования, который продолжится еще некоторое время (7–8 лет).

В целом исходя из результатов анализа и прогноза динамики количества осадков в зимние сезоны можно предположить, что имеет место постепенное его уменьшение. Очевидно, что такое поведение данного метеопараметра должно привести к некоторому снижению устойчивости производства сельско-хозяйственной продукции.

На рис. 3 сплошной линией изображены фактические значения количества осадков в летние сезоны, а пунктирной линией – вычисленные с помощью выражения (1) его прогнозные значения.

Приведенные данные показывают, что изменение с течением времени значений данного метеопараметра также носит сложный характер, но, несмотря на это, модель (1) также достаточно адекватно описывает его динамику на исходном отрезке времени. Что касается поведения метеопараметра на интервале упреждения, то в целом, по результатам расчетов, в будущем следует ожидать увеличения количества летних осадков в предгорной зоне региона.

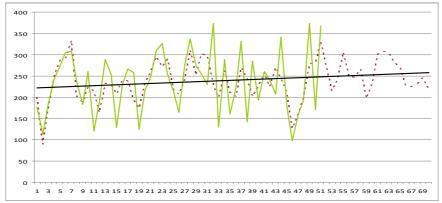

Рис. 3. Фактические (сплошная линия) и прогнозные (пунктирная линия) значения количества осадков в летние сезоны

Такое поведение количества осадков в летние сезоны должно благоприятно отразиться на производстве в данной климатической зоне республики всех видов сельскохозяйственных культур и в целом на функционировании сельского хозяйства.

Остановимся далее на результатах расчетов по прогнозированию количества осадков в осенние сезоны. На рис. 4 сплошной линией изображены фактические значения данного метеопараметра, а пунктирной линией прогнозные значения, вычисленные с помощью выражения (1).

Можно заметить, что в предстоящие годы количество осадков в эти сезоны будет возрастать. Об этом свидетельствует поведение линейного тренда, т.е. обнаруженная выше в результате анализа временного ряда значений данного метеопараметра тенденция сохранится и на интервале упреждения.

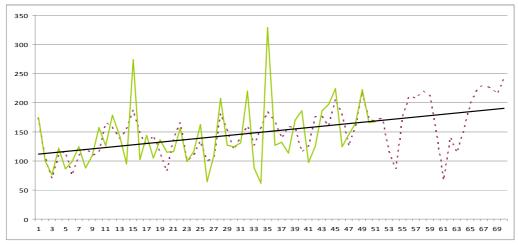

Рис. 4. Фактические (сплошная линия) и прогнозные (пунктирная линия) значения количества осадков в осенние сезоны

Что касается возможных последствий такой тенденции в динамике количества осенних осадков для сельского хозяйства, то, с одной стороны, они будут носить благоприятный характер для производства озимых культур за счет увеличения влагосодержания в почве. С другой же стороны, в зависимости от изменений режима осадков она, создавая определенные трудности при проведении уборочных работ, может отрицательно повлиять на производство продукции.

Таким образом, приведенные данные указывают на то, что в предстоящие годы в предгорной зоне республики будет наблюдаться увеличение количества осадков за год. Как показали исследования, оно будет обусловлено более заметным повышением количества осадков в летние и осенние сезоны, в зимние и весенние сезоны наблюдается незначительное снижение количества осадков.

В заключение отметим, что, согласно результатам исследований, изменения агрометеорологических условий производства сельскохозяйственной продукции в предгорной зоне региона за счет «медленных» изменений климата будут достаточно заметными. Очевидно, что такая тенденция изменения условий производства продукции может отразиться и на продуктивности культур. Поэтому представляют интерес исследование изменений агроклиматических ресурсов в данной климатической зоне, а также их прогнозирование.

Библиография

- 1. Ашабоков Б.А., Бисчоков Р.М., Жеруков Б.Х., Калов Х.М. Анализ и прогноз изменений режима осадков и температуры воздуха в различных климатических зонах Северного Кавказа. Нальчик: КБНЦ РАН, 2008. 182 с.
- 2. Красс М.С., Чупрынов Б.П. Математика в экономике. Математические методы и модели. М.: Финансы и статистика, 2007. С. 544.
- 3. Дронин Н.М., Кириленко А.П. Зависимость урожаев зерновых от погодных условий в России в XX веке (1958–1990 годы) // Материалы международной научной конференции «Региональные эффекты глобальных изменений климата (причины, последствия, прогнозы)». Воронеж, 26–27 июня 2012. С. 389–392.
- 4. Израэль Ю.А., Сиротенко О.Д. Моделирование влияния изменений климата на продуктивность сельского хозяйства России // Метеорол. и гидрология. 2003. № 6. С. 5–17.
- 5. Парниковый эффект, изменение климата и экосистемы / под ред. Б. Болина, Б. Дееса, Дж. Ягера, Р. Уорика. Л.: Гидрометеоиздат, 1989. 558 с.
- 6. Перепелица В.А., Попова Е.В. Фрактальный анализ поведения природных временных рядов // Современные аспекты экономики. 2002. № 9 (22). С. 185–200.

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕМПЕРАТУРЫ КРОВЛИ МАГМАТИЧЕСКОЙ КАМЕРЫ ВУЛКАНА ЭЛЬБРУС

*Лиходеев Д.В.¹, Долов С.М.², Шевченко А.В.², Дударов З.И.², Боготов Н.Х.²

¹Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта Российской академии наук ²Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

*dmitriy@ifz.ru

В работе представлены результаты исследований тепловых аномалий активного вулкана Эльбрус.

Ключевые слова: вулкан Эльбрус, тепловое поле, магматическая камера, фумарола, температурный градиент.

ABOUT AN APPROACH TO SOLVING A PROBLEM OF DETERMINING THE TEMPERATURE OF THE ROOF IN THE MAGMATIC CHAMBER OF ELBRUS VOLCANO

Likhodeev D.V.¹, Dolov S.M.², Shevchenko A.V.², Dudarov Z.I.², Bogotov N.H.²

¹The Schmidt Institute of Physics of the Earth of the Russian Academy of Sciences ²Kabardino-Balkarian State University

The results of studies of thermal anomalies of the active volcano Mount Elbrus are presented.

Keywords: Mount Elbrus, the thermal field, magma chamber, fumarole, a temperature gradient.

Среди тепловых аномалий Северного Кавказа на первый план выступает район Эльбрусского вулканического центра. И это не случайно, так как Эльбрус – активный вулкан в состоянии покоя [1, 2]. Работами российских ученых установлено, что периферический и материнский магматические очаги вулкана располагаются на глубинах 0–7 и 20–30 км ниже уровня моря соответственно [3–5].

В ряде научных публикаций последних лет делались попытки определить температуру магм в магматическом очаге и магматической камере вулкана Эльбрус. Проявленный интерес к этой задаче в первую очередь связан с тем, что большинство геолого-геофизических процессов, связанных с формированием жизненного цикла активных вулканических центров, определяются магматическими образованиями. Эти работы опирались в основном на данные, которые были получены с использованием «химических» термометров, точность которых невелика. Установлено, что влияние существенного температурного воздействия корневой системы вулкана на окружающую ее среду находит отражение и в температурном режиме углекислых минеральных вод (УМВ) [1, 2, 6, 7], а также в фумарольной активности непосредственно в районе вулканической постройки Эльбруса.

Первое в истории изучения Эльбруса наблюдение фумарольной активности, подтвердившее принадлежность Эльбруса к категории активных вулканов, было проведено в ходе экспедиционных исследований Северо-Кавказского отделения Лаборатории гидрогеологических проблем АН СССР в августе 1961 года [8].

Было обследовано «фумарольное поле», находящееся на северо-западном склоне восточной вершины на высоте 5450–5520 м над уровнем моря, в 250 м к северо-востоку от хижины «Седловина». В плане этот участок представляет собой овал, вытянутый в восточном направлении на 250 м при ширине 100–120 м. Весь склон в районе термального поля перекрыт элювием и делювием, которые состоят из разновеликих обломков лав, зачастую выступающих из-под фирна. Осыпь полностью закрывает места естественных выходов газов из коренных пород. Описанный участок интенсивных парогазовыделений состоял из системы сообщающихся проталин и лабиринтов в фирновом покрове мощностью от 0 до 3 м. В местах наименьшего разбавления теплых струй возникли гроты высотой 2–2,5 м, диаметром до 5–6 м. Внутренние стенки гротов состояли изо льда. В некоторых из них конденсируются водяные пары в виде удлиненных иголочек снега.

Замеры температур в фумаролах показывают, что внутри гротов воздух нагрет неравномерно из-за рассредоточения коренных струй и разбавления их наружным воздухом. Тем не менее внутри многих проталин отмечалась температура +16...+18 °C, в то время как температура наружного воздуха была -5...-7 °C.

Химический анализ выделяющихся газов проводился на месте в походной лаборатории, а также в стационарной химической лаборатории. Анализу подвергались газы, содержащиеся внутри проталин и гротов, конденсаты водяных паров, пробы льда, отобранные вблизи фумарол.

Соединения серы были обнаружены лишь в одной пробе конденсата водяных паров, но, повидимому, их выделение в привершинной части Эльбруса нельзя считать редким явлением. Во многих местах там явно ощущается запах сероводорода, поэтому с достаточной уверенностью можно предполагать наличие значительно более активно действующих фумарол. Анализ данных, полученных в ходе экспедиций 1961–1962 гг., однозначно свидетельствует о том, что вулкан Эльбрус относится к категории активных вулканов, «спящих» в настоящее время. В ряде мест на вулкане эпизодически наблюдается спонтанная фумарольная активность, особенно под восточным вершинным кратером и ниже скал Пастухова (выбросы сернистого газа и пара вдоль тектонических трещин под ледником, в результате чего в теле последнего образовались линейные проталины и гроты). Важно отметить, что после 2002 г. интенсивность и частота проявления фумарольной активности увеличились. Наблюдения подтверждают усиление флюидной активности практически на всей территории Эльбрусского вулканического центра [8].

Сотрудниками Лаборатории прикладной геофизики и вулканологии ИФЗ РАН и кафедры чрезвычайных ситуаций КБГУ в процессе проведения экспедиционных исследований на вулканической постройке Эльбруса в 2006 г. зафиксирована выраженная флюидная активность. В результате этого процесса активизировалась фумарольная деятельность.

Наблюдаемые аномальные явления, развивающиеся на таких высотах (4500–5400 м), обусловлены, скорее всего, постоянными повышенными температурами на отдельных участках. При этом одной из основных причин повышения температур в отдельных районах вулканической постройки Эльбруса естественно считать наблюдающуюся в этом регионе флюидную активность.

Уже первое восхождение на восточную и западную вершины убедили членов экспедиции в том, что в этом регионе на поверхности вулканической постройки развиваются аномальные тепловые процессы. На восточной вершине была обнаружена фумарола (рис. 1).

Рис. 1. Фумарола на высоте 5599 м. Восточная вершина. Снимок И.И. Сердюкова, 11 августа 2007 г.

Температурные наблюдения, проведенные в районе восточной вершины вулкана, показали, что температура поверхностного слоя породы на дне фумаролы составила в момент посещения 6 °С. Сотрудники экспедиции ощущали выход флюидов (паров и других газов), затрудняющих их пребывание непосредственно в районе фумаролы. Других фумарол на восточной вершине в период этого посещения обнаружено не было.

Отборы проб газа на сероводород, углекислый газ и метан при помощи мобильных пробоотборников дали отрицательный результат. Скорее всего, в составе наблюдавшихся паровых эманаций, затруднявших дыхание, присутствовали в значительных концентрациях радон, гелий и другие газы, что в условиях кислородной недостаточности и создавало дискомфортную обстановку. Были проведены измерения размеров фумаролы. Эти данные представлены на рис. 2.

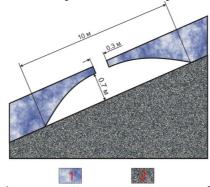

Рис. 2. Схема фумаролы: 1 – плотный слежавшийся снег, 2 – трещиноватые породы, слагающие тело вулканической постройки в районе восточной вершины вулкана [9]

Измерение температур в фумаролах производилось при помощи миниатюрных термографов High Capacity Temperature Loggers iButton (далее – Логгер) с корпоративным обозначением DS1922. Они представляют собой контактные защищенные регистраторы температуры, относящиеся к семейству iBDL. Термографы производятся компанией Dallas Semiconductor Corp. с мая 2004 г. Каждый из них представляет собой полностью защищенный одноканальный электронный самописец. Общий вид температурного Логгера и интерфейса для его программирования и снятия результатов приведен на рис. 3.

Рис. 3. Температурный Логгер

Логгер обеспечивает накопление в собственной энергонезависимой памяти значений температур среды, окружающей его корпус, в различных измерительных диапазонах с привязкой к реальному времени.

Во время экспедиции, проводившейся Институтом географии РАН в августе—сентябре 2009 на высоте 5500 м, в районе кромки восточного кратера Эльбруса были обнаружены проталины (рис. 4). Температура на поверхности площадки +5 °C, на глубине 20 см +15 °C. На обнажившихся скальных выходах были обнаружены новообразованные колонии мхов.

Рис. 4. Проталина на высоте около 5500 м (2009 г., фото В.Н. Михаленко)

В марте 2013 КБГУ была организована специальная экспедиция для исследования фумарольной активности в районе вулканической постройки Эльбруса.

При проведении экспедиционных работ в феврале—марте 2013 г. в районе Эльбрусского вулканического центра, начиная с поляны Азау вверх до станции Кругозор, были исследованы пять фумарол.

Места проведения исследовательских работ по изучению температурных режимов на вулканической постройке представлены на рис. 5.

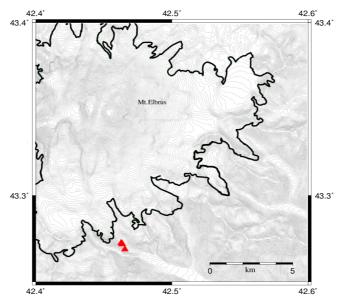

Рис. 5. Места проведения работ (треугольниками отмечены найденные фумаролы на вулканической постройке)

С помощью Логгеров были проведены измерения температур внутри фумарол. Измерения проводились в течение недели. На графиках (рис. 6) показаны полученные результаты. На этих графиках видно, что температура в фумаролах стабильная и не зависит от суточных вариаций температуры.

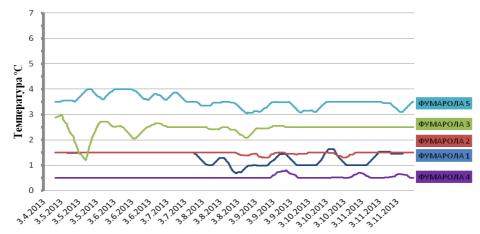

Рис. 6. Сравнительный график изменения температуры исследованных фумарол

Уточнение теплофизических параметров, местоположения магматического очага и магматической камеры в районе Эльбрусского вулканического центра является первоочередной задачей не только с точки зрения теоретического изучения вулкана Эльбрус, но и крайне важной с практической точки зрения. Чем точнее наши данные о положении магматических образований и их температуре, тем более точно можно рассчитать тепловые запасы Эльбрусского вулканического центра, что в свою очередь позволяет ставить вопрос об использовании геотермальных источников энергии в народном хозяйстве республики Кабардино-Балкария. Обладая громадным энергетическим потенциалом, магматические структуры могут обеспечить широкое развитие электростанций и систем геотермального теплоснабжения в регионе.

В общем случае определение температур в недрах вулкана связано с решением обратных задач теплопроводности. Принимая во внимание, что тепло в теле вулканической постройки распространяется преимущественно кондуктивным теплопереносом, и располагая данными о коэффициентах теплопроводности пород, составляющих вулканическую постройку, мы имеем возможность выполнить такие исследования. Для этого необходимо экспериментальными методами определить градиенты температур ниже горизонта влияния климатических циклов (~20–30 м).

Основная проблема, которая возникает при измерении температурного градиента в районе вулканической постройки, — необходимость бурения опытных скважин глубиной более 60 метров. Ученые не имели достаточных финансовых средств, чтобы выполнить подобные буровые работы на

вулканической постройке. И только в 2009 г. сотрудникам Учреждения Российской академии наук из Института географии РАН удалось пробурить такую скважину. 6 сентября 2009 г. было успешно завершено глубокое керновое бурение ледника на Западном плато Эльбруса. Координаты точки бурения — 43°20′53,9" с.ш. и 42°25′36,0" в.д., абсолютная высота поверхности ледника 5115 м над уровнем моря (рис. 7). Эти работы проводились Институтом географии РАН в рамках Международного полярного года [5]. Главная задача исследований, начатых в 2004 г., заключалась в реконструкции климатических изменений на Кавказе и создании основы для построения комплексной палеоклиматической хронологии для умеренных широт Северного полушария.

Западное ледниковое плато Эльбруса – единственный обширный (около 0,5 км²) субгоризонтальный участок на ледниковой поверхности Эльбруса, расположенный выше 5000 м. Плато представляет собой верхнюю часть области питания ледников Большой Азау и Кюкюртлю. На западе оно обрывается в сторону ледника Кюкюртлю вертикальными стенами и ледовыми сбросами, на востоке ограничено западной вершиной Эльбруса, а с северо-запада и юго-востока – крутыми скальными гребнями. С запада плато открыто для влагонесущих воздушных масс и получает осадки из свободной атмосферы, которые выпадают круглый год в виде снега.

После завершения бурения в скважине были проведены измерения температуры ледовой толщи. Перед началом измерений тампонированная скважина выстаивалась двое суток. Измерения с точностью 0,1 °C проводились сверху вниз при помощи термистора, который был тарирован дважды — до начала работ и после их окончания. Сравнение двух тарировок показало устойчивость характеристик измерительного элемента. На каждом уровне термистор выстаивался в течение 15–20 минут до полной стабилизации измеряемого электрического сопротивления. Результаты измерений представлены на рис. 8.

Полученный температурный профиль можно условно разделить на три участка: до 10 м, от 10 до 100 м и от 100 м до ложа ледника. На глубинах до 10 м можно видеть резкое изменение температуры примерно на 6 °C, которое связано с сезонными изменениями температуры на поверхности. От 10 до 100 м температура в скважине меняется в диапазоне от -19 до -13 °C [10].

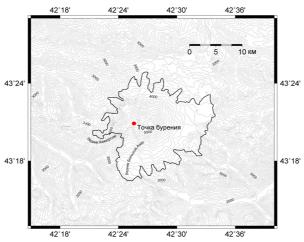

Рис. 7. Место бурения льда на вулканической постройке Эльбруса [1]

Участок температурного профиля от глубины 100 м до ложа ледника является практически линейным, что говорит об установившемся стационарном режиме теплопереноса и позволяет определить тепловой поток, а также выполнить оценку температуры на кровле магматической камеры вулкана Эльбрус.

В этом случае тепловой поток может быть определен уравнением Фурье:

$$q = -\lambda gradT$$

или

$$q = -\lambda \frac{T_1 - T_2}{\Lambda I},\tag{1}$$

где T_1 – температура в верхней части линейного участка температур (°С),

 T_2 – температура в нижней части линейного участка температур (°С),

 Δl – длина этого участка (м),

 λ – коэффициент теплопроводности льда (Вт/м·К),

q – плотность теплового потока (Bт/м²).

Используя данные натурного эксперимента и подставляя значения температур в соотношение (1), получим:

$$gradT_1=0.151 \text{ K/m}.$$
 (2)

Учитывая, что коэффициент теплопроводности λ для льда в диапазоне температур от -20 до 0 °C соответствует величине λ =2.25 Bt/м·К, получаем значение плотности теплового потока в точке измерений, равное 340 мBt/м², что хорошо согласуется с полученными ранее оценками (350 мBt/м²). Следует отметить, что расчет плотности теплового потока был выполнен ранее методом оценки вещественного баланса ледника Гарабаши [10]. В результате было получено значение в 347 мВt/м², что хорошо согласуется и с данными, полученными выше.

Размеры и положение магматической камеры и магматического очага вулкана Эльбрус были детально изучены в работах Собисевича А.Л. [9]. Здесь впервые удалось установить, что магматическая камера вулкана Эльбрус, приуроченная к западной периферии материнского магматического очага и расположенная выше последнего на 10–12 км, при активном зондировании генерирует наведенные волновые структуры на резонансных частотах. Из материнского очага в камеру поставка магматического материала осуществляется вдоль ослабленных зон, к числу которых относится и ослабленная (пограничная) зона западного окончания Транскавказского поперечного поднятия [11].

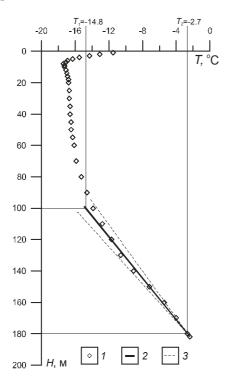
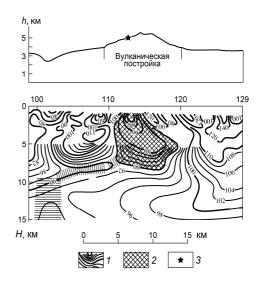

Рис. 8. Результаты измерения температуры в скважине на Западном ледовом плато Эльбруса: 1 — экспериментальные данные; 2, 3 — линейная аппроксимация температурного градиента; 2 — среднее значение; 3 — нижняя и верхняя граница диапазона возможных значений [1; 9]

Рис. 9. Положение вулканической камеры Эльбруса на разрезе поля тектонической раздробленности коры по линии, проходящей через вулкан и ориентированной по простиранию Кавказа. Над разрезом — рельеф местности с указанием конуса вулканической постройки Эльбруса: 1 — изолинии поля тектонической раздробленности коры; 2 — отождествляемая с вулканической камерой область аномально пониженных значений поля тектонической раздробленности в верхней части коры; 3 — точка бурения [1; 9]

Сегодня большинство исследователей [10] считают, что верхняя граница магматического очага вулкана Эльбрус находится примерно на уровне моря. В связи с этим можно принять, что расстояние от забоя скважины до верхней границы магматического очага (толщина застывших лав) в точке составляет порядка 5000—5150 м.

Температура кровли магматической камеры ($T_{\text{осн}}$) может быть рассчитана исходя из значений коэффициента теплопроводности горных пород вулканической постройки Эльбруса ($\lambda = 2.1 \text{ Bt/m·K}$): gradT=0,151 K/m, $T_{\text{осн}}$ =846 °C.

Таким образом, используя данные бурения, представилось возможным впервые установить, что магматическая камера Эльбруса разогрета до температур выше $800\,^{0}$ С. Полученный результат подтверждает наличие в основании вулканической постройки Эльбруса магматической камеры, которая заполнена жидкой магмой. Отметим, что эти данные находятся в хорошем согласии с результатами, которые приводит академик Федотов С.А. в своей книге «Магматические питающие системы и механизм извержений вулканов», где он характеризует температуру магматических расплавов для вулканов Камчатки [12].

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013 годы (соглашение № 14.В37.21.1265 от 21 сентября 2012 г.).

Библиография

- 1. Лиходеев Д.В., Михаленко В.Н. Температура кровли магматической камеры вулкана Эльбрус // Геофизические исследования. 2012. Т. 13, № 4. С. 70–75.
- 2. Масуренков Ю.П., Собисевич А.Л., Комкова Л.А., Лаверова Н.И. Флюидно-магматические системы Северного Кавказа. М.: ИФЗ РАН, 2010. 280 с.
- 3. Авдулов М.В. О геологической природе гравитационной аномалии Эльбруса // Изв. АН СССР. Сер. геол. 1962. № 9. С. 67–74.
 - 4. Масуренков Ю.П. Вулканы над интрузиями. М.: Наука, 1979. 219 с.
- 5. Масуренков Ю.П., Собисевич А.Л., Лиходеев Д.В., Шевченко А.В. Тепловые аномалии Северного Кавказа // ДАН. 2009. Т. 428, № 5. С. 667–670.
- 6. Масуренков Ю.П. Кайнозойский вулканизм Эльбрусской вулканической области. Вып. 51. М.: Тр. ИГЕМ АН СССР, 1961. 132 с.
- 7. Милюков В.К. Мониторинг состояния магматических структур вулкана Эльбрус по наблюдениям литосферных деформаций // Вулканология и сейсмология. 2006. № 1. С. 3–15.
- 8. Масуренков Ю.П., Собисевич А.Л., Комкова Л.А., Лаверова Н.И. Флюидно-магматическая система Северного Кавказа. М.: ИФЗ РАН, 2010. 280 с.
- 9. Собисевич А.Л., Нечаев Ю.В., Арбузкин В.Н., Трофименко Е.А., Пруцкий Н.И., Греков И.И. Новые геофизические данные о структуре магматических образований в районе Эльбрусского вулканического центра. Исследования в области геофизики. М.: ИФЗ РАН, 2004. С. 272–285.
- 10. Масуренков Ю.П. Плотность теплового потока и глубина залегания магматического очага под вулканом Эльбрус // Бюлл. вулканол. ст. 1971. № 47. С. 79–82.
- 11. Нечаев Ю.В., Собисевич А.Л., Собисевич Л.Е. Геодинамика, сейсмотектоника и вулканизм Центрального Кавказа // Глобальные изменения природной среды и климата // Изменение окружающей среды и климата. Т. 1. М.: ИФЗ РАН, 2008. С. 297–302.
- 12. Собисевич А.Л. Мониторинг слоистых неоднородных сред: монография. М.: ИФЗ РАН, 2001. 354 с.

RNMNX

УДК 544.65; 546.261

ИССЛЕДОВАНИЕ СОВМЕСТНОГО ЭЛЕКТРОВОССТАНОВЛЕНИЯ ИОНОВ ВОЛЬФРАМА И БОРА В ХЛОРИДНО-ФТОРИДНЫХ РАСПЛАВАХ

*Адамокова М.Н., Кучмезова Ф.Ю.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова *adamokovam1@yahoo.com

Проведены исследования механизма электровосстановления ионов вольфрама в электролите KCl-NaCl-CsCl-NaF. Установлено, что электровыделение вольфрама из расплавленной системы $KCl-NaCl-CsCl-Na_3WO_3F_3$ происходит из двухфтороксидных комплексов при различных потенциалах.

Показана принципиальная возможность получения боридов вольфрама из расплавленной системы $KCl-NaCl-CsCl-Na_3WO_3F_3-KBF_4$ при проведении процесса электролиза при потенциале выделения наиболее электроотрицательного элемента (бора).

Ключевые слова: бориды вольфрама, электрохимический синтез, ионные расплавы.

THE INVESTIGATION OF JOINT ELECTROREDUCTION OF TUNGSTEN AND BORON IONS IN CHLORIDE-FLUORIDE MELTS

Adamokova M.N., Kuchmezova F.Y.

Kabardino-Balkarian State University

The investigation of electoreduction mechanism of tungsten ions in KCl-NaCl-CsCl-NaF are carried out. The electrodeposition of tungsten from melted system KCl-NaCl-CsCl-Na $_3$ WO $_3$ F $_3$ is occurred from two fluoride-oxide complexes at different potentials.

The possibility in principle of tungsten boride electrosynthesis from melted system KCl–NaCl–CsCl– $Na_3WO_3F_3$ –KBF $_4$ at more negative element electrodeposition (boron) potential is showed.

Keywords: tungsten borides, electrochemical synthesis, ionic melts.

Уникальные эксплуатационные свойства бора и его соединений как в виде легирующих добавок в металлургии, так и при поверхностном упрочнении вызвали значительный интерес к изучению способов его получения. Соединения металлов с бором — бориды — представляют важный класс неорганических соединений с комплексом ценных свойств. В расплавленных системах с довольно большой разницей потенциалов выделения компонентов и малой энергией образования химического соединения электрохимический синтез осуществляется в кинетическом режиме [1]: на более электроположительный компонент выделяется более электроотрицательный с последующим их взаимодействием. Механизмом синтеза при таком его варианте является реакционная диффузия, когда определяющими, помимо электрохимических факторов, становятся температура и продолжительность процесса. Известно, что вольфрам и молибден электроположительнее бора на 0,5–0,7 В [2].

Данная работа посвящена исследованию совместного электровосстановления ионов вольфрама и бора в хлоридно-фторидных расплавах.

Исследование электровосстановления фтороксидных комплексов вольфрама в расплаве KCl-NaCl-CsCl на платиновом катоде

Электровосстановление фтороксидных комплексов вольфрама изучали на фоне тройной эвтектики хлоридов натрия, калия, цезия соответствующего состава (масс. %): KCl – 19,5 %; NaCl – 12,5 %; CsCl – 68,0 %.

Вольфрам вводили в хлоридный расплав в виде смеси трехокиси вольфрама и фторида натрия в соотношении WO₃·3NaF или плава Na₃WO₃F₃. Форма введения вольфрама принципиально не влияла на химическое и электрохимическое поведение системы. Визуальная оценка растворимости фтороксивольфрамата (мы вводили до 15,0 вес. %) в хлоридно-фторидном расплаве показала полное и быстрое растворение вводимого вещества.

Нами проведены вольт-амперные исследования указанной системы при температуре 550 °C на платиновом электроде при стационарном и нестационарном режимах поляризации.

На рис. 1 представлены вольтамперограммы расплава $KCl-NaCl-CsCl-3Na_3WO_3F_3$, полученные на платиновом электроде.

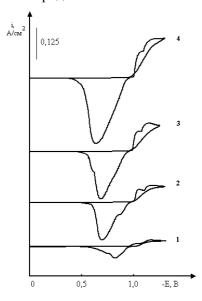

Рис. 1. Вольтамперограммы расплава KCl–NaCl–CsCl (эвтектика), содержащего Na₃WO₃F₃ при скорости поляризации 0,1 B/c. $C(Na_3WO_3F_3)\cdot 10^{-4}$, моль/см³: 1-1,0; 2-2,0; 3-3,0; 4-4,0

На катодной части вольтамперограммы имеются два пика электровосстановления, предположительно принадлежащие двум фтороксидным комплексам вольфрама: $WO_2F_4^{2-}$ ($-(0.95 \div 1.10)B$ относительно платино-кислородного электрода сравнения) и WOF_6^{2-} ($-(1.10 \div 1.25)$ B относительно платино-кислородного электрода сравнения).

Разность потенциалов пиков катодных волн составляет порядка ~100 мВ.

На анодной ветви циклической вольтамперограммы в более положительной области потенциалов – $(0,6\div0,7)$ В имеется широкая волна окисления, которая является суммой по крайней мере двух волн.

Если же поляризацию рабочего электрода проводить до -1.5 B, то наблюдаются две четкие волны окисления (рис. 1). С увеличением концентрации фтороксивольфрамата две волны как на катодных, так и на анодных частях вольтамперограмм сохраняются.

Рентгенофазовый анализ продуктов потенциостатического электролиза при потенциалах, соответствующих как первой, так и второй волне, показал, что осадок состоит из металлического вольфрама.

Таким образом, процесс электровосстановления фтороксивольфрамат-ионов на фоне расплава KCl–NaCl–CsCl можно представить следующим образом на первой волне:

$$WO_2F_4^{2-}+6e \rightarrow W+2O^{2-}+4F^-,$$
 на второй волне: $WOF_6^{2-}+6e \rightarrow W+O^{2-}+6F^-.$

Исследование влияния фторид-ионов на электровосстановление фтороксидных комплексов вольфрама в расплаве KCl–NaCl–CsCl

Из вольтамперных исследований эвтектического расплава KCl–NaCl–CsCl–Na $_3$ WO $_3$ F $_3$ можно заключить, что в такой расплавленной системе существуют две электрохимически активные частицы: WO $_2$ F $_4$ ²⁻ и WOF $_6$ ²⁻.

Соотношение концентраций этих частиц должно зависеть от концентрации фторид-ионов в расплаве. Добавление в расплав фторида натрия приводит к снижению тока пика первой волны (волны, описывающей процесс восстановления $WO_2F_4^{\ 2}$). Одновременно происходит рост второй волны (описывающей процесс восстановления $WOF_6^{\ 2}$), из чего можно заключить, что повышение концентрации F-ионов приводит к увеличению концентрации $WOF_6^{\ 2}$ -ионов и при концентрации VF Nac. % на катодной кривой остается одна-единственная стабильная волна восстановления фтороксидного комплекса вольфрама (рис. 2).

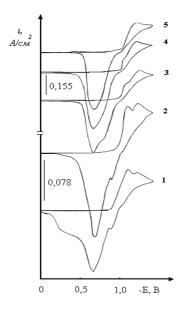

Рис. 2. Вольтамперограммы расплава KC1–CsC1–NaC1, содержащего $3.0 \cdot 10^{-4}$ моль/см³ Na₃WO₃F₃, при скорости поляризации 0,1 B/c, с различными концентрациями NaF, C(NaF), мас. %: 0; 2-2.0; 3-5.0; 4-7.5; 5-10.0

В низкотемпературном расплаве CsC1–KC1–NaC1–NaF – $Na_3WO_3F_3$ (или $WO_3\cdot 3NaF$) в зависимости от активности фторид-ионов в расплаве вольфрам существует в виде двух фтороксидных комплексов ($WO_2F_4^{2-}$ и WOF_6^{2-}), равновесная концентрация которых определяется следующим равновесием:

$$WO_2F_4^{2-} + 2F \leftrightarrow WOF_6^{2-} + O^{2-}$$
.

В таблице представлены некоторые электрохимические параметры электровосстановления ${\rm WOF_6}^2$ на платиновом электроде при температуре 550 °C.

Электрохимические параметры электровосстановления WOF_6^{2-} в расплаве CsCl-KCl-NaCl (эвтектика) – NaF(10 мас. %) на платиновом электроде при $T=550 \text{ }^{\circ}\text{C}$

v, B/c	-E _p , B	-Е _{р/2} , В	-E _p -E _{p/2} , B	i _p , A/см ²	$i_p/V^{1/2}$, $\frac{A \cdot c^{1/2}}{c_M^2 \cdot B^{1/2}}$
		C₁ (Na₃W0	D ₃ F ₃)=1,0·10 ⁻⁴ молі	ь/см ³	
0,1	1,033	0,993	0,040	0,0215	0,0682
0,5	1,061	1,006	0,055	0,0369	0,0522
1,0	1,105	1,030	0,075	0,0438	0,04385
		C₂ (Na₃W0	D ₃ F ₃)=2,0·10 ⁻⁴ молі	ь/см ³	
0,1	1,162	1,132	0,030	0,0323	0,1022
0,5	1,240	1,162	0,078	0,0531	0,0751
1,0	1,273	1,195	0,078	0,0654	0,0654
		C₃ (Na₃W0	D ₃ F ₃)=3,0·10 ⁻⁴ молі	ь/см ³	
0,1	1,158	1,136	0,052	0,0454	0,1436
0,5	1,236	1,166	0,070	0,0815	0,1153
1,0	1,277	1,177	0,100	0,1023	0,1023
		C₄ (Na₃W0	D ₃ F ₃)=4,0·10 ⁻⁴ молі	ь/см ³	
0,1	1,036	0,975	0,061	0,0892	0,2824
0,5	1,028	0,971	0,057	0,1492	0,2111
1,0	1,043	0,968	0,075	0,01938	0,1938

Зависимость тока электровосстановления фтороксидного комплекса WOF_6^{2-} от концентрации фтороксивольфрамата натрия $Na_3WO_3F_3$ и скорости поляризации в расплаве KCl–NaCl–CsCl–NaF (10 мас. %) представлена на рис. 3, 4.

Таблица

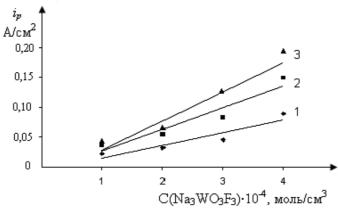

Рис. 3. Зависимость тока пика волны WOF_6^{2-} от концентрации $Na_3WO_3F_3$ при различных скоростях поляризации, B/c: 1-0,1; 2-0,5; 3-1,0

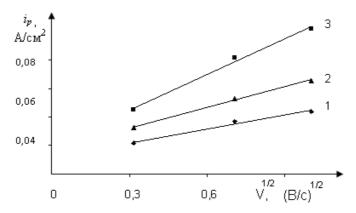

Рис. 4. Зависимость параметра i_p от $\mathbf{v}^{1/2}$ при различных концентрациях $C(\mathrm{Na_3WO_3F_3})\cdot 10^{-4}$, моль/см 3 : 1-1,0; 2-2,0; 3-3,0

Наблюдается прямо пропорциональная зависимость плотности тока электровосстановления WOF_6^{2-} от концентрации фтороксивольфрамата натрия и от скорости поляризации. Значения E_p – $E_{p/2}$, приведенные в таблице, свидетельствуют о замедленности стадии переноса заряда при электровосстановлении WOF_6^{2-} в расплаве KCl–NaCl–CsCl–NaF (10 мас.%). Разность между E_κ – E_a составляет 400÷450мB, что также указывает на необратимый характер электровосстановления фтороксивольфрамат-иона WOF_6^{2-} в расплаве KCl–NaCl–CsCl.

Совместное электровосстановление фтороксивольфрамат- и фторборат-ионов в расплаве KCl-NaCl-CsCl

Исходя из анализа вольтамперных кривых была установлена возможность влияния на равновесие между фтороксивольфраматными ионными формами вольфрама, существующими в расплавах KCl-NaCl-CsCl.

Далее мы исследовали возможность совместного электровыделения двух ионов (фтороксивольф-рамат- и тетрафторборатионов) в расплаве KCl–NaCl–CsCl. На рис. 5 представлена вольтамперограмма, полученная при поляризации электрода до потенциалов разряда ионов бора (как наиболее электроотрицательного элемента).

Из вольтамперной кривой видно, что на катодной части имеются две волны: первая волна при потенциале разряда иона WOF_6^{2-} (-1,15 B) и вторая волна - BF $_4$ -(-1,85 B) относительно платино-кислородного электрода сравнения. Разница между потенциалами электровосстановления этих двух ионов составляет 0,7 B. Это означает, что совместное электровосстановление возможно только при потенциалах выше предельного тока электровосстановления второй волны.

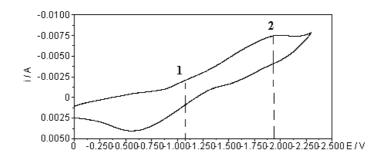

Рис. 5. Вольтамперограмма расплава KCl–NaCl–CsCl–Na₃WO₃F₃–KBF₄. Фоновый электролит эвтектика KCl–NaCl–CsCl; C (Na₃WO₃F₃) = $4,0\cdot10^{-4}$ моль/см³, C(KBF₄)), = $1,0\cdot10^{-4}$ моль/см³. Скорость поляризации v = 0,1 В/с. Температура T = 550° С. Индикаторный электрод – Pt. Площадь поверхности индикаторного электрода = 0,23 см². Электрод сравнения Pt/O

Исходя из этого была также сделана попытка совместного электровосстановления фтороксивольфрамат- и фторборат-ионов в этом же эвтектическом расплаве проведением потенциостатического электролиза при потенциале –2,0 В относительно платино-кислородного электрода сравнения.

Результаты элементного рентгенофлуоресцентного и рентгенофазового анализа представлены на рис. 6, 7.

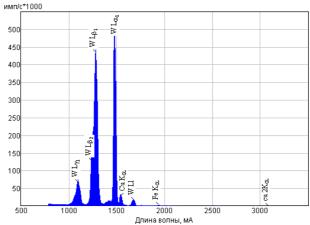

Рис. 6. Результаты рентгенофлуоресцентного анализа катодного осадка, полученного электрохимическим синтезом в расплаве KCl–NaCl–CsCl–Na₃WO₃F₃–KBF₄. Фоновый электролит эвтектика KCl–NaCl–CsCl; C (Na₃WO₃F₃) = $4,0\cdot10^{-4}$ моль/см³, C(KBF₄)), = $1,0\cdot10^{-4}$ моль/см³ при температуре 550 °C и плотности тока i = 0,5 A/cм²

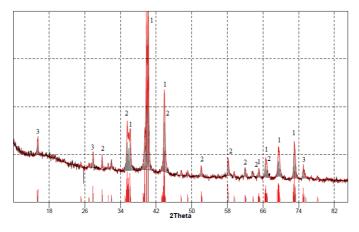

Рис. 7. Рентгенограмма катодного осадка, полученного электролизом расплава в расплаве KCl–NaCl–CsCl–Na₃WO₃F₃–KBF₄. Фоновый электролит эвтектика KCl–NaCl–CsCl; C (Na₃WO₃F₃) = $4.0\cdot10^{-4}$ моль/см³, C(KBF₄) = $1.0\cdot10^{-4}$ моль/см³ при температуре 550 °C и плотности тока i=0.5 А/см². 1- стандартные линии W, 2- стандартные линии WB, 3- стандартные линии B

Выводы

- 1. Из анализа проведенных исследований установлено, что вольфрам существует в низкотемпературной расплавленной системе KCl–NaCl–CsCl–Na $_3$ WO $_3$ F $_3$ в виде двух фтороксидных комплексов: WO $_2$ F $_4$ ²⁻ и WOF $_6$ ²⁻.
- 2. Электровыделение вольфрама из расплавленной системы $KCl-NaCl-CsCl-Na_3WO_3F_3$ происходит из обоих фтороксидных комплексов при различных потенциалах.
- 3. Показана принципиальная возможность получения боридов вольфрама из расплавленной системы $KCl-NaCl-CsCl-Na_3WO_3F_3-KBF_4$ в процессе электролиза при потенциале выделения наиболее электроотрицательного элемента (бора).

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации с использованием оборудования ЦКП «Рентгеновская диагностика материалов». Федеральная целевая программа «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научнотехнологического комплекса России на 2007—2013 годы», госконтракт 16.552.11.7074.

Библиография

- 1. Кушхов Х.Б., Шаповал В.И., Девяткин С.В. Классификация процессов высокотемпературного электрохимического синтеза // Укр. хим. журн. 1991. Т. 57, № 8. С. 827–830.
- 2. Кушхов Х.Б., Шаповал В.И., Новоселова И.А. Термодинамическое обоснование электрохимического синтеза металлоподобных тугоплавких соединений. Киев, 1986. 12 с. Деп. в УкрНИИНТИ 11.10.86; № 7147 В 86.

МАТЕРИАЛ МНОГОКРАТНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДЛЯ ОЧИСТКИ ПИТЬЕВОЙ ВОДЫ ОТ ЖЕЛЕЗА И МАРГАНЦА НА ОСНОВЕ ГРАНУЛИРОВАННОЙ ПЕНОСТЕКЛОКЕРАМИКИ

*Апкарьян А.С.^{1,2}, Губайдулина Т.А.^{1,2}

¹Институт физики прочности и материаловедения СО РАН ²Томский университет систем управления и радиоэлектроники

*asaktc@ispms.tsc.ru

Разработан и исследован новый фильтрующий материал для очистки питьевой воды от железа и марганца, который содержит в качестве основы гранулированную пеностеклокерамику, полученную путём вторичной переработки стеклобоя. Определены физико-технические характеристики пеностеклокерамических гранул. Проведены исследования и лабораторные испытания фильтрующего материала на водах различных источников. Сделан вывод о том, что комплекс оксидов и гидроксидов, полученный на поверхности пеностеклокерамических гранул, позволяет удалять из воды железо и марганеи.

Ключевые слова: стеклобой, пеностеклокерамика, гранулы, плотность, температура, водопоглощение, поры, вода, железо, марганец, оксиды, гидроксиды.

MATERIAL REUSABLE FOR DRINKING WATER IRON AND MANGANESE BASED GRANULATED PENOSTEKLOKERAMIKI

Apkaryan A.S.^{1,2}, Gubaidulina T.A.^{1,2}

¹Institute of Strength Physics and Materials Science SB RAS ²Tomsky University of Control Systems and Radioelectronics

The environmentally safety and resource-saving technology for obtaining thermal insulation material—granular foamed glass ceramic, is developed on the base of using domestic and industrial broken glass, red clay and organic additive. Physics-technique characters of granular foamed glass ceramic are obtain. Results of laboratory and exploitations tests is show on the different waters Conclusion was made about that oxide and hydroxide on the face

Keywords: broken glass, foamed glass, ceramic granular, density, temperature, water absorption, pores, water, iron, manganese, oxide, hydroxide.

В соответствии с требованиями СанПин 2.1.4.1074-01, ГН 2.2.5.1315-03, ГН 2.1.5.2280-07 концентрация железа в воде не должна превышать 0,3 мг/дм³, марганца 0,1 мг/дм³. В современных условиях актуальным является создание новых материалов, обеспечивающих качественную очистку воды. Используемые в России фильтрующие материалы применяются, как правило, для очистки питьевой воды в крупных населённых пунктах. Импортные материалы дороги не всегда имеются в наличии и не в полной мере соответствуют решению поставленных задач.

В настоящей работе рассмотрены вопросы, позволяющие не только утилизировать стеклобой, но и создавать из него на основе вторичной переработки высокоэффективный материал – пеностеклокерамику, обладающую адсорбционными свойствами, что придаёт ей способность очищать воду до нормативных требований.

Широкое применение для очистки питьевой воды имеет фильтрующая среда «Вігт» (Бирм) — эффективный гранулированный фильтроматериал для удаления из воды железа и марганца. Он может использоваться для очистки воды как в напорных системах, так и в безнапорных. По принципу действия фильтрующий материал «Вігт» является катализатором, который ускоряет взаимодействие Fe с растворенным в воде кислородом, в результате чего образуется нерастворимый в воде гидроксид железа Fe(OH)₃. После этого железо в нерастворимой форме задерживается в слое фильтроматериала. У обезжелезивателя «Вігт» низкая истираемость, что делает продолжительным срок его службы. На эффективность очистки воды фильтроматериалом «Вігт» сильно влияет водородный показатель (рН). Для эффективного удаления железа он должен находиться в диапазоне 6,8–8,5; для удаления марганца — более 8.

Если водородный показатель ниже, необходимо довести pH до требуемого значения, иначе «Birm» теряет свои свойства и, что очень важно, не поддаётся восстановлению. Производитель – «Clack Corporation» (США).

Целью настоящей работы являлась разработка фильтрующего сорбента на основе пеностеклокерамики, позволяющего не только утилизировать стеклобой, но и создавать из него на основе вторичной переработки высокоэффективный материал, позволяющий очищать воду. Для экспериментов использовались пеностеклокерамические гранулы в соответствии с патентом РФ № 2374191 [1].

В процессе экспериментов исследовались гранулы диаметром 0,8-2,0 мм (рис. 1).

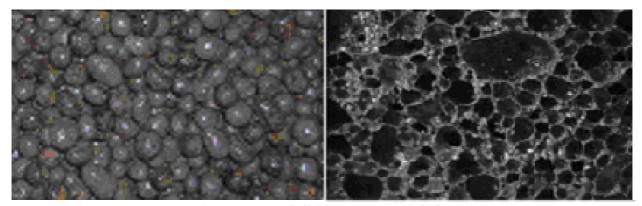

Рис. 1. Гранулы ПСК200 диаметром 0,8-2,0 мм

Изменением содержания легкоплавкого наполнителя в рациональном составе от 10 до 18 %, тонкомолотого стекла от 70 до 78 % и органических добавок от 3 до 5 % была достигнута насыпная плотность 200–300 кг/м³. Характеристики ПСК 200 в зависимости от рационального состава, полученные в процессе экспериментов, приведены в табл. 1.

Характеристики ПСК 200

Таблица 1

Nº	Показатель	Мотоп мопитаций	Параметры			
IN≌	Показатель	Метод испытаний	Состав 1	Состав 2	Состав 3	
1	Насыпная плотность, кг/м ³	ΓΟCT17177.3-81	200	260	290	
2	Горючесть	ΓOCT12.044	Не гор.	Не гор.	Не гор.	
3	Гигроскопичность, масс. %. Выдержка в течение 24 часов в эксикаторе при t=20°С при 100 % относительной влажности воздуха	FOCT17177.5.81	0,18	0,12	0,1	
4	Коэффициент теплопроводности, Вт/мК	ГОСТ7076-99	0,06	0,075	0,087	
5	Предел прочности на сжатие, МПа	ΓOCT21520-89	0,82	1,74	2,5	
6	Водопоглощение, %	Выдержка под слоем воды 24 дня в течение 24 часов	4,8	2,6	1,7	

Плотность изделий зависит от содержания легкоплавкого наполнителя и органической добавки. В зависимости от требований к условиям эксплуатации плотность можно регулировать с помощью этих двух составляющих.

Было установлено, что при введении в шихту 10~% легкоплавкой и 3~% органической добавки получается гранула плотностью $260~\text{кг/m}^3$.

Размеры пор и их расположение по сечению, толщину перегородок и глазурный слой гранул изучали под оптическим микроскопом (рис. 2). Как видно из рисунка, размеры пор находятся в пределах 0,685–0,101 мм².

Поры имеют форму сот со стеклокерамическими перегородками. Они неоднородны по размерам и формам. Ближе к поверхности их размеры уменьшаются, перегородки насыщаются углеродом и легкоплавким наполнителем, который на поверхности гранул образует глазурованный слой. Испытание гранул проводилось по следующим национальным стандартам: ГОСТ 17177-94, ГОСТ 7076-99, ГОСТ 12.1.044-89, ТУ 5914-001-43189350-2004.

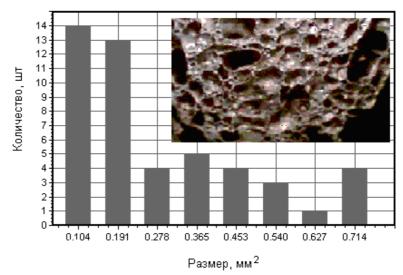

Рис. 2. Гистограмма распределения пор по количеству и размерам

Для получения фильтрующего материала, способного очищать воду от железа и марганца, пенностеклокерамические гранулы подвергали обработке растворами модифицирующих реагентов. При обработке гранул модифицирующими реагентами, содержащими соединения марганца разной валентности, на их поверхности получен комплекс не только оксидных Mn_2O_3 , MnO_2 , но и гидроксидных соединений марганца $Mn(OH)_2$ [2]. Это подтверждается рентгеноструктурными исследованиями, проведёнными с помощью дифрактометра ДРОН–УМ1 с использованием фильтрованного медного излучения.

Основным преимуществом способа является получение прочно закреплённых соединений марганца на поверхности фильтрующей загрузки при комнатной температуре.

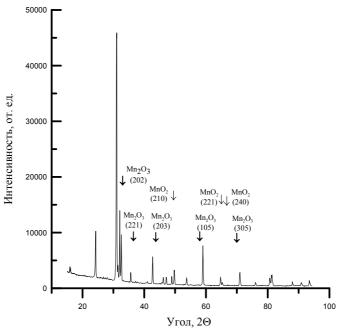

Рис. 3. Фрагмент рентгенограммы зернистой засыпки с нанесенным реагентом

Полученный комплекс оксидных соединений марганца на поверхности фильтрующей загрузки вступает во взаимодействие с соединениями марганца и железа, растворёнными в воде с образованием нерастворимых соединений, которые осаждаются на поверхности загрузки. Кислород, растворённый в воде, адсорбируется на поверхности загрузки, затем вступает во взаимодействие с ионами железа и марганца с образованием оксидов или гидрооксидов [3]. Характеристики созданного материала указаны в табл. 2.

Таблица 2

Характеристики	фильтрующего	материала
Mapakicpheimkn	фильтрующего	материала

Наименование показателя	Свойства материала	Метод определения	
Внешний вид	Пеностеклокерамические гранулы		
Цвет	От светло-бежевого до коричневого	ГОСТ Р 51641-2000	
Запах	Без запаха		
Насыпная объёмная масса (насыпная плотность), кг/м ³	200290	FOCT 8735-88	

Высокоактивный диоксид марганца, нанесённый на поверхность гранул пеностеклокерамики, образует с растворимым в воде кислородом промежуточный комплекс MnO₂-O₂. Реакцию окисления ионов сорбированным диоксидом марганца можно представить в виде следующей общей схемы:

$$Mn^{2+} + O = O \rightarrow Mn^{3+}, Mn^{4+}$$

 $Mn^{2^+} + O = O \rightarrow Mn^{3^+}, Mn^{4^+}.$ Активным «игроком» в реакции окисления ионов Mn^{2^+} нерастворимыми оксидами марганца являются анион-радикалы кислорода O^{2-} , образующиеся на поверхности гранул пеностеклокерамики при сорбции молекул кислорода.

Сорбированный на поверхности гранул диоксид марганца действует как окислитель, переводя растворимые ионы Mn²⁺ в нерастворимые оксиды:

$$Mn^{2+} + MnO_2 \Pi \rightarrow Mn_3O_4, Mn_2O_3 \Pi$$

где П – гранулы пеностеклокерамики.

Оксид Мп₂О₃ также обладает окислительными свойствами и играет важную роль при окислении $Mn^{2+}[4].$

Экспериментально было установлено [5], что комплекс данных соединений обуславливает высокую каталитическую активность загрузки по отношению к различным солям марганца и железа, растворённым в воде.

В табл. 3 приведены результаты испытаний пеностеклокерамического гранулированного фильтрующего материала.

Полученные оксидные соединения марганца на поверхности пеностеклокерамических гранул вступают во взаимодействие с соединениями марганца и железа, растворенными в воде, с образованием нерастворимых соединений, которые осаждаются на поверхности гранул. Как видно из результатов испытаний, оксиды Mn₂O₃, MnO₂ и гидроксид Mn(OH)₂, полученные на поверхности природного материала, позволили снизить содержание растворённых в воде железа и марганца в 10–15 раз.

Таблица 3 Испытание проб скважинных вод с использованием фильтрующего материала, изготовленного на основе гранул пеностеклокерамики

Определяемый показатель	Результат анализа до/после очистки	ПДК, СанПин 2.1.4.1074-01	Погрешность анализа, %	Нормативная документация					
	Лабораторные исследования								
рН	7,21/7,21	69	±0,2	ПНДФ 14.1:2:4.121-97					
Железо общее, мг/дм ³	1,9/0,1	0,3	±17,5	ΓΟCT 4011-72					
Марганец (II), мг/дм ³	0,25/0,1	0,1	±17,5	ΓΟCT 4974-72					
	Вода пос. Кола	арово, Томский р	айон						
pН	7,65/7,67	69	±0,2	ПНДФ 14.1:2:4.121-97					
Железо общее, мг/дм ³	2,3/0,1	0,3	±17,5	ΓΟCT 4011-72					
Марганец (II), мг/дм ³	0,18/0,04	0,1	±17,5	ΓΟCT 4974-72					
Перманганатная окисляемость, мг О/дм ³	3,7/0,6	5,0	±30,0	ПНДФ14.1:4.154-99					
	Вода с ул.	Водяная, г. Томс	К						
рН	6,45/7,10	6-9	±0,2	ПНДФ 14.1:2:4.121-97					
Железо общее, мг/дм ³	17,5/0,18	0,3	±17,5	ΓΟCT 4011-72					
Марганец (II), мг/дм ³	9,6/0,03	0,1	±17,5	ΓΟCT 4974-72					
Перманганатная окисляе- мость	3,7/1,02	5,0	±30,0	ПНДФ14.1:4.154-99					
Сероводород, мг/дм ³	0,2/0,03	0,05	±25,0	РД 52.24.45-95					

В табл. 3 приведены результаты испытаний пеностеклокерамического гранулированного фильтрующего материала.

Выводы

Выявлено, что физико-технические характеристики полученных гранул расширяют диапазон применения пеностеклокерамики и позволяют рекомендовать ее в качестве эффективного фильтрующего материала для очистки питьевой воды.

Установлено, что на поверхности основы пеностеклокерамических гранул после обработки модифицирующими реагентами образован каталитически активный слой, содержащий смесь гидроксида марганца $Mn(OH)_2$ и оксидов марганца MnO_2 .

Показано, что оксиды Mn_2O_3 , MnO_2 и гидроксид $Mn(OH)_2$, полученные на поверхности пеностеклокерамических гранул, позволяют удалять из воды железо и марганец, снижая их содержание в 10...15 раз.

Определено, что средняя плотность пеностеклокерамических гранул в 2–2.5 раза меньше, чем гранул «Вігт», что уменьшает вес фильтров, изготовленных с их применением (это важное преимущество для переносных фильтров, используемых в походных условиях).

Значительным преимуществом перед известным фильтрующим обезжелезивателем «Birm» является то, что пеностеклокерамические гранулы подлежат многократному модифицированию реагентами с целью получения на их поверхности оксидов Mn_2O_3 , MnO_2 и гидроксида $Mn(OH)_2$, в то время как «Birm» не восстанавливается.

Таким образом, модифицированный пеностеклокерамический материал многократного использования российского производства можно рекомендовать для очистки питьевой воды.

Работа проведена в рамках выполнения госконтракта № 2882p/5309 «Гранулированное стекло» с фондом содействия развитию малых форм в научно-технической сфере.

Библиография

- 1. Патент №2374191. Способ приготовления пеностеклокерамики. Заявлен 18.12.2006. Опубликован 27 ноября 2009 г. Бюллетень № 33.
- 2. Губайдулина Т.А., Мельников А.Г. Зернистый каталитически активный материал для очистки питьевой воды от железа и марганца // Химия XXI век: новые технологии, новые продукты: труды IX Междунар. научно-практ. конф. Кемерово, 2006. С. 204–206.
 - 3. Ахметов Н.С. Неорганическая химия. М.: Высшая школа, 1975. 670 с.
- 4. Тарасевич Ю.И., Поляков В.Е., Иванова 3.Г., Крысенко Д.А. Получение и свойства клиноптилолита // Химия и технология воды. 2008. Т. 30, № 2. С. 159-170.
 - 5. Фрог Б.Н., Левченко А.П. Водоподготовка. М.: МГУ, 1996. 681 с.

МЕДИЦИНА

УДК 616.15-07

РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ ГИПОХРОМНОЙ АНЕМИИ У ДЕТЕЙ ПЕРВОГО ГОДА ЖИЗНИ

*Архестова Д.Р., Жетишев Р.А., Жетишева И.С., Керимов М.Б.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

*diana z.a@mai.ru

Профилактика дефицита железа и железодефицитной анемии у детей первого года жизни является важной проблемой здравоохранения, решение которой позволит улучшить состояние здоровья не только детей, но и взрослых. В статье обсуждается необходимость выделения детей групп риска по развитию данных состояний. Приводятся литературные данные о причинах развития дефицита Fe у детей первого года жизни, классификации железодефицитной анемии. Указаны способы ранней лабораторной диагностики дефицита Fe. Представлены результаты собственных исследований по распространенности дефицита железа и железодефицитной анемии.

Ключевые слова: дефицит железа, дети раннего возраста, факторы риска, сывороточный ферритин, растворимые рецепторы к трансферрину.

THE PREVALENCE OF HYPOCHROMIC ANEMIA IN INFANTS

Arkhestova D.R., Zhetishev R.A., Zhetisheva I.S., Kerimov M.B.

Kabardino-Balkarian State University

Prevention of iron deficiency and iron deficiency anemia in infants is an important problem in health care decision that will improve the health status of children and adults. In article discusses the need for children to creation risk groups of developing these conditions. In article there are given the literature about causes of iron deficiency in infants. We presented information of early diagnostic of iron deficiency. We show the results of our study of prevalence iron deficiency and iron deficiency anemia.

Keywords: iron deficiency, infants, risk factors, serum ferritin, serum concentration of soluble transferrin receptors.

Железодефицитная анемия (ЖДА) — клинико-гематологический синдром, характеризующийся нарушением синтеза гемоглобина в результате дефицита железа, развивающегося на фоне различных патологических процессов, и проявляющийся признаками анемии и сидеропении.

По данным ВОЗ, дефицит железа (ДЖ) имеют около 1,5 млрд человек [1–3]. Наиболее часто железодефицитным состояниям (ЖДС) подвержены дети раннего возраста, подростки и беременные женщины. В России, по данным разных авторов, частота ЖДА колеблется от 6 до 40 % среди детского населения. Распространенность латентного дефицита железа (ЛДЖ) в некоторых регионах России достигает 50–60 % [4].

Высокая распространенность ЖДА среди детей раннего возраста обусловлена различными причинами: пренатальный дефицит железа (предлежание и отслойка плаценты, разрыв пуповины); постнатальный дефицит — недостаточное поступление железа (нерациональное питание, его дефицит, нарушение сроков введения продуктов прикорма); повышенные потребности в железе (недоношенные, дети с большой массой тела при рождении).

Особенно чувствительны к недостаточности железа дети второго полугодия и второго года жизни [5]. В исследованиях разных стран, посвященных встречаемости дефицита железа у детей, показано, что частота его выявления составляет от 3 % (Великобритания) до 18 % (Швеция) [6].

Выделяют 3 стадии развития ЖДА: прелатентный дефицит железа (ПДЖ), латентный дефицит железа (ЛДЖ), железодефицитная анемия (ЖДА). Прелатентный дефицит железа характеризуется снижением запаса железа, уменьшением гемосидерина в макрофагах костного мозга, увеличением абсорб-

ции радиоактивного железа из ЖКТ. У пациента отсутствуют какие-либо симптомы, уровень гемоглобина находится в пределах нормы, не наблюдается изменений обмена сывороточного железа. В стадии ЛДЖ наряду с обеднением депо снижается коэффициент насыщения трансферрина, повышается уровень протопоферринов в эритроцитах, проявляется сидеропенический синдром. Клинические проявления дефицита железа обозначаются в стадии ЖДА и проявляются следующими симптомами: бледность кожных покровов, слизистых оболочек, конъюнктив глаз; общая вялость, капризность, плаксивость, легкая возбудимость детей, снижение общего тонуса организма, потливость, отсутствие или снижение аппетита, поверхностный сон, срыгивание, рвота после кормления и другие известные симптомы [7].

Оценка степени тяжести анемии проводится по содержанию гемоглобина и эритроцитов: легкая степень тяжести — гемоглобин в пределах 90-110 г/л, эритроциты до 3,5x10 12/л, средняя степень тяжести — гемоглобин в пределах 70-90 г/л, эритроциты до 2,5x10 12/л и тяжелая степень тяжести — гемоглобин менее 70 г/л, эритроциты менее 2,5x10 12/л.

Для выявления дефицита железа используют следующие гематологические маркеры: концентрация гемоглобина (Hb), количество эритроцитов (RBC), гематокрит (Ht), эритроцитарные индексы – MCV (mean corpuscular volume – средний объем эритроцита), MCH (mean corpuscular hemoglobin – среднее содержание гемоглобина в отдельном эритроците), MCHC (mean corpuscular hemoglobin concentration – средняя концентрация гемоглобина в эритроците), RDW (red cell distribution width – ширина распределения эритроцитов по объему).

Определение железа сыворотки крови дает представление об уровне транспортируемого железа в плазме крови, связанного с трансферрином. Измеряя только содержание в сыворотке крови, нельзя получить информацию о причинах нарушенного обмена железа. Для этого необходимо определять содержание в крови трансферрина и ферритина. Определение ферритина в сыворотке используется для диагностики и мониторинга дефицита или избытка железа, дифференциальной диагностики анемий. Другие показатели, такие как сывороточное железо, железосвязывающая способность сыворотки, коэффициент насыщения трансферрина и др., менее чувствительны, лабильны и поэтому недостаточно информативны [9]. Учитывая, что сывороточный ферритин является одним из чувствительных показателей острой стадии воспалительного процесса, в последнее время все большее внимание уделяется такому маркеру железодефицита, как концентрация растворимых рецепторов трансферрина (ВОЗ, 2002) [8]. Железо проникает в клетки в результате взаимодействия трансферрина со специальным мембранным рецептором рецептором трансферрина (TfR). Растворимые рецепторы трансферрина (sTfR) являются продуктом протеолиза TfR в определённом сайте внеклеточного домена. Отщеплённые мономеры sTfR можно определить в плазме или сыворотке. Отмечается устойчивая корреляция между общим количеством TfR и концентрацией sTfR в плазме или сыворотке [9]. То есть концентрация sTfR в плазме или сыворотке является косвенным показателем содержания TfR [10].

Цель исследования: определить средние параметры эритроцитарных показателей, уровень ферритина, растворимых рецепторов трансферрина, интерлейкина-6 и С-реактивного белка у здоровых детей первого года жизни и оценить встречаемость гипохромных анемий у детей данной возрастной группы.

Материалы и методы. Для оценки частоты гипохромных анемий у детей первого года жизни был проведен ретроспективный анализ карт здоровых детей 2008–2012 гг. рождения. Также под наблюдением находились 93 здоровых ребенка первого года жизни. Обе группы детей наблюдались на базе ГБУЗ «Городская поликлиника № 1» г. Нальчика. У всех обследуемых брали капиллярную кровь для выполнения развернутого анализа крови на автоматическом гематологическом анализаторе ВС-5300 Mindray. Венозную кровь использовали для иммуноферментного определения сывороточного ферритина, растворимых рецепторов к трансферрину, интерлейкина-6 и С-реактивного белка тест-системами фирмы ЗАО «Вектор-Бест» на аппарате «Пикон» Униплан. Причинами исключения детей из обследования служили наличие соматической патологии по результатам анализа индивидуальных карт развития детей, клинические симптомы острого воспалительного заболевания. Обработка полученных данных проведена с использованием программного обеспечения МЅ Ехсеl 2009, прикладной программы Statistica 2009.

Результаты исследования

Для уточнения частоты гипохромной анемии у детей первого года жизни нами был проведен ретроспективный анализ амбулаторных карт здоровых детей 2008–2012 гг. рождения, наблюдавшихся на базе ГБУЗ «Городская поликлиника № 1» г. Нальчика. Оценивали уровень гемоглобина и среднюю концентрацию гемоглобина в эритроците (МСН).

Таблица 1

Таблица 2

Распространенность гипохромной анемии у детей 1 года жизни

Год рождения	Число детей	Частота Hb < 110 г/л, МСН <27 пг
		абсолютное число детей, (%)
2008	542	18 (3,32 %)
2009	675	36 (5,3 %)
2010	656	41 (6,25 %)
2011	640	16 (2,5 %)
2012	466	24 (5,1 %)

Как видно, частота анемии приближается к минимальной, встречаемой на территории России. Однако необходимо учитывать, что обследованные дети — это жители центральной части столицы Кабардино-Балкарской Республики, родители которых имели не низкое социально-экономическое положение [10].

Во второй части исследования, посвященного клинико-лабораторному обследованию, определяли показатели эритроцитов, гемоглобина, МСН, МСV, МСНС, Ht, RDW, сывороточный ферритин, растворимые рецепторы к трансферрину, интерлейкин-6. Проводилось обследование 93 детей раннего возраста, обслуживаемых на базе ГБУЗ «Детская поликлиника № 1» г. Нальчика. Из них 4 детей в возрасте 9 месяцев жизни и 86 детей 12-месячного возраста. Распределение по полу составило: 46 мальчиков (49,4 %) и 47 девочек (50,5 %).

Изучаемые показатели крови в группе обследуемых

Параметры крови	Средние значения
Эритроциты,10 12/л	4,5±0,48
Гемоглобин, г/л	118,7±12
МСН, пг	26,4±2,6
МСНС, г/л	338±12
MCV, фл	78±7
RDW, %	13,2±1,8
Ht, %	35±3,2
Лейкоциты, 10 9/л	8,9±2,3
Сывороточный ферритин, нг/мл	51,2±43,3
RTfR, мкг/мл	4,6±2,8
Сывороточное железо, мкмоль/л	15,3±2,3
ИЛ-6, пг/мл	25,2

Как видно из табл. 2, средние значения изучаемых параметров соответствуют средним показателям, представленным в литературных источниках [5, 7, 11], хотя обращают на себя внимание несколько заниженные уровни МСН, завышенные значения растворимых рецепторов к трансферрину. У 43 детей (95,5 %) отмечается повышение этого параметра, что говорит об увеличении потребностей железа, необходимого для эритропоэза. Значения МСНС в среднем в обследуемой группе завышены. При недостаточном наполнении пробирки с ЭДТА в плазме крови создается гипертонический/гиперосмотический раствор, который ведет к сморщиванию эритроцитов, снижению гематокрита и МСV, увеличению МСНС [12].

С учетом факторов риска развития ЖДА при обследовании рассматривались следующие данные анамнеза. 1 половина беременности протекала с гестозом в 13 случаях (13,9 %), 2 половина – в 13 (13,9 %), остальные случаи без особенностей. Угроза прерывания беременности в 1 триместре отмечается в 37,6 % (35), в 2 триместре в 25,8 % (24), в 3 триместре в 36,5 % (34) случаев. С анемией беременность протекала в 29 случаях (31,2 %), с ХГП – в 43 случаях (46,2 %). В группе обследуемых детей на грудном вскармливании находились 78 детей (83,3 %). Их них до 1 месяца жизни 3,2 % (3), до 3 месяцев 18,3 % (17), до 6 месяцев 24,7 % (23), до 9 месяцев 9,7 % (9), до 12 месяцев 26,8 % (25). Прикормы, согласно литературным данным, введены в срок.

Из группы обследуемых детей с признаками железодефицитной анемии (Hb<110 г/л, MCH<27 пг, MCHC< 320 нг, MCV< 70 фл, RDW> 14,5 %) оказалось 4 детей (4,3 %), все девочки. У них же наблюдалось снижение сывороточного ферритина < 15 нг/мл. Значения растворимых рецепторов к трансферрину были завышены (более 2,6 мкг/мл). Уровень ИЛ-6 и СРБ в этой группе был в пределах нормы. Обратили на себя внимание относительно завышенные показатели уровня СФ у остальных детей (20–160 нг/мл). При этом уровень провоспалительного цитокина интерлейкина-6 был повышен многократно — в 13,3 % (6 детей из 45) и С-реактивного белка в 17,4 % (8 детей из 46), причем недавно перенесенные инфекции (в течение 2 недель до забора крови) отмечаются в 12,9 % случаев.

Выводы

- 1. Частота гипохромной анемии на территории городского округа Нальчик Кабардино-Балкарской Республики приближается к минимальной встречаемой на территории России.
- 2. Определение уровня трансферриновых рецепторов является более чувствительным методом выявления дефицита железа, чем определение уровня сывороточного ферритина.
- 3. Скрининговое использование определения таких эритроцитарных параметров, как МСН, МСНС, МСV и RDW, у детей раннего возраста позволяет раньше выявить группы риска по развитию ЖДА.

Статья опубликована при поддержке гос. задания № 2014/54.

Библиография

- 1. World Health Organisation (WHO) and United Nations Children's Fund (UNICEF). International Nutritional Anemia Consultative Group (INACG). Guidelines for the use of iron supplements to prevent and treat iron deficiency anemia. Washington: DC, 1998. 32 p.
- 2. Domeloff M. Iron requirement of term breast-fed infants. A study in Sweden in Honduras // Umea University Medical Dissertations. 2001. New Series. № 759. 16–20 p.
 - 3. ВОЗ. Официальный ежегодный отчет. Женева, 2002.
- 4. Левина А.А., Казюкова Т.В., Цветаева Н.В. и др. Гепсидин как регулятор гомеостаза железа // Педиатрия. 2008. № 1. С. 67–74.
- 5. Анемии у детей: диагностика, дифференциальная диагностика, лечение / под ред. А.Г. Румянцева и Ю.Н. Токарева. 2-е изд., доп. и перераб. М.: МАКС Пресс, 2004. 216 с.
- 6. Hay G., Sandstad B., Whitelaw A., Borch-Iohnsen B. Iron status in a group of Norwegian children aged 6–24 months // Acta Paediatr. 2004; 93 (5): 592–598.
- 7. Анастасевич Л.А., Малкоч А.В. Железодефицитная анемия у детей грудного и младшего возраста // Лечащий врач. Коллоквиум. Педиатрия. № 07/06. С. 1–4.
- 8. Пашкина И.В., Туровинина Е.Ф., Суготов С.И. Оценка содержания растворимых рецепторов трансферрина в крови у детей при латентном дефиците железа // Вопросы диагностики в педиатрии. 2012. Т. 4, № 1. С. 32–35.
- 9. Baillie F.J. et al. Soluble transferrin receptor: a discriminating assay for iron deficiency // Clin. Lab. Haem 2003. N 25. P. 353–357.
- 10. Worwood M. Serum transferring receptor assays and their application // Ann Clin Biochem. 2002. N 39. P. 221–230.
- 11. Анемии у детей: диагностика и лечение: практическое пособие для врачей / под ред. А.Г. Румянцева, Ю.Н. Токарева. М.: МАКС Пресс, 2004. 216 с.
- 12. Жетишев Р.А., Архестова Д.Р., Жетишева И.С., Камышова Е.А. Дефицит железа и железодефицитная анемия у детей первого года жизни // Педиатрия. Журнал им. Г.Н. Сперанского. 2014. Т. 93, № 1. С. 89–94.

«КАСКАДНОЕ» ДРЕНИРОВАНИЕ В ЛЕЧЕНИИ ДЕСТРУКТИВНОГО ПАНКРЕАТИТА Мизиев И.А., * Гудов А.Х.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова *gudovkbsu@mail.ru

В работе проанализированы результаты лечения больных с острым деструктивным панкреатитом и его гнойно-некротическими осложнениями. Доказаны преимущества активных методов дренирования по отношению к «закрытому» методу дренирования брюшной полости.

Ключевые слова: острый деструктивный панкреатит, гнойно-некротические осложнения, дренирование, брюшная полость.

«CASCADE» DRAINAGE IN THE TREATMENT OF DESTRUCTIVE PANCREATITIS

Miziev I.A., Gudov A.Kh.

Kabardino-Balkarian State University

The paper analyzes the results of treatment of patients with acute destructive pancreatitis and its purulent necrotic complications. Benefits of active methods of drainage compared to the «closed» method of drainage of the abdominal cavity are proven in the paper.

Keywords: acute destructive pancreatitis, purulent necrotic complications, drainage, abdominal cavity.

Проблема панкреатита является одной из острейших в экстренной хирургии. Актуальность проблемы связана со сложностью в диагностике и в выборе лечебной тактики.

Заболевания поджелудочной железы традиционно считаются одной из самых сложных проблем в хирургической гастроэнтерологии. Трудно не согласиться с утверждением В.С. Савельева, что «панкреонекроз – самая внушительная катастрофа брюшной полости с непредсказуемым исходом» [1, 2]. Центральное место в этой проблеме занимает острый панкреатит, в частности, деструктивная его форма, поскольку это заболевание достаточно широко распространено и дает высокую летальность [3–5].

Актуальность проблемы панкреонекроза обусловлена значительным возрастанием количества больных и стабильно высокой летальностью, связанной с повышением числа распространенных форм панкреонекроза, сопровождающихся высокой частотой развития тяжелого панкреатогенного шока, полиорганной недостаточностью и выраженными гнойно-некротическими осложнениями [6–8].

Целью настоящей работы явилось улучшение результатов лечения больных с острым деструктивным панкреатитом, применение «каскадного дренирования» в лечении его гнойно-некротических осложнений.

- В решении поставленных задач выполнены следующие проблемы комплексного лечения острого деструктивного панкреатита:
- 1. В лечении распространённых гнойных осложнений острого панкреатита разработан новый метод, при котором используется активная хирургическая тактика, включающая формирование оментопанкреатобурсостомии, «каскадного» дренирования забрюшинного пространства и сальниковой сумки с последующими программированными санациями сальниковой сумки, брюшной полости и забрюшинного пространства.
- 2. Доказаны преимущества активных методов дренирования по отношению к «закрытому» методу дренирования брюшной полости.

С целью решения поставленных задач проанализированы результаты обследования и лечения больных, находящихся в клинике факультетской и эндоскопической хирургии на базе Республиканской клинической больницы за период с 1997 г. по 2014 г. На основе комплексного подхода разработаны и систематизированы принципы хирургического ведения пациентов. Работа основана на результатах комплексного обследования и лечения 175 больных с острым деструктивным панкреатитом, находившихся на стационарном лечении в клинике. Это больные с гнойно-некротическими осложнениями острого панкреатита, которые были разделены на 2 группы – контрольную (78) и основную (97).

Предоперационная подготовка началась с момента поступления больного в стационар и зависела от тяжести состояния больного, оцениваемой по шкале APACHE II и наличия сопутствующей патологии.

У больных с гнойными осложнениями острого панкреатита в основной группе хирургическое лечение состояло из следующих последовательных этапов:

- введение зонда в желудок и аспирация желудочного содержимого;
- адекватное общее обезболивание;
- срединная лапаротомия или релапаротомия, обеспечивающая адекватную ревизию брюшной полости;
- широкое вскрытие сальниковой сумки;
- санация сальниковой сумки, при необходимости некрсеквестрэктомия и сквозное горизонтальное дренирование сальниковой сумки трубчатым дренажом диаметром не менее 1,5 см и дренажом Пенроза;
 - изоляция и отграничение сальниковой сумки от брюшной полости;
 - формирование оментопанкреатобурсостомы;
 - интраоперационная санация брюшной полости;
 - дренирование брюшной полости неподвижными дренажными трубками;
- «каскадное» дренирование поджелудочной железы силиконовыми трубками в диаметре до 1,5 см через люмботомический разрез слева;
 - ушивание раны передней брюшной стенки до оментопанкреатобурсостомы;
 - формирование лапаростомы при наличии сопутствующего перитонита.

Проведение всех релапаротомий было под общим обезболиванием с релаксацией мышц для полной ревизии брюшной полости и тщательной ее санации. Выбор метода обезболивания при программированных санациях осуществляется с учетом тяжести состояния больных, характера и предполагаемой длительности операции. В раннем послеоперационном периоде в течение суток, как правило, проводилась продленная искусственная вентиляция легких.

Неотъемлемым правилом являлась ревизия всех отделов брюшной полости. Важное значение уделялось традиционным местам скопления жидкости в брюшной полости – под диафрагмальным, подпеченочным, межпетлевым, дугласовым пространством.

Дальнейшим этапом операции являлась ревизия сальниковой сумки. Широкое рассечение между зажимами желудочно-ободочной связки вплоть до уровня нижнего полюса селезенки по большой кривизне желудка является наиболее рациональным доступом в полость сальниковой сумки.

Если в ходе ревизии выявлялось распространение гнойного процесса в забрюшинное пространство, производилась его ревизия и дренирование с учетом зон поражения.

При тотальном гнойно-некротическом расплавлении поджелудочной железы для адекватной ревизии и санации всех отделов забрюшинного пространства производилась мобилизация двенадцатиперстной кишки по Кохеру, печеночного и селезеночного изгибов толстого кишечника в сочетании с люмботомией.

Деструктивный панкреатит с изолированным поражением головки железы характеризуется распространением гнойного процесса по правому отделу забрюшинного пространства, что требует мобилизации печеночного изгиба толстой кишки, 12-перстной кишки по Кохеру в сочетании с люмботомией справа.

Распространение гнойного процесса в корень брыжейки поперечно-ободочной кишки и по левой половине забрюшинного пространства выявлялось, как правило, при поражении хвоста и тела поджелудочной железы, для дренирования в таких случаях мобилизовывался селезеночный изгиб и нисходящий отдел толстой кишки с люмботомией слева.

В лечении тотального поражения поджелудочной железы использовался метод, позволяющий осуществлять отток гнойно-некротических масс и проточное промывание очагов некроза, расположенных выше и ниже поджелудочной железы.

После проведения санации полости сальниковой сумки и выполнения некрсеквестрэктомии оперативное вмешательство заканчивали «открытым» вариантом дренирования. «Открытый» способ имеет два вида технического решения, определяемых масштабом и характером поражения парапанкреатического пространства и брюшной полости. Этот метод включает:

- 1) комбинированную оментопанкреатобурсостомию с «каскадным» дренированием поджелудочной железы;
 - 2) лапаростомию.

Первый метод, применяемый нами, обеспечивает рациональное сочетание двух вариантов дренирования:

- 1) сформированную оментопанкреатобурсостому с помощью дренажей Пенроза;
- 2) каскадное дренирование поджелудочной железы, выведенное в левой пояснично-боковой области;
- 3) «сквозной» трубчатый 2-просветный активный дренаж, выведенный в правой и левой пояснично-боковой области.

Для обеспечения адекватного оттока гнойного отделяемого сквозной дренаж диаметром не менее 15 мм укладывали на дно сальниковой сумки, дренаж выводили из сальниковой сумки через отверстия в желудочно-поперечноободочной связке над восходящим и нисходящим отделом ободочной кишки. На переднюю брюшную стенку дренаж выводился в правой и левой пояснично-боковых областях.

Путем подшивания фрагментов ранее рассеченной желудочно-ободочной связки к париетальной брюшине по всему периметру в верхней трети лапаротомной раны мы формировали оментопанкреатобурсостому. Следующим этапом было проведение широкой тампонады полости сальниковой сумки через оментопанкреатобурсостому тампонами Пенроза, пропитанными водорастворимыми мазями (левомеколь, левосин).

В последующем широкая тампонада полости сальниковой сумки обеспечивала нам беспрепятственный доступ к поджелудочной железе во время последующих этапных ревизий, некрсеквестрэктомий и санации забрюшинного пространства и сальниковой сумки. Этапные ревизии сальниковой сумки проводились через 48–72 часа.

Ко второму варианту «открытого» метода дренирования мы прибегали при развитии распространенного поражения забрюшинного пространства, выходящего за пределы парапанкреатической зоны вплоть до клетчатки малого таза, а также при распространенном фибринозно-гнойном перитоните. В этих случаях мы формировали лапаростому. Проводилось тампонирование не только верхнего этажа забрюшинного пространства, но и параколитической клетчатки. При этом дренажи Пенроза выводились нами через люмбостому и лапаротомную рану. Далее производили дренирование брюшной полости в стандартных точках (малый таз, подпеченочное, поддиафрагмальное пространства).

В дальнейшем данный вариант завершения операции позволял нам беспрепятственно и менее травматично проводить программированные санации брюшной полости и сальниковой сумки через каждые 24—48 часов.

Дифференцированные методы дренирования сальниковой сумки, брюшной полости и забрюшинного пространства в зависимости от степени распространенности и путей распространения гнойнонекротического процесса применялись нами у 97 больных основной группы (таблица).

Таблица Способы дренирования брюшной полости, сальниковой сумки и забрюшинного пространства у больных основной группы

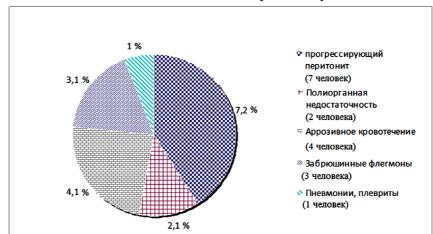
Характер патологии	Абс. число	%
Патология ограничена сальниковой сумкой Сквозной дренаж;	8	8,2
Сквозной дренаж + оментопанкреатобурсостома;	25	25,8
Оментопанкреатобурсостома	6	6,2
Поражение ПЖ + забрюшинная флегмона	_	
Сквозной дренаж + оментопанкреатобурсостома;	6	6,2
Сквозной дренаж + оментопанкреатобурсостома + «каскадное» дренирование;	11	11,3
Сквозной дренаж + оментопанкреатобурсостома + «каскадное» дренирование + лапаростомия	12	12,4
Поражение ПЖ + забрюшинная флегмона + РГП		
Оментопанкреатобурсостома + «каскадное» дренирование + лапаростома	23	23,7
Оментопанкреатобурсостома + сквозной дренаж + «каскадное» дренирование + лапаростомия	6	6,2
BCEFO:	97	100 %

Использование разработанной лечебной тактики, применявшейся в основной группе и включающей «каскадное» дренирование и многократные плановые санации сальниковой сумки и брюшной полости, позволяло в более ранние сроки купировать гнойные осложнения острого панкреатита.

Результаты лечения

Комплексное лечение больных острым панкреатитом убеждает, что число и характер послеоперационных осложнений, а также летальность в значительной степени зависят от возможности активного влияния на источник воспаления.

Результаты разработанного метода лечения, применяемого для данной категории больных, сказались на последующих результатах лечения. Структура летальности представлена на диаграмме.

Летальность больных с гнойными осложнениями острого панкреатита в основной группе.

Анализируя причины летальности при гнойных осложнениях острого панкреатита, следует отметить, что основной причиной летальных исходов является прогрессирующий перитонит. Нам удалось снизить количество летальных исходов, связанных с возникновением аррозивных кровотечений, благодаря проводимым плановым санациям, что подтверждает необходимость применения разработанной нами методики выполнения программированных санаций сальниковой сумки и брюшной полости.

Выводы

- 1. При деструктивном панкреатите распространенные гнойные поражения брюшной полости и забрюшинного пространства обуславливают тяжелое течение заболевания, регулярные ревизии и санации зон гнойно-некротического поражения под визуальным контролем, обеспечивают снижение показателей эндогенной интоксикации и нормализацию гемодинамики у большинства больных.
- 2. Оментопанкреатобурсостома в сочетании с «каскадным» дренированием забрюшинного пространства и этапными ее санациями с интервалом 48–72 часа позволяет в дальнейшем под визуальным контролем безопасно и малотравматично проводить этапные ревизии и санации сальниковой сумки, снизив летальность от прогрессирующего перитонита до 7,2 %, а от аррозивных кровотечений до 4,1.
- 3. В комплексном лечении инфицированных форм острого панкреатита активные дифференцированные хирургические методы дренирования и санации зон распространенных гнойно-некротических поражений брюшной полости и забрюшинного пространства позволили в целом снизить частоту осложнений в 1,5 раза и уменьшить летальность с 35,6 % до 17,5 %.
- 4. Оментопанкреатобурсостома в сочетании с каскадным дренированием забрюшинного пространства и этапными ее санациями с интервалом 48–72 часа позволяет эффективно дренировать сальниковую сумку при инфицированных формах панкреонекроза; при наличии РГП и распространенной забрюшинной флегмоны показаны программированные санации брюшной полости через каждые 24–48 часов. Ограниченные флегмоны забрюшинного пространства, изолированные абсцессы сальниковой сумки являются показанием к применению трубчатых дренажей с активной аспирацией и промыванием гнойных полостей.

- 1. Савельев В.С., Кириенко А.И. Клиническая хирургия: национальное руководство: в 3 т. Т. 2. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2013. 832 с.
- 2. Савельев В.С., Филимонов М.И., Гельфанд Б.Р., Бурневич С.З., Соболев П.А. Оценка эффективности современных методов лечения деструктивного панкреатита // Анналы хирургической гепатологии. 1996. № 1. С. 58–61.
- 3. Ашрафов А.А., Алиев С.А. Диагностика и тактика лечения острого панкреатита // Первый Московский международный конгресс хирургов. 1995. С.188–189.
- 4. Пиковский Д.Л., Макаров Н.А., Прадусов В.П., Мухин А.С. Практика хирургии панкреонекроза // Хирургия. 1997. № 2. С. 163–165.
- 5. Савельев В.С., Филимонов М.И., Буревич С.З., Соболев П.А. Выбор лечебной тактики при панкреонекроз // Анналы хирургической гепатологии. Т. І. Тула, 1996. С. 172–173.
 - 6. Атанов Ю.П. Гнойный панкреатит // Хирургия. 1997. № 8. С. 20–24.
 - 7. Кубышкин В.А. Дренирующие операции при остром панкреатите // Хирургия. 1996. № 1. С. 29–32.
 - 8. Яицкий Н.А., Седов В.М., Сопия Р.А. Острый панкреатит. М., 2003. 224 с.

ПАТОЛОГОАНАТОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АСИМПТОМНОГО ИНФАРКТА ГОЛОВНОГО МОЗГА

 1 Жетишев Р.Р. * , 1 Камчатнов П.Р., 2 Тлапшокова Л.Б., 2 Жетишева И.С.

¹Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова ²Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

*rashid.zhetishev@yandex.ru

Целью настоящего исследования было показать распространенность, патоморфологические характеристики и факторы риска асимптомного инфаркта головного мозга (АИ) по данным клинических историй болезни и аутопсий пациентов на базе $\Gamma K E N 12$ г. Москвы.

Ключевые слова: асимптомный инфаркт головного мозга, микроангиопатия, сахарный диабет, артериальная гипертензия, фибрилляция предсердий.

MORTEM ASPECTS ASYMPTOMATIC CEREBRAL INFARCTION

¹Zhetishev R.R., ¹Kamchatnov P.R., Tlapshokova L.B., Zhetisheva I.S.

¹Pirogov Russian National Research Medical University ²Kabardino-Balkarian State University

The aim of this article was to show prevalence, pathomorfological characteristics and risk factors of asymptomatic cerebral infarction (AI) pursuant to clinical charts and autopsy series of patients in clinical city hospital 12, Moscow.

Keywords: asymptomatic cerebral infarction, microangiopathy, diabetes mellitus, arterial hypertension, atrial fibrillation.

Асимптомный инфаркт (АН) головного мозга представляет собой инфаркт вещества головного мозга по данным нейровизуализационных методик или секционного исследования без соответствующей клинической картины острого нарушения мозгового кровообращения в анамнезе [1]. Впервые данный термин ввел Fisher в 1965 году, исследовав аутопсийный материал и описав лакунарные инфаркты вещества головного мозга у умерших пациентов без симптомных инсультов [2]. Сравнительно небольшое количество исследований посвящено оценке распространенности, локализации и патоморфологических особенностей АИ общей популяции. Необходимость изучения данной тематики продиктована тем, что наличие очага АИ удваивает вероятность развития симптомного инсульта и деменции [3—4].

Материалы и методы. В ходе работы всего было проанализировано 664 протокола секционных исследований и карт историй болезни умерших пациентов за январь—ноябрь 2013 года в ГКБ № 12 г. Москвы. Учитывались локализация и размер очагов АИ; показатели АД, уровень гликемии, холестерина; наличие сопутствующих соматических заболеваний — артериальной гипертензии (АГ); сахарного диабета (СД); ишемической болезни сердца (ИБС), в том числе перенесенного ранее инфаркта миокарда, а также фибрилляции предсердий (ФП). Также принималась во внимание наследственная отягощенность сердечно-сосудистыми заболеваниями — перенесенный ближайшими родственниками (мужчинами в возрасте до 55 лет, женщинами — до 50 лет) инсульт и/или инфаркт миокарда. Результаты были обработаны статистически с использованием программы SPSS Statistics 19. Параметры, имеющие нормальное распределение, приведены в виде М±т.

Результаты. У 74 человек (11,4%) были обнаружены очаги АИ при патологоанатомическом исследовании. Средний возраст составил 76,7 \pm 10,5 лет (32 мужчины, 42 женщины). У 42 пациентов было 3 и более очага АИ (56%), у 9 - 2 очага АИ (12%), у 24 - 1 очаг АИ (32%). Более 74 % очагов АИ локализовались в области базальных ганглиев; 12,2% – в подкорковом белом веществе (4,9% – в теменной доле, 3,7% – в затылочной доле, 2,4% – в лобной доле, 1,2% – в височной доле); 8,5% – в мозжечке и стволе головного мозга и 4,8% – в коре головного мозга (лобная и затылочная доли). Более 45% всех очагов АИ имели небольшие размеры – 3-5 мм в диаметре; 25,6% АИ – 5-10 мм; 22,1% – 10-30 мм и 7% – 30-50 мм. В среднем уровень артериального давления составил $202\pm17,6/105,5\pm8,7$ мм рт.ст.; уровень гликемии натощак – $7,2\pm3,5$ ммоль/л; уровень холестерина в крови $6,4\pm1,1$ ммоль/л. Сахарный диабет 2 типа (СД) был выявлен в 31% случаев (23 пациента), при этом приверженность к регулярной гипогликемической терапии и адекватной диете составила соответственно 69,5% и 34,8%. Не получали постоянную гипотензивную терапию 48,6% всех больных с АИ. Более 80% всех па-

циентов с АИ страдали ИБС, из них 47,5 % перенесли инфаркт миокарда в анамнезе. Фибрилляции предсердий (ФП) были выявлены у 28 человек (37,8 %) (15 случаев постоянной формы ФП и 13 — пароксизмальной). При этом постоянную антиагрегантную терапию получали лишь 52,3 % исследуемых. Более 29 % пациентов имели отягощенную наследственность в отношении ОНМК, перенесенных ближайшими родственниками в молодом возрасте.

Выводы. Распространенность АИ, по данным нашего исследования, составила 11,4 %, в то время как по данным литературы этот показатель оценивается в диапазоне от 5,84 до 28 % [5–6]. Такая широкая вариация распространенности обусловлена, по-видимому, отсутстием единых МРТ-критериев определения АИ, демографическими особенностями, исследованием разных возрастных групп, а также выборкой пациентов с различными отягощающими факторами цереброваскулярных заболеваний [7–8]. Частота АИ оказалась выше у женщин [9].

В 68 % случаев очаги АИ носили множественный характер (2 и более очага), имели небольшие размеры и локализовались в базальных ганглиях и подкорковом белом веществе, то есть в отделах головного мозга, кровоснабжающихся конечными, практически не анастомозирующими друг с другом артериями мелкого диаметра, поражаемыми чаще всего при церебральной микроангиопатии [10–11]. Были получены сопоставимые результаты в отношении факторов риска АИ (артериальная гипертензия, сахарный диабет, ишемическая болезнь сердца, фибрилляция предсердий) с проведенными ранее исследованиями [12–13]. Несомненно также влияние метаболического синдрома и его компонентов (АГ, гиперхолестеринемия, гипергликемия) на развитие АИ. Обращает на себя внимание отсутствие гипогликемической терапии, адекватной диеты у больных с СД, а также постоянной гипотензивной и антиагрегантной терапии у лиц с ИБС, гипертонической болезнью и ФП. Также, по-видимому, большое значение в развитии АИ имеют генетические факторы риска [14–15].

Таким образом, результаты настоящего исследования свидетельствуют о достаточно высокой распространенности АИ и значимой роли сопутствующих факторов сердечно-сосудистого риска и компонентов метаболического синдрома в его развитии.

- 1. Masuda J., Nabika T., Notsu Y. Silent stroke: pathogenesis, genetic factors and clinical implications as a risk factor // Curr Opin Neurol. 2001. V. 14. P. 77–82.
 - 2. Fisher C.M. Lacunes: Small, deep cerebral infarcts // Neurology. 1965. V. 15. P. 774–784.
- 3. Bernick C., Kuller L., Dulberg C., et al. Silent MRI infarcts and the risk of future stroke: the cardiovascular health study // Neurology. 2001. V. 57. P. 1222–1229.
- 4. Vermeer S., Hollander M., Van Dijk E., Hofman A., Koudstaal P.J., Breteler M. Silent brain infarcts and white matter lesions increase stroke risks in the general population: the rotterdam scan study // Stroke 2003. V. 34. P. 392–396.
- 5. Vermeer S.E., Longstreth W.T. Jr., Koudstaal P.J. Silent brain infarcts: a systematic review // Lancet Neurol. 2007. V. 6. P. 611–619.
- 6. Adachi T., Kobayashi S., Yamaguchi S.. Frequency and pathogenesis of silent subcortical brain infarction in acute first-ever ischemic stroke // Intern Med. 2002. V. 41. P. 103–108.
- 7. Zhu Y.C., Dufouil C., Tzourio C., Chabriat H. Silent Brain Infarcts. A review of MRI diagnostic criteria // Stroke. 2011. V. 42. P. 1140–1145.
- 8. Price T.R., Manolio T.A., Kronmal R.A., Kittner S.J., Yue N.C., Robbins J., Anton-Culver H., O'Leary D.H. Silent brain infarction on magnetic resonance imaging and neurological abnormalities in community-dwelling older adults. The cardiovascular health study. CHS collaborative research group // Stroke. 1997. V. 28 P. 1158–1164.
- 9. Vermeer S.E., Koudstaal P.J., Oudkerk M., Hofman A., Breteler M.M. Prevalence and risk factors of silent brain infarcts in the population-based Rotterdam scan study // Stroke. 2002. V. 33. P. 21–25.
- 10. Wahlund L., Barkhof F., Fazekas F. A new rating scale for age-related white matter changes applicable to MRI and CT // Stroke 2001. V. 32. P. 1318–1322.
- 11. Жетишев Р.Р., Камчатнов П.Р., Михайлова Н.А. Асимптомные инфаркты головного мозга факторы риска и когнитивные нарушении // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2014. Т. 114. Вып. 2, 3. С. 3–7.
 - 12. Ritter M.A., Dittrich R., Ringelstein E.B. Silent brain infarcts // Nervenarzt. 2011 Aug;82(8):1043-52.
- 13. Serizawa M., Nabika T., Ochiai Y. Association between PRKCH gene polymorphisms and subcortical silent brain infarction // Atherosclerosis. 2008. V. 199. P. 340–345.
- 14. Notsu Y., Nabika T., Park H.Y. Evaluation of genetic risk factors for silent brain infarction // Stroke. 1999. V. 30. P. 1881–1886.
- 15. Park K., Yasuda N., Toyonaga S. Significant associations of metabolic syndrome and its components with silent lacunar infarction in middle aged subjects // J. Neurol Neurosurg Psychiatry. 2008. V. 79. P. 719–721.

КОРРЕКЦИЯ ЙОДНОГО ДЕФИЦИТА У ДЕВУШЕК-ПОДРОСТКОВ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ И ОПЕНКА ЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Захохов Р.М., *Узденова З.Х., Шаваева В.А., Узденова А.А., Берхамова Э.А., Пшукова Е.М.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

*elifiya@bk.ru

Проведена оценка эффективности коррекции йодного дефицита у девушек-подростков. Установлено, что проведенная коррекция йодного дефицита у девушек-подростков оказала положительное воздействие на состояние гипоталамо-тиреоидной системы: объем щитовидной железы уменьшился в 1,6 раз; содержание ТТГ снизилось в 2 раза; уровень ТЗ увеличился в 2,5 раза; Т4 — в 1,3 раза. В 2 раза возросла медиана йодурии, дефицит йода средней и тяжелой степени не был выявлен вообще, а число девушек с дефицитом йода легкой степени уменьшилось в 7 раз.

Ключевые слова: девушки-подростки, щитовидная железа, медиана йодурии, коррекция йододефицита.

CORRECTION OF IODINE DEFICIENCY IN ADOLESCENT GIRLS OF KABARDINO-BALKARIA AND AN ASSESSMENT OF ITS EFFICIENCY

Zahohov R.M., Uzdenova Z.H., Shavaeva V.A., Uzdenova A.A., Pshukova E.M.

Kabardino-Balkarian State University

The correction of iodine deficiency in adolescent girls and evaluation of its effectiveness was held. It was established, that the correction of iodine deficiency, hold in adolescent girls, has had a positive impact on the hypothalamic-thyroid system: thyroid volume decreased by 1,6 times; TSH decreased by 2 times; T3 level increased 2,5 – fold; T4 – 1,3 times. Median of ioduria was increased two times as much, iodine deficiency of moderate and severe level was not detected at all, and the number of girls with mild iodine deficiency has decreased by 7 times.

Keywords: adolescent girls, a thyroid gland, a median iodine with urine, the conditions caused by deficiency of iodine.

Йоддефицитные заболевания (ЙДЗ) — широко распространенная неинфекционная патология человека. Риск последствий йодной недостаточности испытывают почти 30–40 % мирового населения. Наиболее очевидное и часто встречающееся проявление дефицита йода — эндемический зоб. Об эндемическом характере зоба говорят в том случае, если зоб встречается более чем у 50 % детей препубертатного возраста. Исследования, проведенные за последнее десятилетие в центральной части России, свидетельствуют о 15–30 % частоте распространенности эндемического зоба, а по отдельным регионам до 40 % [1–3].

Проблема йододефицитных заболеваний у детей имеет особое значение для Кабардино-Балкарской Республики (КБР), которая длительное время относилась к регионам тяжелой зобной эндемии с частотой зоба у населения от 75,1 % в равнинной и предгорной зонах до 85 % в горных районах [4].

В Кабардино-Балкарии оценку степени тяжести йододефицитных состояний проводили на основании обследования 1782 детей – девочек в возрасте 7–11 лет. Показатели медианы йодурии у девочек в равнинной зоне и в предгорье соответствовали ЙД легкой степени, а в горной зоне – умеренной степени тяжести. По результатам УЗИ ЩЖ, частота зоба, аналогично медиане йодурии у девочек препубертатного возраста, в равнинной и предгорной зонах соответствовала ЙД легкой степени (14,8 % и 17,4 % соответственно), а в горной зоне (22,1 %) – умеренной степени тяжести [5].

По двум основным эпидемиологическим индикаторам йододефицитных состояний ВОЗ (*Ме* йодурии и частоте зоба по данным УЗИ у детей препубертатного возраста) установлено наличие ЙД легкой степени в равнинной и предгорной зонах, умеренной степени – в горной зоне КБР.

По результатам скринингового пальпаторного обследования девочек всех возрастных групп частота ЭЗ в равнинной местности составила 38,1 %, в предгорной зоне – 32,9 %, в горной – 52,1 %. Это можно объяснить с учетом данных анкетирования: 26,2 % девочек Нальчика получали на момент обследования йодную профилактику (препараты калия йодида или йодосодержащие витаминно-минеральные комплексы) против 8,2 % девочек того же возраста 2 группы и 3,5 % в 3 группе (p<0,05). Эпизодически

употребляли в пищу йодированную соль только 30,6 % семей от общего числа респондентов независимо от региона проживания [5].

Увеличение частоты ЭЗ у подростков из йододефицитных регионов по сравнению с препубертатным периодом обусловлено компенсаторными механизмами, связанными с адаптацией тиреоидной системы к быстрым темпам роста и развития в условиях значительно возрастающей потребности в йоде и его недостатка в питании [6–9, 14].

В структуре ЭЗ подавляющее большинство составляли диффузные формы (98,0–98,6 %). Узловой зоб был выявлен у 1,4 % девочек равнинной зоны, у 1,7 % школьниц предгорья и у 2,0 % жительниц горной зоны (p>0,1) [5, 10, 11].

Функциональное состояние ЩЖ у девочек оценивали по основным маркерам тиреоидной функции: уровням $TT\Gamma$ и $cвT_4$ в сыворотке крови. Получены достоверные различия средних показателей концентрации $cвT_4$ в крови девочек горной зоны по сравнению со сверстницами из предгорного региона, не выходившие за пределы референсных интервалов тест-систем. Средние уровни $TT\Gamma$ у девочек всех групп были в пределах существующих нормативных значений без достоверных различий.

Низконормальные средние значения уровня $cвT_4$ являются отражением более высокой частоты зоба у девочек горной зоны, причем только среди них были выявлены случаи субклинического гипотиреоза в 6,1 % случаев.

Полученные результаты соответствуют данным литературы о сохранении у большинства больных с ЭЗ эутиреоидного состояния, поскольку именно на поддержание нормальной тиреоидной функции направлено формирование компенсаторного увеличения ЩЖ в условиях ЙД [12, 13].

Наиболее часто эндемический зоб встречается у подростков. Это связано с повышенными требованиями к уровню тиреоидного гормона в этом возрасте, что обусловлено, во-первых, укорочением периода полураспада тироксина за счет повышенного метаболизма его в тканях и снижения тироксинсвязывающей способности сыворотки крови на фоне повышенной потребности организма в тиреоидных гормонах в период бурного роста и полового формирования, во-вторых — особенностями йодного обмена в этом возрасте: усилением поглощения йода щитовидной железой, повышением выделения йода с мочой, снижением в силу этого концентрации йода в плазме, приводящим к относительной йодной недостаточности даже в условиях нормального поступлении йода извне и тем более при его дефиците [1, 12, 14, 15].

Уровень АТ ТПО у всех девочек с зобом был нормальным, что свидетельствовало об отсутствии у них аутоиммунного тиреоидита.

Результаты исследования, приведенные выше, наглядно демонстрируют, что у девушек-подростков с ЙДС показатели репродуктивного здоровья значительно отстают от аналогичных показателей сверстниц. В связи с этим целесообразно оценить возможность применения препаратов йода для укрепления репродуктивного здоровья девушек-подростков с ЙДС.

Цель исследования. Оценка эффективности коррекции йодного дефицита у девушек-подростков с йододефицитом.

Материал и методы исследования. В группу для проведения коррекции йододефицита отобраны 60 девушек-подростков. Исследование начиналось со сбора жалоб, анамнеза и паспортных данных. Учитывали дату рождения, национальность, адрес. Фиксировали перенесенные в раннем детстве, пубертатном и юношеском возрасте заболевания, травмы, оперативные вмешательства. Эти сведения вносились в разработанную нами карту-анкету, которая включала антропометрические показатели, данные осмотра. Оценка состояния здоровья детей проводилась на основании осмотра врачей – педиатра, невропатолога, офтальмолога, эндокринолога, психолога, отоларинголога, уролога, акушера-гинеколога.

С учетом физиологических уровней потребления йода детьми и подростками, рекомендованных ВОЗ (2006) и ведущими российскими экспертами [16], нами был использован официальный препарат «Йодомарин» (Берлин Хеми, Германия), содержащий калий йодид. Препарат назначался в дозе 150 мг в сутки в течение 6 месяцев, после чего проводилось повторное обследование.

Площадь поверхности тела (ППТ) рассчитывали по стандартной формуле Дюбуа: ППТ = $B^{0.425} \times P^{0.725} \times 71,84 \times 10^{-4}$, где B — масса тела в кг, P — длина тела в см (D. Du Bois, E.F. Du Bois, 1916). Индекс массы тела Кетле (ИМТ) определяли по формуле: $I=W/L^2$, где I — значение индекса, W — масса тела в кг, L — длина тела в м (Quetelet, 1871).

Степень полового созревания девочек оценивали по классической методике J.M. Tanner (1962). У всех девочек регистрировали наличие (Me+) или отсутствие (Me-) менструаций, возраст на время менархе, длительность менструации и продолжительность менструального цикла, интенсивность менструальных выделений, наличие дисменореи. Полученные результаты сравнивали с возрастными нормативами развития вторичных половых признаков у девочек-подростков и данными исследований последних лет в КБР и РФ [1, 3, 7–10].

Гинекологическое обследование девочек включало осмотр наружных половых органов. УЗИ органов малого таза выполняли с наполненным мочевым пузырем на аппарате «Medison SA - 8000 XL» (Южная Корея) трансабдоминальным датчиком частотой 4–9 МГц. Определяли положение, величину матки, наличие угла между телом и шейкой матки, состояние придатков матки. УЗИ щитовидной железы проводили на аппарате «Medison SA - X8» (Южная Корея) линейным датчиком частотой 7,5 МГц. Тиреоидный объем рассчитывали по формуле J. Brunn и соавт. (1981): объем щитовидной железы = $[(длина \times ширина \times толщина левой доли)] + (длина \times ширина \times толщина правой доли)] × 0,479.$

За частоту зоба у девочек принимали все случаи превышения фактического объема щитовидной железы верхней границы нормы (97 перцентилей), рассчитанной с учетом площади поверхности тела для детей, проживающих в условиях нормального йодного обеспечения [15, 17].

Экскрецию неорганического йода в разовой порции мочи определяли церий-арсенитовым методом и оценивали спектрофотометрически по результатам реакции Saundell-Kolthoff в лаборатории клинической биохимии Краевого эндокринологического центра г. Ставрополя. За норму принимали медиану йодурии, равную 100–300 мкг/л мочи [6, 16]. Оценка степени тяжести йододефицита в различных климатогеографических зонах КБР проводилась на основании международных критериев ВОЗ [4, 14].

Статистическая обработка фактического материала выполнена с применением программы Microsoft Excel 2007, а также при помощи пакетов прикладных программ Stat Soft Statistica 6.0. Использовали параметрические и непараметрические методы статистики, корреляционный анализ. Количественные признаки в тексте и таблицах представлены в виде Me, где Me — медиана, $M\pm SD$ (среднее \pm стандартное отклонение). Для сравнения непрерывных независимых данных применяли критерий Манна — Уитни, бинарных дихотомических показателей — критерий χ^2 с поправкой Йетса. Критический уровень значимости при проверке статистических гипотез принимали <0,05.

Результаты. У всех девушек через 12 месяцев приема препарата проводилось повторное ультразвуковое исследование щитовидной железы. Объем щитовидной железы у девушек группы воздействия достоверно уменьшился в 1,6 раза (от $11,5\pm0,28$ см 3 до $7,1\pm0,31$ см).

Выявлены достоверные изменения в уровне гормонов гипофиза, щитовидной железы, периферических стероидов на фоне приема препарата «Йодомарин». Так, концентрация тироксина увеличилась в 1,3 раза, трийодтиронина в 2,5 раза. Содержание в сыворотки крови тиреотропного гормона уменьшилось почти вдвое. Отмечено снижение концентрации $\Phi C\Gamma$ с 12,06±1,02 ME/л до 8,67±0,58 ME/л. Уровень ЛГ снизился с 24,3±0,17 ME/л до 18,7±0,4 ME/л, при этом соотношение ЛГ/ $\Phi C\Gamma$ нормализовалось у всех девушек группы воздействия. Эти данные в сочетании с повышением уровня перифических стероидов (эстрадиола с 198,2±0,51 нг/мл до 243,6±0,84 нг/мл и прогестерона с 13,01±0,36 нг/мл до 17,6±2,05 нг/мл) свидетельствуют о нормализации гипоталамо-гипофизарной функции и переходу к овуляторным менструальным циклам (табл. 1).

Таблица 1 Влияние коррекции йодного дефицита на эндокринный статус девушек-подростков с ЙДС

Исследуемый гормон	До воздействия	После воздействия
Т3, нг/мл	1,01±0,12	2,63±0,01
Т3, нг/мл	6,91±0,25	9,0±0,7
ТТГ, МЕ/л	7,99±0,91	3,87±0,65
ФСГ , МЕ/л	12,06±1,02	8,67±0,58
лг , МЕ/л	24,3±0,13	18,7±0,41
Пролактин, МЕ/л	388,2±2,4*	314,5±0,6
Эстрадиол, нг/мл	198,2±0,31	243,6±0,84
Прогестерон, нг/мл	13,1±0,36	17,6±2,05
Кортизол, нг/мл	349,5±0,72*	308,1±0,64
Тестостерон, нг/мл	0,11±0,3*	0,07±0,2

^{*}p<0,05

Снижение в сыворотке крови обследованных девушек-подростков концентрации пролактина, кортизола и тестостерона также отражает инициацию циклической активности репродуктивной системы.

Медиана йодурии у девушек-подростков с ЙДС через 12 месяцев приема препарата «Йодомарин» увеличилась в 2 раза. Выявлены достоверные изменения и в степени йодурии. Так, через 6 месяцев после приема препарата йода в группе воздействия осталось только 6,7 % (2) девочек с низкой степенью йодурии, процент девушек со средней степенью йодурии уменьшился в 4 раза (с 73,3 % до 13,3 %), а число девушек с высокой степенью йодурии возросло с 6,7 % до 80 %, т.е. в 11 раз.

Если до приема йодсодержащих препаратов у 3 (50 %) девушек-подростков группы воздействия уровень йодурии соответствовал дефициту йода легкой степени (<5 мкг %), у 2 (33 %) – средней степени

(2-4,9 мкг %), у 1 (17 %) – тяжелой степени (<2 мкг %) дефицита йода, то после 12-месячной коррекции только у 2 (6,7 %) девушек группы воздействия был выявлен дефицит йода легкой степени (табл. 2).

Таблица 2

Влияние коррекции йодного дефицита на экскрецию йода у девушек-подростков с ЙДС

			,	/ровень	йодури	И	
Группа	Медиана йодурии, мкг%	<10 м	кг %	10-30	мкг %	>30 N	ікг %
	иодурии, мкі 76	абс.	%	абс.	%	абс.	%
До							
воздействия	10,5	12	20	44	73,3*	4	6,7
После							
Воздействия	21,34*	4	6,7	8	13,3	48	80*

Выводы: проведенная коррекция йодного дефицита оказала положительное воздействие на состояние гипоталамо-тиреоидной системы: объем щитовидной железы уменьшился в 1,6 раза; содержание ТТГ снизилось в 2 раза; уровень Т3 увеличился в 2,5 раза; Т4 – в 1,3 раза. В 2 раза возросла медиана йодурии, дефицит йода средней и тяжелой степени не был выявлен вообще, а число девушек с дефицитом йода легкой степени уменьшилось в 7 раз.

- 1. Баранов А.А., Кучма В.Р., Скоблина Н.А. Физическое развитие детей и подростков на рубеже тысячелетий. М.: НЦЗД РАМН, 2008. 216 с.
- 2. Герасимов Г.А. Прогресс в устранении йододефицитных заболеваний и нерешенные проблемы массовой и индивидуальной йодной профилактики // Гинекология. 2006. Т. 8, № 4. С. 9–13.
- 3. Година Е.З. От матрешки к Барби. Как меняются физические размеры наших детей // Экология и жизнь. 2009. № 5. С. 76–81.
- 4. Николаев О.В., Ремиз А.М. Итоги изучения эндемического зоба и борьбы с ним в Кабардино-Балкарской АССР. Нальчик, 1968. 175 с.
- 5. Захохов Р.М., Узденова З.Х., Шогенова Ф.М. и др. Мониторинг йодной обеспеченности у детей и подростков в Кабардино-Балкарии // Известия КБГУ. 2011. Т. I, № 4. С. 55–59.
- 6. Трошина Е.А., Абдулхабирова Ф.М., Скрынник Е.Н. Профилактика заболеваний, связанных с дефицитом йода, в группах высокого риска их развития // Cons. Med. Женское здоровье. 2010. Т. 12, № 6. С. 17–20
- 7. Радзинский В.Е., Семятов С.М. Репродуктивное здоровье девушек московского мегаполиса // Репродукт. здоровье детей и подростков. 2006. № 4. С. 16–22.
- 8. Уварова Е.В. Детская и подростковая гинекология: руководство для врачей. М.: Литтерра, 2010. 384 с.
- 9. Abdulrazzaq Y.M., Nagelkerke N., Moussa M.A. UAE population reference standard charts for body mass index and skin fold thickness, at ages 0–18 years // Int. J. Food Sci. Nutr. 2011. Vol. 62, N 7. P. 692–702. Гуркин Ю.А. Беременность у несовершеннолетних // Ювенильная гинекология. Ч. 1. СПб., 1993. С. 25–29.
- 10. Узденова З.Х. Репродуктивное здоровье девочек, девушек Кабардино-Балкарии: дис. . . . д-ра мед. наук. Нальчик, 2002. 304 с.
- 11. Шаваева В.А., Захохов Р.М., Узденова З.Х.и др. Корреляция соматических заболеваний у девочек-подростков с зобной трансформацией // Репродуктивное здоровье детей и подростков. 2014. № 1. С. 50–58.
- 12. Гуркин Ю.А. Беременность у несовершеннолетних // Ювенильная гинекология. Ч. 1. Спб., 1993. С. 25–29.
- 13. Курмачева Н.А. Роль и задачи педиатров в профилактике йододефицитных заболеваний у детей // Cons. Med. Педиатрия (Прил.). 2012. № 2. С. 5–10.
- 14. Scheffler C. The change of skeletal robustness of 6–12 years old children in Brandenburg (Germany) Comparison of body composition 1999–2009 // Anthropologischer Anzeiger. 2011. Vol. 68, N 2. P. 153–165.
- 15. Oostdijk W., Yap Y.N., Doude M.L. van Troostwijk et al. The impact of early puberty on final height in foreign born adopted children in the Netherlands // Horm. Res. 2004. № 35. P. 24–29.
- 16. Дедов Й.И., Мельниченко Г.А., Трошина Е.А. Профилактика и лечение йоддефицитных заболеваний в группах повышенного риска: пособие для врачей. М.: Медицина, 2004. 55 с.
- 17. Zimmermann M.B., Hess S.Y., Molinari L. et al. New reference values for thyroid volume by ultrasound in iodine-sufficient school-children: a WHO/NHD Iodine Deficiency Study Group Report // IDD Newsletter. 2003. V. 19. P. 62–64.

АНАЛИЗ КЛИНИКО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОГО СТАТУСА СТОМАТОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ У БЕРЕМЕННЫХ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ КЛИМАТОГЕОГРАФИЧЕСКИХ ЗОН

Тхазаплижева М.Т., *Узденова А.А., Узденова З.Х., Шаваева В.А., Балкаров А.О.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова *elifiva@bk.ru

Статья посвящена профилактике, раннему выявлению и лечению стоматологических заболеваний у женщин в период беременности. Кроме того, исследовано повышение эффективности комплексной системы профилактики заболеваний пародонта у беременных в зависимости от зон проживания и разработа на лечебно-профилактическая программа начальных форм заболеваний пародонта по данным анкетирования и динамике клинических симптомов.

Ключевые слова: твердые ткани зуба, пародонтит, гигиена полости рта, беременность, индивидуальный подбор зубной пасты и щетки.

ANALYSIS OF CLINICO-EPIDEMIOLOGICAL STATUS OF DENTAL MORBIDITY IN PREGNANT WOMEN, DEPENDING ON THE CLIMATIC AND GEOGRAPHICAL ZONES

Thazapligeva M.T., Uzdenova A.A., Uzdenova Z.H., Shavaeva V.A., Balkarov A.O.

Kabardino-Balkarian State University

Prophylaxis, early detection and treatment of dental diseases in women during pregnancy remains an important issue. The aim of the study was the increasing of the efficiency of the complex system of preventive measures of periodontal disease in pregnant women, depending on the places of residence, and development of therapeutic and prophylactic program of early forms of periodontal disease. The effectiveness of therapeutic and prophylactic program, including the use of toothpaste parodontax in pregnant women, was evaluated according to the survey and the dynamics of clinical symptoms.

Keywords: dental hard tissues, periodontium, oral hygiene, pregnancy, individually selected toothpaste and toothbrush.

В последние годы значительно возрос интерес населения к проблеме роли стоматологического здоровья женщин в период беременности. Оценка уровня стоматологического статуса у беременных включает показатели, связанные с общим состоянием здоровья женщины.

Беременность – физиологический процесс, в результате которого происходит перестройка всего организма женщины, включая все виды обмена. Такое состояние приводит к изменению внутренних сред организма, в частности, крови и слюны, что влияет на состояние мягких и твердых тканей в полости рта [1].

Во время беременности прогрессируют заболевания пародонта, развиваются кариес зубов и его осложнения, которые могут привести к потере зубов [2]. Плохое знание правил личной оральной гигиены обуславливает крайне плохое состояние гигиены полости рта у беременных женщин.

Интенсивность и распространенность кариеса зубов и воспалительных заболеваний пародонта в период беременности увеличивается, что отмечается многими исследователями на протяжении длительного промежутка времени [3–5]. Уровень стоматологических знаний беременных остается низким и связан с социальным статусом и уровнем их образования [6].

В настоящее время не существует единого мнения об этиопатогенезе стоматологических заболеваний в период беременности и, следовательно, отсутствует комплекс профилактических мероприятий, эффективно улучшающий стоматологический статус женщин. Именно этим обстоятельством обусловлена актуальность настоящего исследования.

В последние годы плановая санация полости рта среди организованного контингента населения почти повсеместно уступила индивидуальной санации по обращаемости, что делает актуальным изучение поражаемости кариесом, необходимости санации полости рта у беременных с определением объема и вида стоматологической помощи. Не менее важна разработка методики и организационных форм проведения оздоровления полости рта у различных групп беременных.

Цель исследования: совершенствование оказания стоматологической помощи у беременных в зависимости от климатогеографических зон проживания.

Материалы и методы исследования. Объектом исследования были 665 беременных в возрасте 17–38 лет, проживающих в разных климатогеографических зонах Кабардино-Балкарии: І группа – 217 беременных – г. Терек, равнинная зона; ІІ группа – 233 беременных – г. Нальчик, предгорная зона; ІІІ группа – 215 беременных – г. Тырныауз, горная зона.

В каждой группе были выявлены 50 женщин с начальными формами заболеваний пародонта, которые были распределены на 2 подгруппы:

- у 25 беременных (основная подгруппа) использовали лечебно-профилактическую программу,
 включающую профессиональную гигиену полости рта, обучение пациенток методике и режиму чистки
 зубов зубной щеткой средней жесткости и пастой «Parodontax» в течение четырех недель;
- у 25 беременных (контрольная подгруппа) также проводили лечебно-профилактическую программу, включающую профессиональную гигиену полости рта, обучение пациенток методике и режиму чистки зубов, но зубная паста и щетка выбиралась пациентками самостоятельно (применение гигиенических зубных паст, не содержащих лечебно-профилактических добавок).

Исследования проводили по единому протоколу. При включении пациенток в исследование проводилось анкетирование для оценки гигиенических знаний и навыков у беременных, а также для субъективной оценки состояния полости рта на момент исследования. Далее проводилось стоматологическое обследование по стандартной методике. При осмотре отмечали глубину преддверия полости рта, состояние уздечек верхней, нижней губы и языка. При оценке зубного ряда учитывался вид окклюзии. Определялось наличие наддесневых зубных отложений, кариозные полости, некариозные поражения твердых тканей зубов, отмечалось состояние слизистой оболочки десны, щек и языка. Определяли индексы гигиены ОНІ-S (Oral Hygiene Index-Simlified Greene, Vermilion, 1964), ИЗН — индекс зубного налета (Silness-Loe, 1964), папиллярно-маргинально-альвеолярный индекс РМА (Parma, 1960), ИК — индекс кровоточивости (Muhlleman, 1971), СРІ (коллектив экспертов ВОЗ, 1982) и рН-метрия. После обследования проводилась лечебно-профилактическая программа, включавшая профессиональную гигиену полости рта с использованием ручных скейлеров и щеток с полировочной пастой, штрипсов, обучение методике и режиму чистки зубов и подбор зубной щетки и пасты. Повторный осмотр проводили через 1 месяц после проведения ЛПМ.

Была рекомендована лечебно-профилактическая паста на основе фитопрепаратов – «Parodontax» и зубная щетка средней жесткости «Parodontax», GlaxoSmithKline, Великобритания (двукратное ежедневное использование на протяжении 30 дней). В состав пасты не входят вещества, оказывающие неблагоприятное воздействие на организм беременной женщины.

Результаты исследования. Возраст беременных в группах обследования колебался от 17 до 38 лет, средний возраст в I группе составил $23,5\pm1,5$ года, в II $-23,8\pm1,7$ года, в III $-24,2\pm1,1$ года. Анализ распределения беременных по возрасту выявил, что большая часть беременных приходится на возраст 21-25 лет (40,1%). При анализе постоянного места проживания беременных выявлено, что 81,5% женщин живут в городе, а 18,5% – в сельской местности.

Оценивая физическое развитие беременных, мы сравнивали среднестатистические показатели роста, массы тела и размеры таза беременных женщин в 3 группах. У беременных женщин из горных районов КБР достоверно чаще регистрировались пациентки с низким ростом, чем в равнинной и предгорной зоне. При сравнении размеров таза во всех группах значимых различий мы не получили.

Таким образом, у беременных из горных районов Кабардино-Балкарии установлены следующие особенности физического развития: чаще регистрировались нарушения роста, дефицит массы тела, что свидетельствовало об астенизации телосложения, в отличие от беременных равнинной и предгорной зоны КБР.

Важное значение в развитии воспалительных заболеваний пародонта у беременных имеет наличие преморбидного фона, перенесенных и сопутствующих экстрагенитальных, генитальных заболеваний для своевременного выделения факторов риска.

В табл. 1 представлена частота экстрагенитальных заболеваний у обследованных пациенток.

Таблица 1 Частота экстрагенитальных заболеваний у обследованных беременных (%)

	КБР						
Заболевания		I группа Равнинная n=217		II группа Предгорная n=233		III группа Горная n=215	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	
Заболевания бронхолегочной системы	21	9,7	20	8,6	28	13,0	
Заболевания сердечно-сосудистой системы	12	5,5	15	6,4	10	4,7	
Заболевания желудочно-кишечного тракта	51	23,5	62	26,6	58	26,9	
Заболевания мочевыделительной системы	59	27,2	66	28,3	59	27,4	
ДУЩЖІ-ІІ ст.	25	11,5	21	9,0	28	13,0	

Наиболее частой патологией среди экстрагенитальных заболеваний у беременных во всех группах были хронические воспалительные процессы в почках и мочевыводящих путях.

В табл. 2 представлены частота и структура инфекций, передающихся половым путем, у обследуемых пациенток.

Частота инфекций, передающихся половым путем (%)

Таблица 2

	КБР							
	I группа	II группа	III группа					
иппп	Равнинная	Предгорная	Горная					
	n=217	n=233	n=215					
Гарднереллы	12	11,4	10					
Хламидии	14,4	12	15					
Микоплазмы	14,1	14,2	10					
Уреаплазма	17,1	17,1	20					
Кандиды	22,8	17,1	15					
Трихомонады	5,7	8,5	5					
ВПЧ (16,18 типы)	5,7	5,7	5					

Примечание: *-p<0.05 достоверные отличия в показателях у беременных I группы по сравнению с беременными других групп

При исследовании микрофлоры влагалища у обследуемых пациенток методом ПЦР в I группе выделены следующие микроорганизмы: гарднереллы -20.0 %, хламидии -18.9 %, микоплазмы -20.2 %, уреаплазмы -24.3 %, кандиды -27.0 %, трихомонады -10.8 %, ВПЧ -10.1 %. При посеве содержимого цервикального канала и влагалища на среды дисбиоз I степени был установлен у 19.7 % пациенток, II степени - у 20.8 %, III степени - у 13.7 % и IVстепени - у 9.5 % пациенток. У 14.4 % женщин в мазках из влагалища и цервикального канала было выявлено наличие «ключевых клеток», что являлось важнейшим диагностическим признаком бактериального вагиноза.

Всем беременным с нарушением микрофлоры влагалища и патологическими изменениями слизистой влагалища и шейки матки проводилась санация влагалища и шейки матки с последующим назначением препаратов, восстанавливающих биоценоз влагалища. По показаниям назначалась специфическая антибактериальная, иммуномодулирующая и противовирусная терапия.

Поскольку большинство возбудителей гнойно-воспалительных заболеваний относилось к условно патогенным микроорганизмам, проявившим свои свойства на фоне снижения неспецифических защитных сил организма, важное значение приобретает определение групп риска среди беременных.

Количество абортов в среднем на 1 пациентку составило 2,1-в I группе; 2,13-в II группе и 1,0-в III группе. Количество самопроизвольных выкидышей и неразвивающихся беременностей: 0,38; 0,3; 0,34 соответственно. Причем однократное искусственное прерывание беременности имело место у 20,6 % пациенток, два и более раз - у 37 %. Необходимо отметить высокую частоту самопроизвольных выкидышей в анамнезе у пациенток с вторичным бесплодием - 60 % и неразвивающихся беременностей, которые встречались у 29,9 % пациенток.

В табл. 3 представлена частота и структура гинекологических заболеваний.

Таблица 3 Частота и структура гинекологических заболеваний в анамнезе у обследуемых беременных (%)

	КБР					
Заболевания		уппа инная 217	II группа Предгорная n=233		III группа Горная n=215	
	Абс	%	Абс	%	Абс	%
Кисты яичников	3	1,4	2	0,9	2	0,9
Воспалительные процессы в области придатков матки	9	4,1	10	4,3	12	5,6
Метроэндометриты	10	4,6	8	3,4	9	4,2
Гиперпластические процессы эндометрия	3	1,4	3	1,3	2	0,9
Миома матки	7	3,2	9	3,9	8	3,7
Эндометриоз	10	4,6	8	3,4	11	5,1
Патология шейки матки	11	5,1	10	4,3	9	4,2
Бесплодие:	4	1,8	5	2,1	1	0,5
– первичное – вторичное	3	1,4	4	1,7	_	_

Из перенесенных гинекологических заболеваний у обследованных женщин преобладали воспалительные процессы в области придатков матки: в І группе беременных у $4,1\,\%$ пациенток, в ІІ группе – у $4,3\,\%$, в ІІІ группе – у $5,6\,\%$.

В табл. 4 представлена частота и структура патологии беременности у обследуемых женщин.

Таблица 4 Частота и структура патологии беременности у обследуемых беременных (%)

	КБР						
	I группа		II группа		III группа		
Патология беременности	Равни	нная	Предгорная				
•	n=2	17	n=2		n=215		
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	
Угроза прерывания	47	21,7	44	18,9	42	19,5	
Ранний гестоз:							
Рвота беременных	13	6,0	16	6,9	15	7,0	
Птиализм	5	2,3	7	3,0	7	3,3	
Анемия	36	16,6	42	18,0	35	16,3	

При сравнении всех групп обследованных беременных у каждой пятой женщины встречалась угроза прерывания беременности, и у каждой десятой ранний гестоз сопровождался повышенным слюноотделением.

Анализ частоты перенесенных экстрагенитальных заболеваний выявил, что соматический анамнез был отягощен у 68 % пациенток. В структуре экстрагенитальных заболеваний наиболее часто регистрировались заболевания мочевыделительной системы, желудочно-кишечного тракта и гепатобилиарной зоны, ДУШЖ І-ІІ степени.

Результаты анкетирования беременных свидетельствовали о том, что большинство женщин не знали основные правила ухода за полостью рта. 76 % беременных выбирали средства по уходу за полостью рта самостоятельно, не прибегая к совету врача-стоматолога. Интердентальные средства гигиены использовали 64 % женщин. Чистку языка проводили 15 %. Профессиональную гигиену полости рта в горных районах КБР ранее проводили только 8 % женщин.

По медицинским картам гигиеническое состояние полости рта у всех обследованных соответствовало удовлетворительным значениям по критериям индекса ИГР-У, что не соответствовало значениям, полученным при осмотре.

У женщин с физиологическим течением беременности был выявлен наименьший прирост интенсивности кариеса, в то время как при осложненной беременности прирост этих показателей был выше в 1,5 раза.

При исходном стоматологическом осмотре основную массу жалоб беременных женщин составляли: неприятный запах изо рта, накопление налета на зубах, оголение шеек зубов и связанная с этим повышенная чувствительность, сухость полости рта, кровоточивость десен во время чистки зубов и при откусывании твердой пищи, наличие дефектов твердых тканей зубов.

При внешнем осмотре у 97 % беременных всех групп наблюдалось нормальное состояние кожных покровов и слизистой красной каймы губ, у 3 % обследованных отмечались такие признаки, как бледность кожи и сухость слизистой красной каймы губ. У 1 % беременных на слизистой оболочке полости

рта были выявлены единичные высыпания в виде афт. У 154 (77 %) женщин язык был обложен белым или светлым пигментированным налетом.

Аномальное прикрепление уздечек верхней губы наблюдалось у 68 женщин (34 %), а нижней губы – у 18 (9 %) беременных. Мелкое преддверие полости рта было обнаружено у 10 (5 %) беременных.

У 184 обследованных (92 %) определялся мягкий зубной налет и пищевые остатки, у 176 женщин (88 %) – минерализованные наддесневые зубные отложения.

При оценке прикуса у 77 % обследованных отмечались физиологические и переходные формы прикуса. У 21 % женщин отмечалось скученное положение зубов в переднем отделе верхней и (или) нижней челюсти. Тремы и диастемы были обнаружены у 6 % беременных.

При исходном стоматологическом осмотре у беременных женщин всех групп была установлена высокая распространённость кариеса. При этом с возрастом отмечалась тенденция роста этого показателя (табл. 5).

Распространенность кариеса зубов у беременных женщин, %

Таблица 5

Таблица 6

	КБР						
Возраст, лет	I группа	II группа	III группа				
	Равнинная	Предгорная	Горная				
	n=217	n=233	n=215				
17–20	94,1	95,0	96,4				
21–25	95,7	96,5	97,7				
26-30	96,3	97,9	99,3				
31–35	100,0	100,0	100,0				
36–38	100,0	100,0	100,0				

Интенсивность кариеса зубов по индексу КПУ у беременных женщин в возрасте 17–20 лет составила $11,31\pm0,23$ и закономерно увеличивалась с возрастом, достигнув в горной зоне цифры $17,21\pm0,25$ (табл. 6).

Интенсивность кариеса зубов у беременных женщин

Возраст, лет		КБР	
Bospaci, nei	Равнинная	Предгорная	Горная
17–20	11,34±0,11	11,98±0,12	12,35±0,76
21–25	11,55±0,17	12,04±0,52	13,21±0,62
26–30	12,43±0,18	13,19±0,27	13,78±0,14
31–35	13,22±0,29	14,23±0,45	15,02±0,51
36–8	14 05+0 85	15 37+0 36	17 21+0 25

Распространенность очаговой деминерализации эмали (кариес в стадии белого или пигментированного пятна) у беременных составила 86 % (172 женщины), некариозные поражения (эрозии и клиновидные дефекты) были диагностированы у 38 (19 %) женщин, включенные дефекты зубных рядов имели 58 (29 %) беременных. У 100 % женщин наличие включенных дефектов зубных рядов было связано с удалением зубов по поводу осложненного кариеса зубов.

При оценке гигиенического состояния полости рта на основании анализа показателей индекса Грина — Вермильона установлено, что у беременных всех групп одинаково преобладала неудовлетворительная гигиена полости рта (средние показатели индекса OHI-S - 2,12 балла). Эти данные подтверждают, что беременные нуждались в проведении профессиональной гигиены полости рта в стоматологическом кабинете. В среднем в группах обследованных ИЗН составил 1,35 балла, индекс гигиены Грина — Вермильона (OHI-S) - 2,12 балла, PMA - 23,7 %, ИК - 1,24 балла, CPI - 1,6 балла.

Исследование водородного показателя (pH) ротовой жидкости выявило следующие особенности: максимально низкое значение pH в III группе женщин (горная зона), что совпало с наибольшей интенсивностью кариеса и очаговой деминерализации, высоким индексом зубного налета и выраженной тенденцией к повышению показателей пародонтологических индексов (табл. 7).

Таблица 7 Динамика водородного показателя ротовой жидкости (pH) до проведения ЛПМ

			КБР	•			
Динамика рН	I группа Равнинная n=217		Предго	II группа Предгорная n=233		III группа Горная n=215	
	n=25	n=25	n=25	n=25	n=25	n=25	
До лечения	6,32±0,02	6,32±0,04	6,34±0,05	6,34±0,03	6,31±0,02	6,31±0,05	

Через месяц повторный осмотр показал, что проведение у беременных лечебно-профилактической программы привело к достоверному снижению значений гигиенических и пародонтальных индексов по сравнению с исходными результатами. Наиболее значительное улучшение гигиены полости рта произошло в основных подгруппах, в которых назначалась лечебно-профилактическая паста «Parodontax» (табл. 8).

Таблица 8 Значения гигиенических и пародонтальных индексов в группах обследованных до и через 1 месяц после проведения ЛПМ

		КБР						
		I груп	іпа	II группа		III группа		
Жалоб	бы	Равнин			Предгорная Горная		•	
		n=21	/	n=2	233	n	=215	
		n=25	n=25	n=25	n=25	n=25	n=25	
ИЗН	до	1,22±0,07	1,23±0,08	1,33±0,06	1,33±0,08	1,45±0,09	1,44±0,08	
	после	0,84±0,02	1,01±0,05	0,87±0,04	1,12±0,05	0,91±0,07	1,19±0,05	
PMA, %	до	22,97±0,11	22,88±0,15	23,91±0,18	23,23±0,17	24,91±0,12	24,34±0,19	
FIVIA, /0	после	17,25±0,18	21,74±0,12	17,08±0,15	22,14±0,18	19,32±0,17	21,02±0,18	
OHI-S	до	2,1±0,11	2,1±0,17	2,2±0,15	2,2±0,18	2,3±0,16	2,3±0,12	
0111 0	после	1,23±0,13	1,82±0,12	1,24±0,15	1,82±0,13	1,45±0,12	1,88±0,15	
СРІ	до	1,4±0,07	1,4±0,07	1,6±0,04	1,6±0,03	1,9±0,02	1,9±0,01	
GFI	после	0,5±0,04	1,2±0,03	0,8±0,05	1,3±0,03	0,8±0,07	1,2±0,03	
ИК	до	1,23±0,13	1,23±0,13	1,24±0,18	1,24±0,17	1,25±0,13	1,25±0,18	
MIL	после	0,68±0,15	1,11±0,17	0,83±0,14	1,12±0,16	0,83±0,15	1,17±0,12	

Динамика водородного показателя ротовой жидкости (pH) через 1 месяц после проведения ЛПМ в I, II и III группах в среднем составила: $6,74\pm0,02$; $6,72\pm0,05$ и $6,73\pm0,05$ соответственно, что было достоверно выше (p<0,05) показателей pH до проведения ЛПМ ($6,33\pm0,04$; $6,32\pm0,05$ и $6,34\pm0,02$ соответственно). Тенденция к увеличению водородного показателя ротовой жидкости наблюдалась на фоне выполнения рекомендаций по индивидуальной рациональной гигиене полости рта во всех группах обследованных.

Выводы: распространенность и интенсивность кариеса зубов (99–100 %, 17,21±0,25) у беременных всех групп была одинаково высокой, увеличивалась с возрастом обследуемых, увеличением срока беременности, порядковым номером родов.

Результаты анкетирования выявили низкий уровень гигиенических знаний по уходу за полостью рта во всех группах.

Анализ распространенности заболеваний пародонта в зависимости от климатогеографических зон показал, что в горной зоне Кабардино-Балкарии заболевания пародонта встречаются в 2 раза чаще, чем в равнинной и предгорной зоне.

Наиболее эффективным подходом в профилактике заболеваний пародонта у беременных женщин является выделение группы риска и проведение в ней предгравидарной подготовки с последующим динамическим наблюдением во время беременности.

Клинико-эпидемиологические исследования свидетельствуют о неадекватности оказания стоматологической помощи потребностям беременных женщин в КБР.

- 1. Толмачева С.М., Лукиных Л.М. Стоматологические заболевания в период беременности и их профилактика. М.: Медицинская книга, 2005. 152 с.
- 2. Nayak A.G., Denny C., Veena K.M. Oral healthcare considerations for the pregnant woman // Dent Update. 2012. Vol. 39, № 1. P. 51–54.
- 3. Орехова Л.Ю., Узденова А.А. Опыт клинического применения лечебно-профилактической программы у беременных женщин // Научно-практический журнал для стоматологов «Пародонтология». Т. XVIII, 1 (66). СПб., 2013. С. 41–44.
- 4. Улитовский С.Б., Калинина О.В. Оценка уровня гигиенических знаний по уходу за полостью рта у беременных женщин // Ученые записки СПбГМУ им. акад. И.П. Павлова. 2008. Т. XV, № 2. С. 60–61.
- 5. Boutin A., Demers S., Roberge S., Roy-Morency A., Chandad F., Bujold E. Treatment of periodontal disease and prevention of preterm birth: systematic review and meta-analysis // Am J Perinatol. 2012 Dec. P. 537–544.
- 6. Алиева З.Б., Бахмудов М.Б., Бахмудов Б.Р. Роль стоматологического просвещения в повышении эффективности санации полости рта у беременных // Российский стоматологический журнал. 2010. № 4. С. 41–44.

ИСТОРИЯ. ФИЛОСОФИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 394.3 (=352.3) «19» +94(=352.3) «19»

ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ТАНЦЕВАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ КБР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 60-х-НАЧАЛЕ 80-х гг. XX ВЕКА (ИСТОРИКО-ЭТНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

***Кешева 3.М.¹, Варивода Н.В.²**

¹Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН ²Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

*kesheva10@gmail.com

В статье рассматриваются проблемы трансформации танцевальной культуры народов КБР в период второй половины 1960-х—начала 1980-х гг. Выявлено, что в танцевальной культуре народов КБР происходили противоречивые процессы. С одной стороны, активно развивались профессиональные формы хореографической культуры, с другой — этническое своеобразие, присущее народной танцевальной культуре народов КБР, под воздействием внешних и внутренних факторов в значительной мере было утрачено.

Ключевые слова: трансформация, танцевальная культура, народы КБР, духовная культура, советское общество, социокультурная панорама, национальные творческие кадры.

PROBLEMS OF TRANSFORMATION DANCE CULTURE KBR PEOPLES IN THE SECOND HALF 60's-early 80's XX CENTURY (HISTORICAL AND ETNOLOGICAL ASPECT)

Kesheva Z.M.¹, Varivoda N.V.²

¹Institute of Humanities Research of KBSC RAS ²Kabardino-Balkarian State University

This article discusses the transformation of the dance culture of the peoples of the KBR during the second half of the 1960s—early 1980s. Revealed that the dance culture of KBR occurred contradictory processes. On the one hand, actively developed form of professional choreographic culture, on the other — ethnic identity inherent in folk dance culture of KBR, under the influence of external and internal factors to a large extent been lost.

Keywords: transformation, dance culture, peoples of the KBR, spiritual culture, Soviet society, socio-cultural panorama.

Духовная жизнь современного общества переживает сложный период. Утрачиваются нравственные ценности, прерываются культурные традиции, распространяются западные стереотипы. Споры о путях развития многонациональной российской культуры приобретают острый характер, становятся предметом полемики в широких кругах общественности. Несмотря на различие оценок, спорящие стороны сходятся в одном: необходима новая государственная политика в сфере культуры. Но для ее формирования следует учесть предыдущий опыт и извлечь из него определенные уроки. В связи с этим обращение к проблеме жизнедействия культуры на одном из важнейших этапов ее развития является, на наш взгляд, своевременным и актуальным. Нельзя строить долговременные прогнозы и планы без учета достижений и ошибок.

Период второй половины 1960-х—начала 1980-х годов в развитии советской культуры занимает особое место. В это время стали происходить значительные перемены в сфере общественного и нравственного сознания, в науке и других сферах. В гражданской истории период, о котором идет речь, ограничивается рамками окончания хрущевской «оттепели» (1964) и началом «перестройки» (1985).

Художественный процесс середины 1960-х—начала 1980-х гг. сочетал в себе, казалось бы, несовместимые явления — усиление цензуры и одновременно появление высоких художественных шедевров и интеграцию культуры [1]. Меняется и среда бытования художественной культуры. В эти же годы Россия перешла от тоталитарного режима с его официальными установками в сфере художественной культуры и представлениями о ней как «верном помощнике партии» к более либеральным взаимоотношениям художника и власти [2].

Некоторые аспекты развития танцевальной культуры народов КБР второй половины 1960-х—начала 1980-х годов рассматривались в работах Мамбетова Г.Х. [3], Хутуева Х.И. [4], Мидова Х.Х. [5], Базиевой Г.Д. [6], но вместе с тем поставленная проблема не стала предметом специального исследования и носила в основном культурологический характер. В данном исследовании представлен историко-этнологический анализ трансформации танцевальной культуры народов КБР с привлечением ранее неопубликованных источников. На примере культурной политики, которую проводило государство в отношении управления танцевальной культурой в КБР, можно судить о специфике взаимоотношений власти и творческой интеллигенции, о формах и методах управления художественной культурой. С другой стороны, нельзя рассматривать трансформацию танцевальной культуры республики в отрыве от историко-этнологических процессов, задававших векторы ее развития.

Период второй половины 60-х-начала 80-х годов XX века – время значительных изменений в кабардино-балкарском обществе. Активно шли процессы урбанизации и индустриализации, которые оказали влияние и на традиционную культуру. Нарушалась традиционная культурная преемственность, все большее место в жизни кабардино-балкарского общества стали занимать «светские институты», советская социалистическая действительность.

Безусловно, развитие кабардинской и балкарской национальной культуры не представляется вне связи с русской культурой, оказавшей значительное влияние на развитие историко-культурных процессов в обществе, но вместе с тем происходило нивелирование исконного, традиционного, а на передний план выходила «советская» культура с налетом национального колорита.

Художественная культура Кабардино-Балкарии советского периода функционировала во взаимосвязи с тенденциями становления и развития профессиональной культуры народов бывшего СССР. Государственная модель организации художественной жизни отличалась достаточной стабильностью и предоставляла социальные гарантии, что обеспечивало определенные условия для творческих поисков. Но проблема заключалась в том, что к культуре применялся остаточный принцип финансирования, а административная система управления в некоторой степени была оторвана от реальных процессов функционирования искусства в республике. Тем не менее, несмотря на администрирование, недофинансирование, преобладание метода социалистического реализма, профессиональное искусство советского периода активно развивалось и отображало изменения в обществе.

Хореографическая культура народов КБР в рассматриваемый период развивалась в трех направлениях: бытовом (традиционном), самодеятельном (полупрофессиональном) и профессиональном. Процесс ломки культурных традиций происходил в разных слоях культуры по-разному.

В рассматриваемый период в области профессиональной хореографии в Кабардино-Балкарии происходили важные для развития этой области культуры события. 28 февраля 1968 года открылся первый на Северном Кавказе Кабардино-Балкарский государственный музыкальный театр, который способствовал развитию новых национальных сценических произведений: оперы, балета, музыкальной комедии и др. Отделение хореографии возглавил А.И. Проценко, впоследствии удостоенный звания народного артиста КБАССР. Под его руководством в Кабардино-Балкарии были заложены основы искусства классического танца, созданы и поставлены первые балетные постановки на национальные темы — «Лялюца», «Даханаго», «Аминат». В настоящее время можно отметить, что единственно верным путем развития профессионального балета в республике была постановка национальных балетов, близких зрителям по тематике и звуковому ряду. Национальные мелодии в обработке профессиональных композиторов и артисты балета в стилизованных костюмах вызывали отклик у публики. Спектакли активно посещались.

Открытие театра дало большие возможности для дальнейшего творческого роста артистов, а также для пополнения труппы профессионально обученными выпускниками хореографических училищ из разных городов страны. За период с 1964 по 1985 год в репертуаре балетной труппы были такие спектакли, как «Лебединое озеро» П. Чайковского, «Тщетная предосторожность» П. Герольда, «Золушка» С. Прокофьева, «Легенда гор» В. Молова и другие.

Период 1960–1980-х годов в области профессиональной хореографии являлся в целом плодотворным в творческом отношении, но далеко не однородным. Если в 60-е—начале 70-х годов XX века балет в республике активно формировался, то в конце 70-х стали проявляться негативные моменты: отсутствие

оригинальных постановок, в частности, национальных балетов, скудность репертуара, недостаточное финансирование.

Середина 1960-х годов – новый рубеж в развитии профессиональной хореографии республики в сфере национальных танцев. В соответствии с решением Совета Министров КБАССР в 1965 году Кабардино-Балкарский государственный ансамбль песни и танца был реорганизован. Из него выделили танцевальную и инструментальную группы в самостоятельный творческий коллектив с названием «Кабардинка». Хоровую группу ансамбля передали Государственному комитету по телевидению и радиовещанию.

Государственный ансамбль танца «Кабардинка» являлся прославленным коллективом, который с успехом выступал на сценических площадках в 60 странах мира, стал лауреатом Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве (1957 г.), а также ряда всесоюзных конкурсов и фестивалей. Коллектив имел множество дипломов и два Ордена Независимости 1 степени Иорданского Хашимитского Королевства (1981, 1985 гг.). «Кабардинка» была ансамблем с большими творческими возможностями и потенциалом. Но танцы, исполняемые коллективом, мало чем отличались от плясок множества других художественных коллективов Северного Кавказа. Это касалось и музыки, и рисунков, характера и подбора исполняемых хореографических постановок [7].

«Кабардинка» оказалась оторванной от народной самобытной культуры, программа состояла из типичных северокавказских танцев: «Встреча у родника», «Танец с кинжалами», «Танец чабанов» и т.д. Танцоры исполняли ожидаемые зрителями сложнейшие трюки, но в них не было индивидуальности, такие же трюки исполняли танцоры других кавказских коллективов. На творчестве «Кабардинки» стояла печать советской культуры, «национальной по форме, социалистической по содержанию» [8]. Становилось понятно, что коллективу нужно было вновь обрести свою индивидуальность, которую следовало черпать в богатейшей национальной архаике, сакральных источниках, только этот путь являлся верным. Для преодоления творческого кризиса в ансамбле требовалось провести кардинальные перемены.

Руководство республики уделяло значительное внимание развитию художественной самодеятельности. В приказе министра культуры Кабардино-Балкарской АССР от 6 декабря 1985 года, в частности, говорится: «В свете требований постановления ЦК КПСС «О мерах по улучшению использования клубных учреждений и спортивных сооружений» эффективно использовать клубы, дома и дворцы культуры, парки культуры и отдыха для широкого привлечения трудящихся и членов их семей к занятиям художественным творчеством, расширять сеть и жанровое разнообразие самодеятельных коллективов, обратив особое внимание на развитие таких массовых традиционных видов народного творчества, как хоры, духовые оркестры и оркестры народных инструментов, ансамбли народного танца, фольклорные и драматические коллективы» [9]. Этот отрывок из приказа красноречиво свидетельствует о том, какое большое значение придавало партийное руководство развитию художественной самодеятельности, видя в ней действенный инструмент влияния на массы.

Практически ни одно партийное заседание на всех уровнях не обходилось без обсуждения вопросов развития культуры, а особенно — самодеятельного народного творчества. Об этом можно судить по выдержкам из документов: «По-партийному жестко и строго руководителям, партийным, профсоюзным и комсомольским организациям указать на то, что они не уделяют должного внимания художественной самодеятельности. Добиться того, чтобы на каждом промышленном предприятии был создан коллектив художественной самодеятельности» [10]. «Обеспечить активное участие коллективов художественной самодеятельности в подготовке к XXVII съезду партии, повсеместно организовывать их творческие отчеты перед трудящимися, усилить контроль за исполнением» [11]. Временной отрезок между первым и вторым отрывком составляет 20 лет, но очевидно, что содержание партийной риторики практически не изменилось.

Следует отметить, что смотры художественной самодеятельности – городские, республиканские, всероссийские, всесоюзные – проводились регулярно. Они являлись важнейшим рычагом контроля за деятельностью самодеятельных коллективов. «Решение о проведении Всесоюзного смотра самодеятельного художественного творчества было воспринято трудящимися и участниками художественной самодеятельности республики как одно из ярких проявлений внимания и заботы Коммунистической партии и советского правительства о духовном росте и развитии художественной культуры советского народа» [12].

Массовый подход и отсутствие индивидуальности привели к тому, что в республике в 60–80-е годы XX века существовало значительное количество самодеятельных коллективов национального танца, но у руководителей – балетмейстеров и постановщиков танцев – не хватало знаний фольклора и этнографии. Танцы, исполняемые большинством коллективов, были однотипными, отсутствовали сюжетные номера. Следует учесть и тот факт, что в единственном учебном заведении республики, в котором готовили руководителей-хореографов, в Культурно-просветительном училище, в учебной программе были широко представлены танцы народов мира, но в нее не были включены фольклорные танцы кабардин-

цев и балкарцев. Но, несмотря на недостатки в работе самодеятельных коллективов, нельзя отрицать и тот факт, что они несли воспитательную и образовательную функции, приобщая большое количество детей и взрослых к национальному искусству.

В целом, в середине 1960—начале 1980-х гг. интерес к участию в художественной самодеятельности был довольно высоким. Это было обусловлено тем, что социально-политическая ситуация в стране была стабильной, влияние Коммунистической партии не подвергалось сомнению. В том, что партия контролировала положение дел в культуре, был ряд положительных аспектов. Очевидно, что без достаточной материальной базы не могло бы существовать ни одно учреждение культуры. И хотя к культуре применялся остаточный принцип финансирования, обеспечение коллективов было недостаточным, но регулярным. Противоречие заключалось в том, что, с одной стороны, без материальной поддержки государства самодеятельные коллективы не смогли бы существовать (как это произошло в 1990-е годы, когда большое количество коллективов распалось из-за отсутствия финансовых вливаний), с другой — идеологическое давление, цензура, тотальный контроль мешали творческому поиску новых неординарных постановок. Приветствовались танцы с патриотической составляющей, прославляющие и воспевающие ударный коммунистический труд, а архаичные хореополотна вызывали критику и вопросы. Поэтому руководители танцевальных коллективов шли по наиболее легкому пути и ставили привычный материал.

Народная (традиционная) хореография претерпела в рассматриваемый период самые серьезные изменения, которые в большей степени были связаны с трансформацией танцевального и застольного этикета. Традиционного распорядителя танцев уже с 1950-х годов практически не было. Молодежь стала садиться за стол наравне со старшими. Многие молодые люди предпочитали оставаться за столом, нежели выходить в танцевальный круг. Исключение составляли участники профессиональных и самодеятельных коллективов, которые, оказавшись на торжестве, старались соблюдать каноны танцевального этикета. На примере трансформации национальной хореографии и танцевального этикета можно сделать вывод о том, что разрушалась эмоциональная связь поколений, авторитет старших уже был не столь непоколебим, как в прежние времена. В народных танцах отразились проблемы, которые существовали в обществе: несоблюдение этикетных норм, забвение традиций, утрата поведенческих ориентиров.

Таким образом, период второй половины 60-х-начала 80-х годов XX века в развитии танцевальной культуры народов КБР был противоречивым и неравномерным. Если в середине 1960-х годов профессиональная хореографическая культура народов КБР активно развивалась, то к концу 1970-х наметился спад. Традиционная танцевальная культура народов КБР к началу 1980-х гг. подверглась значительной трансформации. Этническое своеобразие, свойственное этому элементу гуманитарной культуры, в существенной степени было утрачено.

- 1. Дмитриевский В.Н. Социальный заказ театр зритель: система взаимосвязей // Художественная жизнь России 1970-х годов как системное целое. СПб.: Алетейя, 2001. С. 316.
- 2. Зоркая Н.М. Предисловие // Художественная жизнь России 1970-х годов как системное целое. СПб.: Алетейя, 2001. С. 2.
 - 3. Мамбетов Г.Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик: Эль-Фа, 2002. 364 с.
- 4. Хутуев Х.И. Становление и развитие социалистической культуры советской Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1984. 452 с.
- 5. Мидов Х.Х. Кабардино-Балкарский государственный ансамбль песни и пляски. Нальчик: Эльбрус, 1995. 112 с.
- 6. Базиева Г.Д. Художественная культура Кабардино-Балкарии в полиэтничном пространстве России. Нальчик: КБИГИ, 2010. 296 с.
- 7. Кешева З.М. Танцевальная и музыкальная культура кабардинцев во второй половине XX века. Нальчик: Полиграфсервис и T, 2005. C. 47.
 - 8. Думанишев А. «Кабардинка» наша гордость и краса // Кабардино-Балкарская правда. 1997. 12 июня.
 - 9. УЦГА АС КБР. Ф. Р-517. Оп. 5. Д. 84. Л. 211.
 - 10. УЦДНИИ АС КБР. Ф.1. Оп. 4. Д. 1071. Л. 77.
 - 11. УЦГА АС КБР. Ф. Р-517. Оп. 5. Д. 84. Л. 212.
 - 12. УЦДНИИ АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 606.Л. 30–32.

ПРОБЛЕМА ДЕПОРТАЦИИ НАРОДОВ КАВКАЗА И КРЫМА В 40-х гг. XX в. В МЕЖДУНАРОДНОМ КОНТЕКСТЕ

Сабанчиев Х.-М.А.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова dekanatsgi@mail.ru

В статье рассмотрены перипетии советско-турецких отношений в годы войны. Показано, как сталинские интриги трагически отразились на судьбах тюркских и мусульманских народов Кавказа и Крыма.

Ключевые слова: депортация, советско-турецкие отношения, пантюркисты, кавказская эмиграция, германо-турецкие отношения, союзные державы.

SOVIET-TURKISH RELATIONS DURING THE WAR AND THEIR INFLUENCE ON THE DEPORTATION OF THE PEOPLES OF THE CAUCASUS AND THE CRIMEA IN 1943–1944

Sabanchiyev Kh.-M.A.

Kabardino-Balkarian State University

The article is dedicated to peripeteias of Soviet-Turkish relations during the war. It is shown how Stalin's intrigues tragically affected the fortunes of Turkish and Muslim peoples of the Caucasus and the Crimea.

Keywords: deportation, Soviet-Turkish relations, Pan-Turkism, the Caucasian emigration, Germanic-Turkish relations, allied powers.

Выселение в 1943—1944 гг. карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев, турок-месхетинцев и крымских татар представляет собой показательный акт внутренней политики сталинского режима и доминанты его национальной политики. Депортация перечисленных народов проводилась во вторую половину войны, когда произошел перелом в ходе войны, а прифронтовые районы уходили на Запад и военной необходимости в «укреплении» районов проживания депортированных народов не было. Они как бы выпадают из закономерности этнических депортаций. Картина становится более ясной, если обратиться к показаниям Л. Берии в ходе судебного процесса над ним в декабре 1953 г. На вопрос председательствующего маршала И.С. Конева, почему он воспрепятствовал выдвижению войск НКВД для обороны Кавказа, Берия ответил: «Я утверждаю, что недостатка в войсках там не было. Перевалы были закрыты. Я считаю, что мы провели большую работу по организации обороны Кавказа... Я раньше не говорил, почему я не давал войск НКВД для обороны Кавказа. Дело в том, что предполагалось выселение чеченцев и ингушей» [1]. Берия задумывался над выселением северокавказских народов, чтобы в случае прорыва немцев через Главный Кавказский хребет в Закавказье они не получили пополнения из числа противников советской власти.

Это было своеобразной реакцией Берии на складывающуюся обстановку. По данным советской разведки, германское командование предполагало развернуть национально-освободительные движения во всем Кавказском регионе. Применение кавказских формирований во главе с батальоном «Бергман», как считало немецкое руководство, должно было ускорить процесс восстаний. По мнению немцев, Советы не ожидали сильных народных волнений, и вооруженные восстания и удары с тыла должны были застать врасплох оборонявшуюся Красную армию [2]. Однако окружение германской группировки в Сталинграде в конце ноября 1942 г. позволило с выселением повременить, и Берии пришлось заниматься задуманной депортацией северокавказских народов несколько позднее. «Бросается в глаза, – пишет Б.В. Соколов, - что наказывались в первую очередь те народы, которые проживали на стратегически важных территориях Крыма и Кавказа» [3]. Депортация преимущественно тюркских и мусульманских народов с территории Кавказа и Крыма уже увязывается с особой ролью этих стратегически важных территорий в свете грядущей конфронтации с Турцией. Сталин рассчитывал после победного завершения Великой Отечественной войны установить контроль над Черноморскими проливами и отобрать у Турции части территории Армении и Грузии, уступленные ей в 1921 г. [3]. Можно предположить, что спецоперации по массовому выселению этнически, конфессионально и по языку близких туркам народов из районов, прилегающих к южным границам СССР, были предприняты в плане подготовки будущего театра военных

действий и «пограничной зачистки», что широко практиковалось в 1935–1940 гг. В развитии этого положения вкратце рассмотрим, как складывались советско-турецкие отношения в годы войны.

До середины 1930-х годов советско-турецкие отношения в целом можно характеризовать как дружеские. СССР и Турция накопили в целом позитивный опыт многостороннего сотрудничества, в том числе и на международной арене. Ухудшение в советско-турецких отношениях наметилось после смерти президента Ататюрка в ноябре 1938 г.

Охладевшие было советско-турецкие отношения с весны 1939 г. снова вошли в режим сближения. Начавшиеся в Анкаре в апреле—мае 1939 г. переговоры с целью заключить пакт о взаимопомощи для сопротивления агрессии были продолжены в сентябре—октябре в Москве. Переговоры не дали положительных результатов. 23 августа 1939 г. уже был подписан германо-советский договор о ненападении, и таким образом Советский Союз определил свой курс. Пакт Риббентропа — Молотова всерьез обеспокоил правящие круги Турции, и пути СССР и Турции разошлись [4].

В ноябре 1940 г. состоялся визит советской правительственной делегации во главе с В. Молотовым в Берлин. В ходе бесед Молотова с Гитлером и Риббентропом наряду с другими проблемами были затронуты и вопросы, связанные с Турцией. В. Молотов считал необходимым пересмотреть договор о Проливах в Монтрё и разрешить советским военным кораблям свободный выход и возвращение в Черное море. Он предлагал позволить СССР за столом переговоров вернуть свои права на содержание военных баз в Проливах. Также Молотов считал необходимым обеспечить Болгарии выход к Эгейскому морю. С началом германо-советской войны Берлин довел информацию об этом аспекте переговоров до Анкары. Турецкая пресса подняла шумиху по поводу претензий СССР на Босфор и Дарданеллы. Чтобы успокоить общественное мнение в Турции, советское правительство выступило со специальным заявлением, что у СССР и в мыслях не было ничего подобного. Открытие немцами секретных планов, выдвинутых Молотовым в Берлине, серьезно ухудшили советско-турецкие отношения [4].

До нападения Гитлера на СССР Турция проводила политику лавирования между германоитальянским и англо-французским блоками, выбирая из них для себя наиболее сильного покровителя и союзника. 18 июня 1941 г. Турция подписала с Германией договор о дружбе и ненападении. Этот шаг Турции советским руководством был встречен с тревогой. Договором с Турцией Германия обезопасила южный фланг своего Восточного фронта [5]. Германо-турецкий договор специалисты оценивают как последнее мероприятие в процессе подготовки Германии к нападению на СССР [4].

Во время Второй мировой войны вокруг Турции закручивалась сложная дипломатическая игра с участием германского блока, Англии и СССР, а на более позднем этапе – и США. Целью этой борьбы было привлечь Турцию к участию в военных действиях на своей стороне, учитывая ее исключительно важное стратегическое положение. Приняв в качестве основного принципа своей внешней политики удержаться «в стороне от войны», Турция проповедовала нейтралитет. В реальности было очень сложно, соблюдая баланс, не нарушать Договор о дружбе и нейтралитете 1925 года с СССР, оставаться союзницей Англии, а с другой стороны – оставаться в рамках турецко-германского пакта о ненападении и сохранять нейтралитет. Как отмечено в статье В.К. Егорова, «нейтралитет Турции был выгоден Германии, поскольку обеспечивал безопасность южного фланга вооруженных сил германской коалиции, способствуя тем самым канализации агрессии на Восток. Благодаря турецкому нейтралитету Германия контролировала Балканский полуостров и Восточное Средиземноморье. Кроме того, Турция поддерживала торгово-экономические отношения с Германией и даже поставляла ей стратегическое сырье. Не только СССР, но и другие члены антигитлеровской коалиции отмечали также факты прохождения Проливами германских военных судов, замаскированных под торговые» [6].

После нападения Германии на Советский Союз турецкое правительство 26 июня заявило о своем нейтралитете в отношении как Германии, так и СССР. Однако в действительности политика турецких правящих кругов в значительной мере облегчала Гитлеру ведение войны против СССР.

Когда в начале Великой Отечественной войны советские войска терпели тяжелые поражения, в Турции оживились пантюркисты, вытесненные из публичной политики во времена Кемаля Ататюрка, который крайне отрицательно относился к их идеям об освобождении тюркских народов России. В июле 1941 г. с поощрения немецкой дипломатии в Турции был создан Пантюркистский комитет [7]. По приглашению германского командования несколько турецких генералов, настроенных пантюркистски, прибыли на оккупированную немцами советскую территорию и совершили «ознакомительную» поездку по Восточному фронту.

Турецкие власти разрешили издание пантюркистских печатных органов. В своих публикациях пантюркисты призывали к войне с Советским Союзом. Так, журнал «Чинаралты» вел пропаганду против России от имени тюркского населения юга России. Целью журнала было объединение всех тюрков «под одной чинарой» [8]. В июле 1941 г. журнал «Бозкурт» опубликовал статью «Пантюркизм ждет», помес-

тив карту «Великой Турции», в состав которой были включены Закавказье и Средняя Азия. Устремления пантюркистов, вспомнивших о младотурецкой идее создания «Великого Турана», которая объединит под эгидой Турции все тюркские народы, распространялись и дальше этих регионов. «Границы нынешней Турции проходят далеко за горами Кавказа, за Каспийским морем: Волга — это река, из которой веками наши предки поили своих коней», — писали они [5].

Сами руководители Турции занимали тогда хотя и скрытую, но враждебную по отношению к Советскому Союзу позицию. Как уже отмечалось, Турция поставляла Германии продовольствие, марганец, медь и хромовую руду, необходимую для выплавки качественных сталей. Турция нарушала Международную конвенцию о Черноморских проливах, пропуская в Черное море военные корабли держав оси. В середине 1942 г., когда Советский Союз переживал особо тяжелые дни, Турция держала на кавказской границе более 25 дивизий и вынуждала советское командование выделять крупные силы на случай возникновения непредвиденных обстоятельств на советско-турецкой границе. В Анкаре были уверены, что во время летней кампании 1942 г. Красная Армия будет окончательно разбита и турки самостоятельно, без особых потерь смогут занять Южный Кавказ [9].

Кавказская эмиграция в Турции тоже не сидела без дела: она объединялась под руководством Саида Шамиля, внука знаменитого имама. В Турции Шамиль организовал союз горско-азербайджанской эмиграции, затем — возглавлял Северокавказский комитет, который вскоре начал активно сотрудничать с германским руководством [2].

Для реализации своих планов немецкие власти установили контакты с кавказской эмиграцией, проживавшей в Европе после гражданской войны в России. Узнав о начавшейся войне, эмиграция воспрянула духом. Эмигранты Кавказа еще в 1920-х годах создали организацию «Прометей». Она придерживалась проанглийской и профранцузской ориентации. Немецкие власти считали, что внук имама – именно та личность, которая сможет объединить вокруг себя кавказскую эмиграцию. Под влиянием части эмиграции Шамиль начал прощупывать почву, а с началом войны, пытаясь использовать благоприятный момент, хотел заручиться поддержкой гитлеровской Германии для реализации планов «независимости Кавказа».

В Берлине Шамиль высказывал мнение, что Кавказу нужно предоставить автономию, близкую к полной независимости. К этой идее он возвращался несколько раз. Но как раз это менее всего входило в намерения Гитлера. Программа Шамиля оказалась для немецких властей чересчур независимой. Она противоречила сути и духу германской политики на Кавказе. Переговоры затянулись. Шамиль понял, что от Гитлера ему ждать нечего, прервал переговоры и осенью 1942 года уехал в Турцию. Здесь он пытался создать «Кавказскую неделимую добровольческую армию» как отдельное формирование в турецких войсках, но его план успеха не имел. С отъездом Шамиля на стезю активного сотрудничества с немцами вступил Али-хан Кантемир [10].

Гитлеровцы использовали эмигрантов для помощи в формировании добровольческих частей. Кантемир и его сторонники создали в 1942 году в Берлине «Северокавказский национальный комитет», издавали на русском языке журнал «Северный Кавказ» и газету «Газават». Образование комитета дало толчок к усилению сотрудничества с немцами: комитет проводил вербовку советских военнопленных родом из Северного Кавказа в военные формирования рейха.

К германской политике на Кавказе и в Крыму активно привлекалась Турция. Турецкие руководители высказывали заинтересованность относительно будущего территорий СССР, населенных мусульманскими народами, и их судьбы. Ввиду этого сближение с Турцией представлялось для Германии весьма заманчивым и использовалось гитлеровцами для реализации стратегических задач войны на Ближнем Востоке. Но Гитлер вовсе не желал, чтобы Турции удалось без войны разыграть роль покровительницы мусульманских и тюркских народов. В ответ на высказанную премьером Ш. Сараджоглу озабоченность по поводу нежелания Германии предоставить самостоятельность территориям, населенным тюркскими народами, Гитлер предложил германскому послу в Анкаре фон Папену проявить «большую сдержанность» и не форсировать эту тему. Тем самым был положен конец игре в пантюркизм, но она в известной мере повредила некоторым тюркским народам в роковые для них 1943—1944 годы [11].

Германия обещала передать Турции, если та вступит в войну на ее стороне, земли на Кавказе, острова Эгейского моря, Западную Фракию (Восточную Болгарию) и расширить территорию Турции за счет южных соседей – Сирии и Ирака. Однако президент Инёню колебался в принятии такого решения, помня о сокрушительном поражении своей страны в первой мировой войне, в которую она ввязалась на стороне Германии, и трагических последствиях этого поражения для судеб турецкой нации. После разгрома германских войск под Сталинградом вопрос о вступлении Турции в войну больше в Берлине не поднимался.

В период коренного перелома в ходе войны стало наблюдаться постепенное изменение отношений Турции с союзниками по антигитлеровской коалиции, прежде всего – Англией и США. Что же касается третьего члена этой коалиции – СССР, то турецкая политика в его отношении почти не менялась, оставаясь, мягко говоря, недружественной и неискренней [5].

Германское давление по втягиванию Турции в войну сменилось англо-американо-советским давлением с той же целью. Анализируя этот факт, Дж. Гасанлы пишет: «Советский Союз был заинтересован во вступлении Турции в войну, так как считал, что именно этот шаг предотвратит осуществление идеи проникновения конкурентов на Балканы. Соответственно, в советской прессе была организована волна критики политики нейтралитета» [4]. По мнению советского правительства, нейтралитет Турции был на руку Германии, а не союзникам. Правительства трех стран настойчиво предлагали Турции вступить в войну против Германии на стороне союзников до конца 1943 г., но тщетно. До объявления войны фашистской Германии (23.02.1945 г.) Турция балансировала с целью избежать участия в вооруженных действиях Второй мировой войны.

На Тегеранской конференции руководителей союзных держав (21 ноября – 1 декабря 1943 г.) вступление Турции в войну Сталин отнес к второстепенным вопросам. В марте–апреле 1944 г. прекратилась помощь Англии и США Турции. Советский Союз уже считал, что Турция опоздала включиться в войну, и теперь не желал ее участия в военных действиях.

С весны 1944 г. давление на Турцию со стороны союзников приобретает конкретно-прикладной характер. После совместной англо-американской ноты Турция с 21 апреля прекратила поставки хрома в Германию. Сотрудниками Наркомата иностранных дел СССР была подготовлена 21-страничная «Справка по неразрешенным вопросам между СССР и Турцией по состоянию на 15 апреля 1944 года», отражающая спорные моменты в отношениях двух стран. Рекомендации Наркоминдела оказать давление на Турцию по каждому описанному инциденту впоследствии выполнили роль интродукции к советским претензиям к южному соседу [4].

13 июня 1944 г. союзники потребовали от Турции прекратить политические, экономические и дипломатические отношения с Германией. Очевидная безнадежность положения гитлеровцев вынудило турецкое правительство 2 августа разорвать дипломатические отношения с Берлином.

С осени 1944 г. союзники сворачивают давление на Турцию. Основным направлением советской политики в отношении Турции наряду с обвинением ее в прогерманских настроениях и раздуванием значения связей с Германией становится пересмотр в интересах СССР Конвенции Монтрё по режиму Проливов. Этот вопрос советская сторона поднимала еще на Тегеранской конференции. Тогда союзники заняли выжидательную позицию. Проблема серьезно обсуждалась на московских переговорах Черчилля и Сталина в октябре 1944 г. Черчилль поддержал претензии СССР на пересмотр Конвенции Монтрё и изменение режима Проливов. Изучив материалы переговоров, историк Дж. Гасанлы делает вывод, «что Черчилль соглашался на изменение отдельных статей Конвенции, в то время как Сталин рассчитывал целиком заменить весь документ» [4]. В Наркоминделе СССР шла напряженная работа по изменению Конвенции по Проливам и ликвидации особых прав Турции над Босфором и Дарданеллами. Весной 1945 г. Анкара подверглась жесткому давлению со стороны Москвы. Советский Союз высказал свою озабоченность существующим режимом проливов, которые Турция могла закрыть в любое время, преградив проход через них советским военным кораблям и судам союзников, пропуская в то же время корабли и транспорт противника. Об этом Сталин заявил на Ялтинской конференции руководителей СССР, США и Англии (4–11 февраля 1945 года). Черчилль согласился с тем, что Россия как черноморская держава не может быть удовлетворена таким положением, и рекомендовал советскому правительству внести конкретные предложения по этой проблеме [12].

23 февраля 1945 г. Турция объявила войну Германии. Война приближалась к концу, в военных действиях Турция совершенно не участвовала, и объявление войны было актом чисто формальным. Сделав этот акт в нужное для себя время, Турция избежала многих нежелательных катаклизмов, стала участницей конференции по созданию Объединенных Наций в качестве государства-учредителя. Президент Исмет Инёню рассматривал это как большой успех своей политики. Однако определенная непоследовательность внешней политики Анкары подорвала авторитет Турции и ее правительства на международной арене. Страна оказалась в конце войны фактически без союзников, в одиночестве, что грозило ей полной изоляцией в мировом сообществе.

В свете всех этих фактов выглядит естественной реакция Советского Союза: 19 марта 1945 г. Москва объявила о денонсации советско-турецкого договора о дружбе и нейтралитете 1925 года со всеми к нему дополнениями (его срок действия истекал 7 ноября 1945 г.), как нуждающегося в серьезном улучшении в соответствии с изменившейся обстановкой [5].

Обеспокоенная сложившейся ситуацией Турция предложила советскому правительству заключить новый договор о союзе. СССР выдвинул условия заключения советско-турецкого договора: совместный контроль над Проливами, возвращение Советскому Союзу областей Карса, Артвина и Ардагана, переданных кемалистам по договору 1921 года о дружбе и братстве, и предоставление Советам военных баз в районе Босфора и Дарданелл [5].

Турецкая сторона не согласилась на удовлетворение территориальных требований Советского Союза, и переговоры были заморожены. На участке сухопутной границы с Турцией начали концентрироваться советские войска, в Болгарию были переброшены 30-тысячная армия, танки и артиллерийские орудия.

На Потсдамской конференции руководителей СССР, США и Англии (17 июля – 2 августа 1945 г.), кроме других проблем, обсуждались также вопросы о Турции и черноморских проливах. Черчилль поддержал советское предложение об изменении конвенции Монтрё, дабы обеспечить свободный проход через Проливы советского военного и торгового флота и в мирное, и в военное время [13]. Далее британский премьер в раздраженной форме высказался Сталину, что турки весьма встревожены концентрацией советских и болгарских войск на границе с Турцией, нападками на нее в советской печати и по радио, тем оборотом, которые приняли советско-турецкие переговоры, и тем, что страна фактически находится под непосредственной угрозой войны. Советские руководители заявили, что в некоторых частях границу между СССР и Турцией считают неправильной. В 1921 г. турки воспользовались слабостью советского государства и отняли у него часть территорий советской Армении и Грузии. Поскольку эти территории не принадлежали туркам, то надлежит восстановить справедливость и вернуть Армении и Грузии земли, входившие в состав России в 1878—1918 годах [13].

США и Англия не приняли советские предложения и выдвинули идею интернационализации Проливов. Союзники порекомендовали Советскому Союзу воспользоваться жестами примирения со стороны Турции и установить с ней добрососедские отношения. Твердая позиция союзников предостерегла Сталина от каких-либо действий, затрагивающих независимость и целостность Турции. Однако возникшая напряженность в советско-турецких отношениях в конце войны трагически отразилась на судьбе тюркского и мусульманского населения Кавказа и Крыма [4].

Проблема советско-турецких отношений в годы войны и их влияние на депортацию народов Кавказа и Крыма может стать предметом самостоятельного исследования с привлечением документов и материалов Архива внешней политики Российской Федерации, Турции и Германии.

- 1. Абрамян Э. Кавказцы в Абвере. М., 2006.
- 2. Гасанлы Дж. СССР-Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939–1953). М., 2008.
- 3. Гилязов И.А. Пантюркизм, пантуранизм и Германия // Этнографическое обозрение. 1996. № 2.
- 4. Егоров В.К. Российско-турецкие отношения и фактор третьих сил // Турция в XX веке: сб. статей. М., 2004.
 - 5. Еремеев Д.Е. На стыке Азии и Европы: очерки о Турции и турках. М., 1980.
 - 6. Еремеев Д.Е. Турция в годы Второй мировой и «холодной» войн (1939–1990). М., 2005.
 - 7. Лаврентий Берия. 1953: Документы. М., 1999.
 - 8. Некрич А. Наказанные народы. Нью-Йорк, 1978.
- 9. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 128, д. 9, л. 23.
- 10. Сабанчиев Х.-М.А. Политика фашистской Германии на Юге России и ее провал // Исторический вестник. Вып. 9. Нальчик, 2010.
- 11. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.): сборник документов. М., 1979.
- 12. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. VI. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав СССР, США и Великобритании (17 июля 2 августа 1945 г.): сб. документов. М., 1980.
 - 13. Соколов Б.В. Берия: судьба всесильного наркома. М., 2003.

ЭКОНОМИКА

УДК 334.025

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОД В УПРАВЛЕНИИ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ РЕАЛИЗАЦИИ КЛАСТЕРНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА (НА ПРИМЕРЕ СОЗДАНИЯ ТУРИСТИЧЕСКОГО КЛАСТЕРА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)

*Данилова-Волковская Г.М., Холопенкова Е.В.

Российский государственный торгово-экономический университет

*danilova-volk@yandex.ru

В статье на примере создания туристического кластера Северного Кавказа раскрыта сущность и необходимость инновационного подхода как необходимого условия реализации кластерной политики государства, определены его особенности и отличительные черты для данного региона.

Ключевые слова: туристический кластер, кластерная политика, инновационный подход в управлении, кооперация и развитие, инвестиции, государственные гарантии.

AN INNOVATIVE APPROACH TO THE MANAGEMENT AS A NECESSARY CONDITION FOR THE IMPLEMENTATION OF CLUSTER POLICY (THROUGH THE CREATION OF THE NORTH CAUCASUS TOURISM CLUSTER)

Danilova-Volkovskaya G.M., Kholopenkova E.V.

Russian State University of Trade and Economics

In the article by creating a Tourist Cluster of the North Caucasus essence and the need for an innovative approach as a prerequisite for the implementation of cluster policy, also defined its characteristics distinguishing features for the region.

Keywords: tourism cluster, cluster policy, innovation in management, cooperation and development, investment, government guarantees.

Реализация сценария новой индустриализации российской экономики включает в себя три обязательных этапа. Первый этап — условно 2011—2012 гг. На этом этапе требуется решить задачи окончательного выхода из текущего финансового кризиса и восстановления объемов промышленного производства докризисного 2007 г. Восстановительный рост должен сочетаться с формированием кластеров нововведений в базовых отраслях экономики. Второй этап — условно 2013—2017 гг. В этот период необходимо завершить восстановительный рост и перейти к расширению воспроизводства до уровня удовлетворения растущего спроса в базовых и новых отраслях промышленности. Третий этап — условно 2018—2020 гг. Лишь на этом этапе может начаться переход промышленности из стадии роста ВВП на стадию развития [1].

Формирование промышленных территорий развития, на наш взгляд, следует начинать уже на этапе восстановительного роста, в том числе путем создания и развития кластеров. Кластер (от англ. cluster) в экономике представляет собой сконцентрированную на некоторой территории группу взаимосвязанных компаний: поставщиков продукции, комплектующих и специализированных услуг, инфраструктуры, научно-исследовательских институтов, вузов и других организаций, взаимодополняющих друг друга и усиливающих конкурентные преимущества отдельных компаний и кластера в целом.

Характерными признаками кластера являются:

- максимальная географическая близость;
- родство технологий;
- общность сырьевой базы;
- наличие инновационной составляющей [2].

Кластер представляет своим участникам ряд преимуществ, которые обеспечивают притягивающий (центростремительный) эффект, определяющий целесообразность существования кластера и привлекающий новых участников. Эти преимущества можно разделить на три группы:

- ♦ повышение эффективности производственной деятельности;
- получение институциональных преимуществ (в том числе экономия на трансакционных издержках);
- получение инновационных преимуществ [3].

Наличие в кластере множества компаний в одном или близких видах деятельности, а также их потребителей повышает требовательность спроса и усиливает конкурентную борьбу [4]. Майкл Портер отмечает особое значение именно внутристрановой конкуренции (по сравнению с дистанцированной) как фактора, стимулирующего инновационную активность фирм внутри кластера [5].

Создание и развитие кластеров необходимо реализовывать в рамках кластерной политики, которая должна быть рассмотрена с позиции долгосрочной перспективы, так как получение существенных выгод от кластеризации обычно занимает 5–10 лет. Инициатива по созданию действительно значимых проектов, направленная на создание высокотехнологичного производства, а также устойчивого и инклюзивного роста экономик в целом, должна быть основана на комплексном подходе на региональном, национальном и межнациональном уровне [6].

В Российской Федерации элементы кластерной политики заложены в Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 года [7]. В ней предусматривается создание сети территориально-производственных кластеров, реализующих конкурентный потенциал территорий, формирование ряда инновационных высокотехнологичных кластеров в европейской и азиатской частях России. Готова и методическая база. В январе 2010 г. обнародованы методические рекомендации [8], где предложены такие меры, как содействие институциональному развитию кластеров, снижение административных барьеров, развитие механизмов поддержки проектов, налоговое регулирование, субсидирование части расходов из бюджетов и пр. Отметим, что для реализации эффекта кластерные объединения необходимо дополнить банками и специализированными финансово-кредитными учреждениями, в том числе инвестиционно-инновационными компаниями, венчурными фондами, бизнес-ангелами, лизинговыми, страховыми и прочими организациями [4].

Успешное развитие кластеров может быть реализовано в сфере предоставления туристических услуг. Туристическая индустрия представляет собой совокупность объектов размещения, транспортных средств, предприятий питания, развлекательных, познавательных, деловых, оздоровительных, спортивных и других учреждений и организаций, осуществляющих туроператорскую деятельность, а также фирм, предоставляющих экскурсионные услуги и услуги гидов-переводчиков [9]. Туристический кластер представляет собой объединение туристических ресурсов, в котором все его участники получают выгоду от совместных усилий в виде более широкого круга возможностей и конечных общих доходов. В туристическом кластере его участники могут более слаженно взаимодействовать между собой и властными структурами, а также с партнерами в России и за рубежом, создаются более выгодные условия для производства новых туристических продуктов и услуг, благодаря чему создается инновационная и деловая конкурентная среда [10].

Современное управление туристическим кластером невозможно представить без нововведений управленческого характера, основанных на синергии развития маркетинговой системы, финансовой системы, системы менеджмента (применяются новые методы управления, экономической оценки, изменение организационной структуры), персонала, объекта производства (например, изменение технологии).

Управленческие нововведения могут быть обусловлены различными причинами и факторами: политическими, экономическими, социальными, технологическими, рыночными и случайными [11]. В нашем случае при формировании туристического кластера на Северном Кавказе особое значение приобретают первые три из них. Политический фактор внедрения управленческих нововведений состоит в необходимости стабилизации обстановки в полинациональном регионе, реализации прав и свобод граждан в полном объеме с учетом интересов жителей всех республик. Экономическая выгода или экономическая эффективность от нововведений проявляется в применении современных методов экономического управления, учета затрат, в изменении подхода к расходованию средств. Социальный фактор обусловлен необходимостью социальной поддержки определенных категорий работников и слоев населения, в первую очередь малообеспеченных и социально незащищенных. Таким образом, инновационный подход при управлении туристическим кластером носит комплексный характер и направлен прежде всего на реструктуризацию и освоение новых способов и методов управления, что в совокупности дает больший эффект от реализации трансформаций [12]. Следует также отметить его ориентацию на достижение более высоких результатов за счет внедрения различного рода нововведений управленческого характера, призванных структурировать и систематизировать работу кластера, сделать ее более эффективной.

Отличительной особенностью инновационного управления туристическим кластером является наличие в нем систематических коммерческих и некоммерческих деловых отношений между местными агентами, обмен техническими решениями для интеграции процессов и технологий, характеризующих местные производства, своего рода «коллективная идентичность», основанная на общих ценностях, а 60

также уважение к тому, в какой организационно-правовой форме существует бизнес в конкретном регионе [13].

Управление туристическим кластером осуществляется в рамках реализации кластерной политики государства, которая заключается в организации системы государственных мер и механизмов поддержки кластеров, обеспечивающих повышение конкурентоспособности регионов, предприятий, входящих в кластер, а также обеспечивающих внедрение инноваций. Обычно кластерная политика рассматривается как альтернатива препятствующих конкуренции мер традиционной «промышленной политики», в рамках которой осуществляется поддержка конкретных предприятий или отраслей [14].

Реализация поставленных задач формирования и развития туризма в Северо-Кавказском регионе планируется в рамках создания государственной корпорации «Курорты Северного Кавказа». Эта новая, продиктованная временем организационно-правовая форма экономической деятельности зародилась в 2007 г. помимо развития и распространения холдинговых компаний. Получив большие функциональные полномочия, госкорпорации оказались наделены достаточно большими объемами государственного имущества, а также производственными и финансовыми активами. Рационально сочетая в себе горизонтальную и вертикальную интеграцию, они сумели стать двигателем неоиндустриальной модернизации всей отечественной экономики [15].

Проект создания туристического кластера Северного Кавказа утвержден в 2010 году [16]. На юге России в 2011–2020 гг. планируется построить пять новых горнолыжных курортов мирового класса: Лагонаки (Краснодарский край, Адыгея), Архыз (КЧР), Эльбрус – Безенги (КБР), Мамисон (РСО-Алания) и Матлас (Дагестан). Предполагается, что общая вместимость гостиниц туркластера составит 89 тыс. мест, а ежегодная пропускная способность – 150,5 тыс. человек. Предполагаемая длина горнолыжных трасс составит 897 км, из них 360 км – оснежаемых, а количество подъемников – 179 [17]. По прогнозам экспертов, общие социально-экономические показатели к 2025 году достигнут увеличения до 300 тыс. рабочих мест, роста валового регионального продукта примерно на 900 млрд руб., ежегодные налоговые поступления в бюджеты всех уровней составят порядка 130 млрд руб. [18].

В рамках выполнения поставленных задач отметим, что начатые в 2011 году работы по формированию и строительству КСК носят в основном подготовительный характер. Так, по большинству регионов определились границы особых экономических зон, идут землеустроительные работы, регистрация прав на земли, постановка их на государственный кадастровый учет. Ведутся необходимые инженерные изыскания, в том числе геодезические, гидрометеорологические, геологические и геофизические, археологические и экологические. Идет проектирование курортов, в том числе разработка мастер-планов и предварительных проектов туристических деревень, курортных объектов, канатных дорог, разработка транспортной схемы курортов с расчетом и оценкой транспортной нагрузки [19].

Важно отметить, что развитие туристической сферы предполагает в том числе и социальную ответственность бизнеса. Социальная ответственность бизнеса — это ответственность принимающих решения предпринимателей перед теми, на кого прямо или косвенно эти решения влияют. В сфере туризма концепция социальной ответственности бизнеса тесно связана с идеей устойчивого туризма, подразумевающей целый ряд понятий: экологически чистый, экологически безопасный, энергетически эффективный, развивающийся за счет наименьшего использования сторонних ресурсов и т.д. Формирующие туристический кластер компании должны уделять большое внимание интересам общества, защите окружающей среды, а также стараться улучшить его благосостояние [9].

В заключение отметим, что развитие сферы туризма играет очень серьезную роль в Северо-Кавказском федеральном округе, поскольку является системообразующей отраслью для этого региона. Комплексное инновационное управление проектом создания туристического кластера, направленное на развитие туристических объектов Северного Кавказа, позволит реализовать поставленные задачи, повысит эффективность управления, расширит экономическое сотрудничество, усилит позиции региона на международном уровне. В целом это благоприятным образом скажется на безопасности и повысит имидж СКФО на международной арене.

Однако же не следует забывать и о существующих проблемах Северо-Кавказского региона. Это в первую очередь коррупция, безработица и т.д. Поэтому перед тем, как воплотить задуманные идеи в рамках проекта, на наш взгляд, следует урегулировать внутренние проблемы каждого региона по ключевым «проблемным местам». Мы убеждены, что по каждому из них под достижение определенного уровня (порогового значения) следует подвести все регионы, входящие в зону туркластера. Сюда можно отнести и показатель по безработице, и объем внутреннего регионального продукта на человека, и динамику численности населения, особенно связанную с притоком и оттоком молодежи и т.д. Впоследствии это будет способствовать достижению системности и координации управленческих решений, инновационная необходимость которых носит обязательный характер, что позволит констатировать разрешение ситуации в лучшую сторону. Таким образом, инновационный подход в управлении туристическим кластером Северного Кавказа послужит необходимым императивом его создания в рамках развития перспективной институциональной траектории

(перспективная траектория – институциональная траектория, согласованная с ресурсами, технологиями и институциональными ограничениями; предусматривает встроенные механизмы, стимулирующие запланированные изменения институтов и предотвращающие возникновение дисфункций и институциональных ловушек [21]) всего Северо-Кавказского региона.

- 1. Амосов А. О неоиндустриальном сценарии в концепции развития до 2020 г. // Экономист. 2011. № 6. С. 3–17.
- 2. Электронная энциклопедия «Википедия» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru.wi-kipedia.org/wiki.
- 3. Куценко Е., Тюменцева Д. Кластеры и инновации в субъектах РФ: результаты эмпирического исследования // Вопросы экономики. 2011. № 9. С. 93–107.
- 4. Дворецкая А.Е. Инновационные решения в национальной экономике: инфраструктурные и финансовые аспекты // ЭКО. 2010. № 9. С. 158–174.
 - Портер М.Э. Конкуренция. М.: Вильямс, 2005. 608 с.
- 6. Reiner R., Gelzer C. Policy brief cluster policy in the context of EU strategy 2020: to the enterprise and industry directorate // General Directorate D2 Support for innovation. September, 2010.
- 7. Концепция долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 года // Утверждена распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р.
- 8. Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации // Утверждены постановлением Министерства экономического развития РФ от 26 декабря 2008 г. № 20636-АК/Д19.
- 9. Куярова Л., Габриелян Р. Туристический бизнес и социальная ответственность // Проблемы теории и практики управления. 2012. № 6. С. 44–49.
- 10. Нерлев А. На просторах кластера // Челябинск. 2008. № 6. С. 48–50 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.chelmagazine.ru.
- 11. Изменения в организации. Управленческие нововведения // Материал информационного портала infomanagement [Электронный ресурс]. Режим доступа: infomanagement.ru.
- 12. Солнцев Р.Н. Взаимосвязь научных подходов к управлению реструктуризацией производства // Материал информационного сайта по экономике EKportal.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.ekportal.ru.
- 13. Daddi T., Giacomo De M.R., Testa F., Tessitore S. Cluster approach and eco-innovation in four industrial clusters of Tuscany region (Italy) // Environmental Economics. 2012. V. 3, Is. 2. P. 26–34.
- 14. Электронная энциклопедия «Википедия» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org.
- 15. Антонова 3., Лившиц В. Неоиндустриальная модернизация как фактор интенсивного развития // Экономист. 2012. № 11. С. 34–38.
- 16. Постановление Правительства РФ «О создании туристического кластера в Северо-Кавказском федеральном округе, Краснодарском крае и Республике Адыгея» от 14 октября 2010 г. № 833.
 - 17. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.cre.ru.
- 18. Материал новостного портала «Кавказская политика» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kavpolit.com/perspektivy-razvitiya-kurortov-severnogo-kavkaza/.
- 19. Интервью генерального директора ОАО «Курорты Северного Кавказа» А. Невского // Горы. 2012. № 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.alpfederation.ru.
- 20. Материал новостного портала «Кавказская политика» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.kavpolit.com.
- 21. Полтерович В.И. Стратегии модернизации, институты и коалиции // Вопросы экономики. 2008. № 4. С. 4–24.

О РАЗВИТИИ МАРКЕТИНГА ТУРИЗМА В КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Тхагапсов А.В.

Российский государственный университет туризма и сервиса

axma90@mail.ru

В статье рассмотрены маркетинговые механизмы, которые могут быть применены для развития туризма в Кабардино-Балкарии. Выделены основные элементы планирования и разработки стратегии привлечения туристов и создания имиджа туристско-рекреационного комплекса Кабардино-Балкарии.

Ключевые слова: бренд, туризм, имидж, маркетинговая политика.

RECOMMENDATIONS AS PER DEVELOPMENT OF MARKETING OF TOURISM IN REPUBLIC OF KABARDINO-BALKARIA

Tkhagapsov A.V.

Russian State University of Tourism and Service

The article considers the marketing mechanisms that can be used for development of tourism in Kabardino-Balkaria. Emphasized the main elements of planning and developing the strategy of attracting tourists and image making, of tourist and recreational complex in Kabardino-Balkaria.

Keywords: brand, promotion of tourism, image, marketing policy.

Кабардино-Балкарская Республика обладает значительным потенциалом в сфере туризма. Для продвижения и развития данной сферы необходима правильно продуманная маркетинговая политика.

Развитие туристического сектора возможно лишь при решении задач повышения общего уровня, удовлетворенности потребителей и увеличении числа повторных визитов.

По нашему мнению, путем лучшего управления и снижения фактора сезонности можно увеличить общее количество туристов, сбалансировать туристическую активность, которую можно сохранять. Это приведет к росту доходов и прибыльности туристических предприятий, что положительно отразится и на рынке труда.

Кроме того, в КБР нужно не только предоставлять широкий диапазон услуг и увеличивать качество туристического сервиса, оборудования и инфраструктуры – важно также снизить вероятность неудобств, повысить уровень туристов.

В связи с этим необходимо разработать и запустить программы повышения безопасности в туристических районах, включающих создание пешеходных зон, запрет на движение транспорта в пешеходных зонах, создание парковок и так далее. Программы должны четко выполняться и в конечном итоге привести к безопасному, бесстрессовому отдыху туристов.

Рекомендация друзей, родственников и турагентств — самый важный источник информации, влияющий на выбор места поездки. Немаловажную роль в этом отношении могут сыграть социальные сети, блоги и форумы туристов, такие как, например, TourOut. Следовательно, маркетинг КБР должен быть направлен на стимулирование рекомендаций отдыхающих и отдыхавших в округе туристов, а также посредников в сфере продаж [1–3].

Можно выделить основные направления работы для продвижения региона на рынке туризма:

1. Планирование маркетинга исходя из видов туризма.

Клиенты платят за товар и услуги в соответствии с мотивацией, основанной на получаемой информации от специализированных источников и покупая по специальным торговым каналам. Поскольку целью маркетинга является увеличение клиентуры, для основных видов туризма в КБР нужно разработать различные маркетинговые планы.

2. Привлечение в сферу туристических услуг профессионалов.

Необходимо целостное и глубокое исследование рынка для того, чтобы определить стратегии развития данной сферы: какие сегменты спроса следует привлекать, какие продукты следует продавать, где необходимо применять маркетинговые механизмы, какие из них будут более эффективными и т.д. Все эти решения необходимо принимать на основе научного процесса анализа информации.

- 3. Ориентация на города и регионы, а не на страны. Туристические потоки и расходы в разных странах различны: потенциальные туристы, которых надо привлекать, неравномерно распределены по территории. Это означает, что проведение маркетинговых акций на всей территории страны неэффективно, они должны предприниматься в избранных регионах и городах. Немаловажным фактором также выступают заключенные договоры с соседними регионами в области туризма.
 - 4. Использование новых средств информирования клиентов.

Традиционные средства информации, которые используют национальные комитеты по туризму, не являются релевантным источником информации, на основании которого туристы принимают решение. По данным ряда исследований, туристические ярмарки обеспечивают только $1\,\%$, а реклама $-2\,\%$ туризма. С учетом все более растущей конкуренции на рынке необходимо определить тактику маркетинга. Необходимо планировать использование различных инновационных инструментов, влияющих на решение и степень удовлетворенности туриста: рекомендации друзей, советы турагентств, свидетельства тех, кто уже бывал в подобных поездках и так далее.

По традиции, туристическая индустрия продвигается на рынке через печатные материалы (брошюры, листовки и так далее), а также представляя страну потенциальным туристам на туристических ярмарках, тогда как туристы все чаще ищут информацию в Интернете. Фактически, как показывает ряд исследований, 42 % путешественников используют Интернет как источник информации. Следовательно, этот канал необходимо использовать.

- 5. Предоставление индивидуализированных услуг. Необходимо постоянное повышение качества персонализированных услуг, видов деятельности и впечатлений.
- 6. Работа в партнерстве и планирование на долгосрочные перспективы. Туристическая индустрия КБР должна работать сообща, чтобы достичь своих маркетинговых целей. Это следует из опыта самых успешных туристических зон в мире.

Реклама и действия по продвижению приносят результат в краткосрочной перспективе, но только структурированные усилия по усилению конкурентоспособности могут гарантировать долгосрочное процветание туристической индустрии в КБР. Следовательно, необходимо повышать конкурентоспособность во всех секторах.

Создание зонтичного торгового знака в КБР. Создать зонтичный бренд для всего региона: чем меньше количество крупных торговых марок, тем лучше. Это обусловлено необходимостью для туристов понимать регион упрощенно, а не как смешение различных брендов. Следовательно, усилия должны быть направлены на создание бренда, который легко узнать, легко запомнить и легко производить.

Под общим брендом следует развить несколько остальных, в соответствии с широким информационным посылом и идентичностью, но каждый должен иметь свой характер и идентичность.

Создание бренда для схожих объектов туризма. КБР состоит из 11 туристско-рекреационных зон, каждая из которых имеет свой собственный характер и идентичность. Это может привести к ошибке – разработке различных брендов, что может смутить и ввести в заблуждение туристов. Тем не менее, учитывая сложности при продаже такой огромной территории, КБР следует разделить на 3 (максимально) зоны для целей маркетинга.

Создание мощного имиджа региона. Учитывая, что большинство туристических зон рекламируют превосходные отели, услуги и сервис, уникальную культуру, наследие и дружелюбное население, а также конкурируют по ценам, необходимо создать уникальную идентичность — найти нишу и обозначить отличие от остальных конкурентов, и эта необходимость насущна как никогда. Корпоративная идентичность должна отражать бренд.

Маркетинговая политика в области туризма должна проходить на всех уровнях. Продвижение туристических продуктов Кабардино-Балкарской Республики должно проводиться с учетом специфики региона, его особенностей. Применение предложенных автором мер и действий должно привести к росту привлекательности региона в целом и туристско-рекреационной системы региона в частности.

- 1. Стратегия развития Кабардино-Балкарии до 2022 года (Правительство Кабардино-Балкарской Республики) [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.sk-news.ru.
- 2. Вапнярская О.И. Ориентация на потребителя: эволюция в рамках маркетинговых концепций // Сервис plus. 2010. № 1. С. 54–61.
- 3. Жамборов А.Н. Туристский кластер стратегия модернизации экономики региона (на примере Кабардино-Балкарской Республики) // Сервис plus. 2013. № 2. С. 42–47.

РИЛОПОГИЯ

УДК 82.09=51

СПЕЦИФИКА ОСМЫСЛЕНИЯ ТРАГИЧЕСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. ТЕППЕЕВА)

Эдокова Л.Н.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

edokova.l@mail.ru

В статье делается попытка проследить процесс формирования прозы трагического содержания в балкарской литературе. Автор выявляет механизмы актуализации психологии персонажа для создания образа трагического героя.

Ключевые слова: трансформация героя, характер, психология личности, конфликтная составляющая сюжета, литературные стереотипы.

THE SPECIFIC NATURE OF COMPREHENSION OF THE TRAGIC ON THE MATERIAL OF A. TEPPEEV'S STORY

Edokova L.N.

Kabardino-Balkarian State University

In the article the attempt is made trace the process of forming the tragic prose in Balkar literature. The author reveals the mechanisms of actualization of a character's psychology for creating a type of tragic hero.

Keywords: transformation of the hero, character, personality's psychology, the conflict component of the plot, literary stereotypes.

Понимание того, что гуманистическое мировоззрение всегда индивидуально, является достоянием определенной стадии развития художественного мышления. Литературы народов России существовали в двух разновидностях. В Советском Союзе всегда сохранялась линия преемственности литературной традиции – у тех народов, у которых таковая имелась.

Кроме того, социально-политический, идеологический посыл со стороны государства был настолько силен, что параллельно с традиционной, естественно-эволюционной литературой выросло и окрепло художественное слово нового типа. Не вдаваясь в сравнительный анализ двух литературных систем, отметим, что проза нового типа была обращена в прошлое настолько, что в русской советской литературе она была компенсирована только в середине XX века, что же касается словесности новописьменных народов – преодоление идеологического диктата происходит в 1970-х годах.

Начинал молодой балкарский прозаик А. Теппеев с журналистского очерка. Тягу к фактографически значимому и документальности писатель сохранил до конца своего творческого пути.

Персонажи первой повести Алима Теппеева – «Девушка из Ак-Сырта» – отнюдь не являются носителями сложных внутренних психологических противоречий. Это цельные и в достаточной мере прозрачные образы. Неоднозначно отношение к ним автора: невзирая на явную симпатию к Марзият и неприязнь к ее нравственному оппоненту Хамалаю, А. Теппеев в целом толерантен.

Вряд ли совсем молодой тогда еще писатель осознавал специфичность своего художественного мышления. В своей повести А. Теппеев при первом внешнем описании героя сразу же расставляет все точки в восприятии его читателем и т.д. Иначе говоря, автор «Девушки из Ак-Сырта» работал с оглядкой на литературные стереотипы конца 1960-х годов.

И все же последующие работы А. Теппеева сохранили сущностные черты его индивидуального стиля, намеченного в первой повести. Несмотря на явную эстетическую неравнозначность произведений 66

писателя этого периода, ориентация его на все большее прояснение конфликтной составляющей сюжета, на создание жестких и законченных этико-эстетических систем и цельных характеров очевидна, причем А. Теппеев как автор сохраняет лояльность ко всем своим героям.

Обращение писателей к тематике, предполагающей развитие повествовательного действия вне событийной динамики, диктовало свои условия представления героев. Как пишет 3. Толгуров: «События... в произведениях (северокавказских писателей) развертываются на малом пространстве, число действующих лиц ограничено. Писателей интересует не широта круга явлений, а глубина психологического анализа, диалектическая связь характера и обстоятельств. Площадь такой повести предельно сокращена за счет преодоления описательности, биографизма...» [1].

Развитие эстетической мысли именно в этом направлении и предполагалось критиками и литературоведами. Балкарская литература имела в своем эволюционном арсенале этот вектор развития, что, в сущности, предопределило появление в ней повести особого типа, тяготеющей к ограниченному событийному фону и реализующемуся в нем действию, связанному с двумя-тремя героями. Наиболее четко эта тенденция воплотилась в произведении А. Теппеева «Дорога в девять дней». Несмотря на некоторую временную дистанцированность повести и исходной точки нового этапа литературного развития, мы относим это произведение к начальной стадии формирования прозы трагического содержания. Конечно, такие произведения Теппеева, как «Пересоленный чурек» или «Солнце не заходит», в эстетическом плане более «сбалансированы» и гармоничны, однако «Дорога в девять дней», в нашем понимании, интересна тем, что в ней в концентрированном виде воплотились некоторые тенденции развития балкарской повести 70-х гг. прошлого века.

А. Теппеев, вообще тяготеющий к эксперименту, попытался развернуть морально-нравственный конфликт различных этических систем на небольшом пространстве — в пути с пастбищ Бажигана в аул Жамауат. Так же подчеркнуто локализовано время развития сюжета — повесть в соответствии с названием состоит из девяти частей, каждая из которых охватывает события одних суток. Собственно говоря, интерес автора сосредоточен на личности Бекира, вернее, на том пути от простого, надежного горца, каким он предстает в начале произведения, до человека, преступившего практически все законы морали и нравственности.

Трансформация героя происходит исподволь, незаметно. От первых мыслей о собственном счастье и возможности потерять его до расчетливого убийства Мамая Теппеев ведет своего персонажа через неторопливые размышления, пейзажные зарисовки, немногословные диалоги.

Умелая работа со словом, целенаправленное выведение частного случая на уровень общечеловеческой проблематики, простые, но достаточно емкие языковые характеристики героев недвусмысленно указывают на профессионализм писателя. Некоторые факты указывают на, пожалуй, впервые встречающуюся в балкарской прозе практику тотального подчинения всех элементов повествования авторской целевой установке. Так, например, в первых частях повести пейзаж у Теппеева всегда полностью гармонирует с душевным состоянием описываемого в данный момент героя.

Можно утверждать, что некоторая рациональность в построении сюжета повести выразилась именно в том, что при полной адекватности локальных образно-сюжетных систем (эпизодов развития конфликта) видимому замыслу автора подобного соответствия на текстуальном уровне не наблюдается.

Иногда эта немотивированность и неподготовленность действий, переживаний и мыслей героев ощущается весьма четко: «Бекир... смотрел в ночное небо, на звезды... Все уладится, все будет хорошо. Война закончится, он вернется живым и невредимым, и будет все время ласкать и любить Сакинат. Он скажет ей самые сокровенные, самые дорогие слова...».

«И нет выхода, нет иной дороги? – подумал он, вдруг встрепенувшись. – Нежели нельзя... Нельзя спасти себя? Или же пылающий этот огонь каждому дан, как сират?»

Вопросы эти поразили. И все отодвинулось, ушло, исчезла светлая до этого мгновения ночь... Какая-то сила подняла его, заставила сесть: «Что это? Неужели выход? Неужели спасение, мысль эта? Уйти в Карачай с Сакинат? Уйти? Что тебе эта слава! Ты есть – светел день Сакинат, не будет тебя – наступит ночь и для нее. И ты сам должен погубить свое и ее счастье? Разве твоя гибель принесет победу? О чем же думать-то, когда ушедшие не возвращаются, а фронт – вот он, рядом?!» [2]. При всем этом, ничто не предвещало такого переворота в сознании Бекира.

Однако и ему есть свое объяснение, оправдывающее автора. З. Толгуров пишет: «...Структура повести А. Теппеева близка к параболической... – ее герои как бы временно выключены из «всеобщей ситуации...», на период нахождения в пути лишены связи с обществом...» [3]. Скажем больше – повесть Теппеева представляет собой крайний вариант развития некоторых эволюционных тенденций данного жанра балкарской литературы периода 1970-х годов.

Таким образом, балкарская проза, опираясь на традиции русской литературы, прошла путь от альтернативного конфликта до осмысления сущности национального характера.

Новый этап эволюционного развития этой художественной словесности относится ко второй половине 1960-х годов, когда появились произведения трагического содержания: это повести и романы о коллективизации, Великой Отечественной войне, депортации балкарского народа в Среднюю Азию и Казахстан. В связи с этим можно сказать, что герои трагической судьбы впервые показаны в повестях 3. Толгурова «Эрирей», «Алые травы» и других. Однако трагическая судьба героев названных произведений связана не только с их внутренним миром, но и с трагической ситуацией, сложившейся в их Отечестве.

Появление повести А. Теппеева «Дорога в девять дней» несколько в другом аспекте раскрывает трагизм человека, поставившего своё личное благополучие выше судьбы Отечества.

- 1. Толгуров З.Х. В контексте духовной общности. Нальчик, 1991. С. 236.
- 2. Теппеев А. Дорога в девять дней // Яблоки до весны. М.: Современник, 1983. С. 211.
- 3. Толгуров З.Х. В контексте духовной общности. Нальчик, 1991. С. 238.

КОММЕРЧЕСКОЕ ИМЯ – ЭРГОНИМ И КОНТЕКСТ

Прокудина О.А.

Кабардино-Балкарский государственный университет им.Х.М. Бербекова

prokudina_o@mail.ru

В статье рассматриваются типы контекстов, в которых коммерческие наименования бытуют в семиотическом ландшафте города. Уточняя для данного случая понятие минимального вербального контекста, можно выделить различные по функциям и семантике структурные составляющие коммерческого наименования. Предлагается интегрировать физический контекст, апеллирующий к когнитивным механизмам сенсорной перцепции, в систему контекстуальных исследований.

Ключевые слова: коммерческое имя, эргоним, контекст, сенсорная перцепция.

COMMERCIAL NAME ERGONYM AND CONTEXT

Prokudina O.A.

Kabardino-Balkarian State University

The article deals with the types of contexts in which commercial names exist in the semiotic landscape of the city. Verifying ad hoc the notion of the minimal verbal context, structural-semantic components of the commercial name are distinguished. It is suggested to integrate the notion of the physical context, which is based on the cognitive mechanisms of sensor perception, into the system of contextual studies.

Keywords: commercial name, ergonym, context, sensor perception.

Целью данной статьи, основанной на исследованиях в области лингвистики с точки зрения семиотики и анализа дискурса, является изучение реализации значения эргонима в различных типах контекстов урбанистической среды. Выявление различных лингвистических и экстралингвистических средств реализации связи между обозначаемым и буквенно-звуковым комплексом приобретает при этом особую важность.

В соответствии с целью в работе ставятся задачи: выявить типы и комбинации контекстов, в которых эргоним бытует в урбанистическом ландшафте; рассмотреть взаимосвязь между эргонимами и различными типами контекстов; уточнить определение вербального контекста для эргонима, представленного визуальному контакту.

Под эргонимом, согласно отечественной лингвистической традиции, понимается микротопоним, а именно проприальное коммерческое именование, созданное для обозначения коммерческих компаний, структур и подобных единиц. Исследовались коммерческие именования, представленные для визуального контакта в семиотическом урбанистическом ландшафте г. Нальчика, отобранные методом сплошной сетевой выборки, позволяющим изучить когнитивные механизмы визуальной перцепции слова. Поскольку речь идет о коммерческих именованиях, визуальная и вербальная репрезентация которых носит интенциональный, рекламно-инспиративный характер, очевидна необходимость их многоуровневого изучения. Материал статьи составляет более тысячи примеров и охватывает период последнего десятилетия. Отобранные примеры являются составной частью лингвистического ландшафта, который, в свою очередь, встраивается в семиотический ландшафт города.

Понятие семиотического ландшафта города, разработанное Ю.М. Лотманом, основано на восприятии городского пространства как сложного целостного знака, в состав которого входят как экстралингвистические, так и собственно лингвистические элементы, которые могут сопровождаться различными изображениями, знаками, указателями, символами и т.д. [1]. При таком подходе организованное пространство предстает как текст, в котором смысловое содержание имеет сама форма.

Именно подобное восприятие слова как составляющего семиотического ландшафта требует обращения к принципиально новому типу контекста – физическому контексту, призванному дополнить изучение контекстуальной реализации смысла. Для организации физического контекста важны элементы чувственной, образной, двигательной и сенсорной памяти. Следует отметить, что аспекты физической репрезентации слова, определяющие когнитивные механизмы его визуальной перцепции, еще не полу-

чили должного внимания в отечественной лингвистике. Интеграция данного типа контекста в систему контекстуальных исследований определяет новизну данной работы.

Определение эргонима в отечественной лингвистике появилось в словарях 80-х гг. прошлого века, т.е. в иной социально-экономической формации, которая не предполагала повсеместного существования коммерческой мотивированности именований. В 1978 г. выходит первое издание Словаря русской ономастической терминологии Н.В. Подольской, где впервые был официально заявлен термин «эргоним» для обозначения наименований деловых объединений людей (учреждений, корпораций, предприятий, обществ, заведений) [2]. В этой же группе оказались названия союзов, организаций, кружков. Понятно, что представленная группа неоднородна по наличию/отсутствию коммерческой мотивированности входящих в нее перечисленных элементов. Предметом нашего интереса являются прежде всего коммерчески мотивированные именования. Таким образом, далее для краткости изложения под термином «эргоним» мы будем понимать прежде всего коммерчески мотивированные имена собственные предприятий различного функционального профиля (коммерческого, развлекательного, спортивного), представляющие собой единицы лингвистического пространства города.

Эргонимы достаточно интенсивно изучались с различных точек зрения, принимая во внимание их основные функции десигнации, идентификации и инспирации. Но ни одна из перечисленных функций не может быть полностью реализована в изоляции от контекста [3]. Однако экспериментальные данные исследователей свидетельствуют, что на скорость восприятия слова контекст не оказывает значительного влияния, как можно было бы предположить [4].

Эргонимы, будучи лингвистическими знаками, появляются и функционируют в различных типах контекстов - историческом, культурном, географическом, социальном, национально-этническом. Но прежде всего они функционируют как часть языковой системы и во взаимодействии с другими знаками языка. В связи с этим мы опираемся на идею Э. Косериу о выделении трех типов контекста: идиоматического, вербального и вневербального [5]. Идиоматический контекст – это непосредственно сам язык, поскольку каждый реализуемый в дискурсе знак соотносится с языком, с идиоматическими знаниями носителей языка. Вербальный контекст - это отрезок речи, предшествующий языковому знаку или части дискурса или следующий за ним. Слова, непосредственно предшествующие или следующие за лингвистическим знаком, составляют непосредственный вербальный контекст, тогда как опосредованный вербальный контекст может охватывать весь дискурс. Все находящиеся за пределами языковых явлений факты, условия и обстоятельства, известные носителям языка, составляют экстравербальный контекст, который имеет несколько разновидностей: физический, эмпирический, натуральный, практический, исторический и культурный. Взаимосвязь между эргонимами и контекстом имеет многоуровневый, интертекстуальный характер. Их непосредственная экспозиция сенсорному восприятию позволяет проводить исследование контекстов в режиме мультимодальности. В рамках данной статьи представлены и проанализированы на примерах лишь основные аспекты этой проблемы.

Во-первых, рассмотрим взаимосвязь эргонимов с их идиоматическим контекстом. Идиоматический контекст представлен прежде всего обращением к семантике апеллятивных основ эргонимов, основанной на метафорическом и метонимическом переносе значения. Этот тип контекста может проявляться также в обращении к определенному языку или к лингвистическим зонам одного и того же языка. В случае, когда объект идентифицирован эргонимом, существует несколько способов привлечь внимание целевой аудитории через семантику апеллятивной основы. Она оказывается релевантной для 76 % примеров выборки. Так, эргоним предлагает виртуальную возможность присоединиться к определенной социальной группе (ср., например, названия магазинов мужской одежды DIPLOMAT; VIP; RICH), специфическому образу жизни (ср., например, названия салонов красоты и магазинов одежды СТИЛЬ; FREE; PARADISE), когда эргоним создает иллюзию отождествления себя с подсознательно созданным идеалом (ср., например, названия магазинов мужской одежды BOSS; FRANT). Анализ семантики апеллятивных основ эргонимов позволяет выделить такие семантические составляющие, как стиль, привлекательность, получение удовольствия от жизни (48 %); красота, привязанность, непорочность, изысканность, скромное обаяние (18 %); индивидуализм, самоуверенность, динамичность, беспечность (7 %); получение экономической выгоды (3 %).

Выбор языка представляет отдельную лингвистическую и социально-культурную проблему. В целом обращение к иностранным языкам (английскому, итальянскому, французскому, турецкому, финнскому, японскому, арабскому в транслитерации кириллицей) более популярно, чем обращение к языкам титульных национальностей республики.

Вербальный контекст эргонимов связан прежде всего с изучением структуры коммерческого наименования, в состав которого входит эргоним. Некоторые структурные составляющие имени, согласно законодательству, являются обязательными, в особенности это относится к именованиям компаний и предприятий. Например, в Германии обязательно, чтобы элементы названия компании отражали сферу деятельности, владельца, месторасположение головного офиса компании и т.д.

С целью анализа минимального вербального контекста эргонима нами выделены следующие составляющие структуры коммерческого наименования. Это четыре составляющие имени, которые имеют различные функции и различаются семантически: идентификатор коммерческого предприятия (далее для его обозначения используется сокращение \mathbf{U}); составляющая, которая выражает идею бизнеса или сферу услуги (далее обозначаемая \mathbf{S}); идентифицирующая часть, которая и есть собственно эргоним (далее в тексте обозначаемая \mathbf{S}), и дополнительная поясняющая часть (далее в тексте $-\mathbf{\Pi}$).

Компонент **И** не всегда обязателен для наименования. Он имеет стандартную форму, чаще всего является сокращением от словосочетания на русском языке: «общество с ограниченной ответственностью» – OOO, «закрытое акционерное общество» – 3AO.

Компонент **Б**, выражающий идею бизнеса или сферы услуги, семантически может относиться к вещественной продукции, к абстрактным понятиям (что составляет содержание бизнес-идеи) или же к области бизнес-идеи. Апеллятивы, используемые как элемент данной части коммерческого наименования, с точки зрения семантики могут располагаться в континууме между конкретными (*центр, салон, магазин, бутик, кафе, закусочная* и т.д.) и абстрактными понятиями (*сервис, группа* и т.д.). Прототипически бизнес-идея описывется в наименовании посредством выражения, относящегося к абстрактному содержанию, например, *сервис, дизайн, имидж, домашняя кухня,* или же к конкретной сфере, т.е. месту коммерческой деятельности, например, *ресторан, студия* и т.д. В нашей выборке коммерческих наименований компонент **Б** является самым частотным минимальным вербальным контекстом эргонима. Компонент **Б** играет роль родовидового определителя эргонима. Действительно, вне вербального контекста – *магазин, бутик, интернет-кафе, ресторан, снэк-бар* и т.п. – эргонимы, к примеру, *СЕЗОН, ЭГОИСТ, ТРОН, РИДАДА, 911*, не смогут правильно идентифицировать объект номинации в сознании аудитории.

Дополнительная поясняющая часть Π не является обязательной составляющей наименования, релевантна в плане контекстной реализации эргонима: бутик (**B**) + VIA VISPUCCI (**Э**) + модная одежда из Италии (**П**); магазин (**Б**)+ СЕЗОН (**Э**)+ дешевая одежда из Турции; ФЛОРА (**Э**)+ мебель из натуральных пород дерева (**П**); хычин-бар(**Б**)+ мы вам здесь рады (**П**); одежда для женщин (**Б**)+ и немного для мужчин (**П**) и т.д.

Поскольку исследуемые мини-тексты представлены на вывесках, способы их экспозиции для визуального контакта разнообразны. В связи с этим мы выделяем виды непосредственного вербального контекста. Если информация располагается перед эргонимом, мы имеем дело с предшествующим вербальным контекстом; если информация следует за эргонимом, то мы говорим о последующим вербальном контексте. В случае, если информация как предваряет эргоним, так и следует за ним, можно говорить об обрамляющем вербальном контексте, причем в этом случае он неполный. Полный обрамляющий вербальный контекст эргонима – это тот случай, когда мини-тексты расположены перед, после, над и под эргонимом.

В некоторых случаях непосредственный вербальный контекст может находиться в другом физическом контексте — т.е. на другой табличке или на стене. Выделение перечисленных видов вербального контекста может послужить началу новых исследований в области психологии чтения и способов оптимизации хранения, доступа и извлечения из анналов памяти экспонированных таким образом мини-текстов.

В непосредственном физическом контексте эргонима встречаются нелингвистические знаки, такие как картинки или фотографии, эмблемы, логотипы, различные указатели или стрелки. Эти знаки имеют отношение к эргониму и дополняют его. Картинка или фотография способствует созданию визуального имиджа, позиционируемого эргонимом. Таким образом, в одном физическом контексте имеют место как лингвистический, так и изобразительный знак, который проясняет мотивацию эргонима. В некоторых случаях (в нашей выборке таких всего три) роль эргонима выполняют числительные: аптека (Б) + 36.6 (Э); закусочная (Б) + 911 (Э); ювелирный магазин (Б) + 585 (Э). Это не просто комбинации цифр, но числа, наделенные семантикой, – в первом случае относящиеся к нормальной температуре человеческого тела, во втором – к ставшему нарицательным телефонному номеру срочной службы спасения, третий указывает на высокую пробу золота.

Физический контекст эргонимов представлен большим разнообразием месторасположений, материалов, форм, начиная от стиля и типа букв вплоть до малых архитектурных форм и деталей природного ландшафта.

Например, лингвистическая и визуальная репрезентация названия женской парикмахерской *ЛАН-ДЫШ*. Название метафорично и призвано подчеркнуть женское изящество и скромное обаяние. Метафора поддерживается физическим контекстом: над входом в парикмахерскую, рядом с названием, установлена уличная лампа — светильник в форме ландыша с тонким изогнутым чугунным стеблем и стек-

лянным цветком – плафоном. В этом случае физический контекст представлен малой архитектурной формой – уличным светильником.

Подобным образом, физический контекст эргонима *CHERRY*, реализуемого в вербальном контексте *кафе* (**Б**) + *CHERRY* (**Э**) (*англ.* вишня), представлен визуальными составляющими: изображение ягод вишни перед и после названия. У входа в кафе находится вишневое дерево, что само по себе призвано поддерживать мотивированность наименования. Таким образом, здесь физический контекст представлен сочетанием изображения и деталью природного ландшафта.

Цвет, материал и форма букв могут составлять физический контекст. Так, в названии ювелирного магазина изделий из серебра *СЕРЕБРЯНЫЙ ДОЖДЬ* буквы светятся тонкими трубочками бледноголубого неона даже днем. Стилизованная удлиненная форма букв вызывает ассоциации со струями дождя, а холодное свечение на белом фоне – с благородным белым металлом (серебром). Подобные коммерческие наименования, представляющие единичные объекты, тем не менее стремятся определить свое место в анналах памяти, поскольку поддерживаются экспозицией сенсорного восприятия. Контекст в данном случае служит не только средством реализации смысла, но и способом оптимизации хранения, доступа и извлечения из анналов памяти экспонированных таким образом мини-текстов.

Таким образом, вышеизложенное позволяет нам сделать следующие выводы:

- эргоним имеет не только функцию локализации объекта в пространстве, но и функцию позиционирования, поскольку его создание имеет интенциональный, инспиративно-рекламный характер;
- как составляющая семиотического ландшафта города эргоним бытует в идиоматическом, вербальном и экстравербальном контекстах. Последний тип контекста включает, наряду с историческим, культурным, географическим, социальным, национально-этническим, также физический контекст;
- коммерческое наименование представляет собой структурированный мини-текст, компоненты которого имеют различные функции и различаются семантически. Данные компоненты представляют собой минимальный вербальный контекст эргонима;
- поскольку эргоним целенаправленно экспонируется для визуального контакта, элементы его сенсорной перцепции приобретают особую важность. Они составляют физический контекст эргонима, призванный не только реализовывать смысл, но и обеспечивать хранение, доступ и извлечение из анналов памяти этих лексем.

- 1. Лотман Ю.М. Актуальные проблемы семиотики культуры. Тарту, 1987. 150 с.
- 2. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 198 с.
- 3. Büler K. Sprachtheorie: Die Darstellungsfunktion der Sprache. Stuttgart/New York: Fischer, 1982. 434 s.
- 4. Rayner K. & Pollatsek A. The psychology of reading. London, UK: Prentice-Hall International, 1989. 529 p.
 - 5. Coseriu E. Textlinguistik. Eine Einführung. Tübingen: Gunter Narr, 1980. 252 s.

«ШЫ» (ЛОШАДЬ) В КАБАРДИНСКИХ ОНИМАХ

*Кокова Б.Дж.¹, Коков Дж.Н.², Кокова Л.Дж.²

¹Северо-Кавказский государственный институт искусств ² Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

* skgii@mail.ru

Научную новизну статьи авторы видят в том, что в ней впервые предпринимается попытка обобщения апеллятивной и онимической (антропонимической, топонимической) лексики, связанной с адыгским словом «шы» (лошадь). При этом выделяется этнографически окрашенная лексика, сформировавшаяся в процессе становления кабардинской лошади, породные качества которой стали широко известны и за пределами Кавказа.

Ключевые слова: *шы* (лошадь), *адыгэш* (кабардинская лошадь), *шу* (всадник), *шуей* (лихой всадник), *шугьусэ* (всадник в эскорте).

«HORSE» IN KABARDIAN NAMES

Kokova B.D.¹, Kokov D.N.², Kokova L.D.²

¹North Caucasian State Institute of Arts ²Kabardino-BaIkarian State University

The authors find a scientific novelty of this article in the generalization of appellative and onymic vocabulary, which related to word «horse». Particular attention is paid to ethnographic vocabulary, which is formed in the process of formation of Kabardian horse, which pedigree qualities were wide known abroad the Caucasus.

Keywords: horse, Kabardian horse, horseman, dashing horseman, horseman in escort.

Об отражении в кабардино-черкесском языке лексики коневодства авторам приходилось писать и ранее. Однако попытка обобщенного рассмотрения этого слоя апеллятивов и онимов здесь предпринимается впервые.

Как в свое время в языке приморских черкесов образовался слой морской лексики ($\kappa x + y + a + d + b + b + d + b + b + c$) (якорь), $\kappa + b + b + c$ (парус), $\kappa + b + d + c$ (морской воин)) [1], так и жизнь на равнине и в горах породила лексику (общую и онимическую), связанную с коневодством.

Но вначале несколько слов о названии известной породы «кабардинская лошадь» и лошади вообще. Сами адыги эту породу именуют $a\partial$ ыгэш (адыгская лошадь). А наименование «кабардинская», вошедшее в различные энциклопедии, справочники и научные издания, связывают с тем, что наибольшее развитие эта порода получила у кабардинцев.

В «Советском энциклопедическом словаре» (М., 1982) читаем:

«Кабардинская порода лошадей, верхово-вьючная. Выведена в древности и разводится в горных районах Северного Кавказа. Животные среднего роста, выносливые и работоспособные».

Естественно, что и «Адыгская (Черкесская) Энциклопедия» (М., 2006. Фонд им. Б.Х. Акбашева) уделила этой породе лошадей специальное внимание, опубликовав очерк М.Н. Губжокова, Д.Н. Просолова, Х.М. Думанова и Ф.Х. Думановой «Традиционная культура».

Авторы, обобщая наблюдения и исследования отечественных и зарубежных писателей, путешественников и специалистов, констатируют, что «лучше всего эта отрасль была развита в Кабарде, достаточно обеспеченной привольными степными пастбищами и в плоскостной части Западной Черкесии. У горных адыгов лошадей было сравнительно немного, и качество их уступало лошадям, которых разводили на равнине».

Видимо, с этим и связано становление наименования «кабардинская лошадь».

В рамках этой породы отмечают местные ее варианты. Последние получали названия по фамилиям заводчиков: *щолэхъу, бэчкъан, трамэ, къундет, хьэгъундокъуэ, абыкъу* и др. Результаты их усилий стали известны за пределами Кавказа уже в первой половине XVII века.

Из названных пород особо выделялись лошади, выведенные представителями фамилий *Щолэхъу и Бэчкъан*.

Лошадь, будучи важнейшим компонентом военной, хозяйственной и в целом культурной жизни, не могла не оказать и оказала существенное влияние на систему наименований (фамильных, географических) и в целом — на лексику кабардино-черкесского языка. Некоторые из этих элементов носят специфический характер из-за своей этнографической окрашенности.

Большинство терминов, основанных на названии лошади (*шы*), охвачено нашими словарями. Они образовали заметный слой общеупотребительной и этнографической лексики и фразеологии, географической номенклатуры. Слово *шытх*, например, в современном кабардинском языке в первую очередь ассоциируется с горным гребтом, а не с первичным его буквальным значением «конский хребет». Такова сила точной метафоры!

Слово *шу* значит «всадник». Оно образовано исторически от слова *шы* (лошадь), как и другие слова, относящиеся к военно-походной жизни:

шукІапсэ — название способа ведения боя группой всадников: изобразив отступление, всадники веревкой растягивались и завлекали противника, чтобы победить;

шукІашэ – всадник, прикрывающий отход (к*Іаш*э (скачущий в хвосте));

шупэхутэ – дозорный всадник;

шурылъэс – название игры «всадники – пешие»;

шууей – лихой всадник;

шуупэ – всадник-ведущий;

шуукІэгьалІэ – всадник, преследующий до победного конца;

шуущхьэ – одинокий всадник;

шупежьэ – встречающий всадник;

шугъусэ – сопровождающий (-щие) всадник (-и), эскорт на свадебных торжествах;

шугъунэ – крайний всадник (пренебрегаемый).

В ряду этих образований особое место занимает название обычая, по которому всадник должен был повернуть коня назад, чтобы проводить одинокого старца или женщину до безопасного места. Он мог продолжить путь только после того, как опекаемый скажет слово благодарности.

Такой человек имел свое название: шудэгъазэ – всадник, разворачивающийся с кем-либо.

В становлениие кабардинской породы лошадей огромный вклад сделали представители фамилий, которые передавали свои родовые имена питомцам. Так появились кабардинские лошади:

трама – каб.-черк. и абазин. фам. *Трамэ* и топоним *Трамэ къуажэ* (Трамова поселение) на Малке; на Баксане, в а. Псауче-Дахе;

къандор – ср. каб. фам. Къандор (Къандур);

абук (ср. народное название *Абукъухьэблэ* (Абуково селение) совр. *Дзэлыкъуэкъуажс*э (Залукокоаже));

бекан (ср. совр. каб. фам. *Бекъан* (Беканов) (в селениях Приречинское, Совхозный, Аушигер, Чегем, Вольный аул, Псыкод, Хамидие, Нартан, Нарткала и др.);

ягъан (ср. фам. каб. *Егъэн* (Яганов), абаз. *Аганов* (в селениях Малка, Приреченское, Псынадаха, Исламей, Нартан и др.);

хагундоко (ср. совр. каб. фам. *Хьэгъунокъуэ* (Хагундоков) в селениях Каменномостское, Малка, Аргудан, Нижний Куркужин, Алибердуко и др.);

маршан (ср. совр. фам. Маршан (Маршенов) (в Баксане, Кубе, Вольном Ауле, Исламее, Черной Речке и др.);

есаней (ср. совр. фам. Есаней в сел. Баксаненок, в Карачаево-Черкесии).

Первыми коннозаводчиками при основании Ашабовских конюшен (Красной и Белой) были Атажукины, Коцевы, Абезивановы, Наурузовы.

Слово *шу* (всадник) стало кабардинской фамилией (в Герменчике, Чегеме, Вольном Ауле (КБР) и Кошехабле (РА), а также личным именем. Только жаль, что именем *Шу* мальчиков ныне не балуют.

От слова *шы* (лошадь) происходят фамилии *Шыхъу*э, (пасущий лошадей) (Шухов), *Шыху* (кто гонит, пригоняет лошадей) (Шухов), *Шыбзыхъу*э (табунщик и др.) (Шибзухов).

А фамилия *Щольэхъу* (Шолох), сохраняющаяся в а. Бесланей (в Карачаево-Черкесии) и давшая название одной из пород кабардинской лошади, в плане языковом указания на «лошадь» не содержит. Элемент **що**- в этом антропониме скорее восходит к *щауэ* (*шъао*) – мальчик, юноша, молодожен в адыгских языках.

На породу лошади с этим фамильным именем обратил внимание еще М.Ю. Лермонтов. Характеризуя служаку Кавказской русской армии, среди прочих его атрибутов поэт упоминает и «лошадь – чистый Шаллох и весь костюм черкесский».

Об этой же породе лошадей известный кавказовед и иранист В.И. Абаев пишет: Шавлох – высоко ценимая в старину порода коней. Название происходит от кабардинской княжеской фамилии *Шолохо*

(Шевлохо, Шавлохо, Шолоховы), как название коней **трам** от фамилии Трамовых. В свою очередь, фамилия эта, как предположил В.И. Абаев, — «не случайное созвучие, а наследие древних русско-адыгских связей». Ученый не видел препятствий для сопоставления донской казачьей фамилии *Шолоховы* и кабардинской фамилии *Щолэхъу* (Шолоховы), заметив при этом, что эта же фамилия в форме *Шавлоковы* распространена и в Осетии [2].

Для сравнения можно обратить внимание на «лошадиные фамилии» в русском языке (не по тем далеким ассоциациям, которые подобраны Чеховым, а в значении названий животных). В известном справочнике Б.О. Унбегауна «Русские фамилии» находим антропонимы: Жеребцов, Кобылин, Иноходцев, Конев. К этой группе отнесена фамилия Лошаков, но в русском языке лошак обозначает другое животное – помесь жеребца и ослицы.

Интересно сравнить долю фамилий с основой «лошадь» в кабардинском и русском языках. Это ключевое слово в кабардинском языке встречается в 4 раза чаще, чем в русском. Это при том, что самих русских фамилий в указанном издании более 10 тысяч, а кабардинских фамилий – более 2 тысяч.

Этого нельзя сказать о фамилиях, восходящих к названиям рыб, птиц и насекомых.

Это говорит о специфике именослова, формируемого природной средой и условиями жизни.

Целый ряд адыгских географических названий происходит от слова *шы* (лошадь) или от имени, включающего эту лексему. Один из притоков Кубани, на котором расположено с. Коста Хетагуров, в фольклоре и литературе исстари именуется «Шонэпс». Это сложное слово, отраженное в сочинениях Ш. Ногмова и Хан-Гирея, воспринимается как состоящее из *шу* (всадник), *унэ* (дом) монастырь в верховьях речки.

Родник на правом берегу Макопсе называется *ШупащІэ ипсына* (Шупаши родник). Само имя *Шупаша* значит «передовой всадник». *Шыбзыжъы игъэхъун* (выпас для старых кобылиц) по правому берегу р. Туапсе; *Шыгуарэ* (адыгское *шы* (лошадь) в сочетании с абазинским *гуарэ* (ограда – загон для лошадей); производное *Шыгуарэ цІыкІу* (малая ограда) – у южной части а. Хумара; *Шыкхъэ* (лошадиное кладбище) – к северо-западу от с. Зарагиж; *Шымэкъужъ* (старое, известное место косьбы для лошадей) – юго-западнее Псыгансу. Один из родников в окрестностях а. Вочепший получил редкое для топонимики описательное название – *Шымыгъэшхэкъуэ псынэ*, что значит: родник балки, в которой не наедаются лошади. Такие топонимы, более характерные для кавказских и тюркских языков, принято называть глагольными. К последним относится и *Шытхьэлэ* (Шитхала) – адыгское название города Белореченска, а также селения и речки, в которой утонула лошадь. В ряде таких названий фигурируют другие животные: корова, коза, собака, курица и даже человек.

Некоторые топонимы отразили события, связанные с болезнями лошадей. Известны случаи, когда весь лесной массив получал название по конской тропе: адыгейское *шыу льагьо мэз* (лес с конской тропой).

Не обошлось и без «лошадиной» метафоры. Одну из скал по правому берегу Малого Зеленчука близ абазинского аула Енжич-Чквын черкесы называют *Шыщхьэжь* (большая (старая) голова лошади).

Здесь изучающих адыгские слова uuы (брат), u(u) в составе глаголов «поворачивать», «доить» и др. хочется предостеречь об одной опасности, встающей перед ними.

Например, слово *шыгъуэгу* иногда понимают как состоящее из *шы* (лошадь) и *гъуэгу* (дорога, тропа). Это не так. Слово *шыгъуэгу* буквально значит «тропа братьев». На это указывает и расположение этой тропы: за домом, а не перед ним, где ходят все. Другой пример. В названии *Гублыргъэш* звук [ш] к лошади отношения не имеет, а входит в состав глагола *гъэш* (ын) — поворачивать, разворачивать: на узкой лесной дороге телегу можно было развернуть, только подперев ее плечом (блэ — плечо).

Некоторые термины коневодства попали в наши словари с неверными или неточными определениями. Слово *хуарэ*, например, определяется как «название лучшей породы кабардинской верховой лошади». В другом словаре это же слово определяется как «чистокровная кабардинская порода лошадей» [1].

Кстати, о порции травы, имеющей в кабардинском языке особое название — uыуd3, что буквально значит «конская трава» в отличие, скажем, от uыdуd3 — ослиная трава. Последнее относится к пырею.

Не говорит ли это об особом отношении к лошади, если иметь в виду, что свежескошенную траву любят и другие домашние животные? Возможно, это особое отношение к лошади сказалось и в образовании кабардинского названия Млечного пути – *Шыхульагьуэ* (буквально – где прогнали (табун) лошадей). Ведь и другие стада оставляют след...

«Покровительственной» окраской кабардинской лошади считается гнедая масть «под цвет бурых скал и каменистой почвы». Но масти коннозаводчики поначалу особого значения не придавали.

В старинных песнях упоминаются следующие масти: *къуэлэн* (пегий), *пцІэгъуэплъ* (рыжий), *шытхъуэ* (серый), *шыгъуэ* (гнедой), *пщІэгъуалэ* (белый) и др.

В дальнейшем искусственный отбор был направлен на закрепление гнедой масти. И это имело мотивировку: цвета, контрастирующие с окружающей средой, могли быть замечены противником.

А вообще можно заметить, что определительное слово для лошади в кабардинском языке имеет свою специфику. В русском языке «белый конь» звучит естественно, а буквальный перевод на кабардинский (*шы хужь*) представляется искусственным образованием. Поэтому перевод должен быть *шы пщ*1эгьуалэ.

Работа выполнена в рамках поддержанного РГН Φ проекта №13-14-0700/13.

- 1. Словарь кабардино-черкесского языка. М.: Дигора, 1999. 860 с.
- 2. Калинин П.И. К вопросу о происхождении и формировании кабардинской породы лошадей // Ученые записки КНИИ. Т. IX. Нальчик, 1954. 250 с.

ПОГОВОРКИ С СОЧИНЕННЫМ КОМПОНЕНТОМ В РУССКОМ И КАБАРДИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Кудаева И.З.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

pfil@kbsu.ru

B статье рассматриваются модели поговорок с сочиненными компонентами в русском и кабардинском языках. Осуществляется анализ конструкций, представленных явными фразеологическими единицами (ΦE), поговорками и конструкциями, смежными между ΦE и поговорками.

Ключевые слова: поговорки, пословица, фразеологическая единица, предикат, сочинительные модели, неполные предложения.

SAYINGS WITH THE COMPOSED COMPONENT IN THE RUSSIAN AND KABARDIAN LANGUAGES

Kudayeva I.Z.

Kabardino-Balkarian State University

The article is dedicated to the models of sayings with the composed components in the Russian and Kabardian languages. The analysis of the constructions presented by obvious phraseological units, obvious sayings and constructions adjacent between phraseological unit and sayings is carried out.

Keywords: sayings, proverb, phraseological unit, predicate, composed models, incomplete sentences.

Определения поговорки в различных словарях и исследованиях свидетельствуют о неоднозначном понимании этого термина. Не вдаваясь в подробности дискуссии по данному вопросу, в данной статье остановимся на анализе одной из моделей (ни А ни Б) — конструкции с сочиненными компонентами в русском и кабардинском языках, трактующиеся исследователями по-разному.

Первые исследователи и собиратели паремий (И.М. Снегирев, В.И. Даль) понимали поговорку одинаково, их мысли явились основой определений и в толковых словарях, где поговорка понимается как «общеизвестное выражение, обычно образное, иносказательное, не составляющее, в отличие от пословицы, цельного предложения и не имеющее назидательного смысла» [1]. О синтаксической незаконченности поговорок говорят и другие определения; так, например, О.С. Ахманова определяет поговорку как «образное, иносказательное выражение, отличающееся от пословицы своей синтаксической незаконченностью» [2]. Г.Л. Пермяков также отмечал, что поговорки имеют форму незамкнутых предложений [3]. Одной из таких конструкций, на наш взгляд, является модель (ни А ни Б), реализации которой квалифицируются исследователями по-разному.

Модели с сочинительным союзом *ни... ни* довольно разнообразны, место сочиненных компонентов занимают слова различных частей речи: существительные, местоимения, числительные, наречия, прилагательные в краткой форме, глаголы, словосочетания.

Выделены модели с существительными в именительном, родительном и дательном падеже (с предлогом κ).

Часть данных конструкций, без сомнения, является фразеологическими единицами, что отмечено и во фразеологических словарях. Так, например, *ни свет ни заря* в проанализированных словарях квалифицируется как ФЕ: во Фразеологическом словаре русского литературного языка (ФСРЯ), Опыте русской фразеологии (ОРФ), Фразеологическом словаре русского литературного языка (ФСРЛЯ), Учебном фразеологическом словаре (УФС). В Толковом словаре Т.Ф. Ефремовой (ТСЕ) отмечена частеречная принадлежность конструкции (наречие) и то, каким членом предложения может она выступать – обстоятельством времени. *На другой день, ни свет ни заря, Лиза уже проснулась. Весь дом ещё спал* (А.С. Пушкин. Барышня-крестьянка).

Синонимы (утром, поутру, ранним утром, спозаранок, чем свет, раным-ранехонько, до петухов, раным-рано, раным-ранешенько, раным-раненько, рано, спозаранку, до света, с петухами, на заре, чуть свет) представлены в основном наречиями и существительными – Словарь русских синонимов (СРС).

Следующая построенная по той же модели конструкция *ни рыба ни мясо* фигурирует как в проанализированных толковых, фразеологических словарях, так и в словарях поговорок. В предложении конструкция выполняет функцию предиката, выражает частное значение (не содержит обобщения о закономерных связях действительности), применяется по отношению к конкретной ситуации, которая тем не менее типична. *Он ни мужсик, ни барин, ни рыба ни мясо; прошлое у него горькое, в настоящем у него только 25 рублей в месяц* (А.П. Чехов. Неприятность). Именно подобные конструкции Г.Л. Пермяков называл «изречениями, имеющими форму незамкнутых предложений» [3], место грамматического субъекта в ней может быть занято личным местоимением или существительным со значением лица, обладающим данным признаком.

Синонимы представлены в основном конструкциями, смежными между ФЕ и поговорками, а также прилагательными: ни богу свечка ни черту кочерга, ни два ни полтора, ни пава ни ворона, ни то ни се, никакой, неопределенный, ни пришей ни пристегни, середка на половину, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан, серединка на половинку... [4].

Выражение *ни брат ни сват* также имеется как в проанализированных фразеологических словарях, так и в сборниках поговорок; в предложении конструкция выполняет функцию предиката: *Побойтесь Бога: я ни Львову, ни Очкину, ни детям – ни сват ни брат* (А.С. Пушкин. Письмо В.Ф. Одоевскому, дек. 1836).

Кроме модели *ни сущ. им.п. ни сущ. им.п.*, имеются сочинительные конструкции, в которых существительные в родительном падеже: *ни сущ. р.п. ни сущ. р.п.: ни кожи ни рожи, ни живота ни смерти, ни складу ни ладу, ни уха ни рыла и др.*; они также имеются как в проанализированных фразеологических словарях, так и в сборниках поговорок, в предложении выполняют функцию предиката или употребляются отдельно в виде предикативной единицы: – *Глядеть противно! Скоро уже сорок лет, ни кожи ни рожи, а также, поди ты, напудрилась, завилась, корсет надела* (А.П. Чехов. Муж). В первые дни все известия были в пользу бежавших: ни слуху, ни духу, пропали да и только (М.Е. Салтыков-Щедрин. Круглый год 1-е марта).

Модель, в которой место сочиненного компонента занимает существительное в дательном падеже с предлогом κ (ни κ сущ. д.п. ни κ сущ. д.п.), несколько отличается от проанализированных выше. Данная конструкция (ни κ селу ни κ городу) также имеет место быть как в словарях фразеологических, так и в сборниках поговорок, однако функционирует в качестве второстепенного члена предложения (обстоятельства), имеет наречное значение, большинство синонимов представлено наречиями (не туда заехал, не у места, некстати, невпопад, не пришей кобыле хвост, не в масть, не κ месту, неуместно) (СРС).

Регент, придерживая дьячка за сюртучную пуговицу, ни к селу ни к городу, пояснял ему в десятый раз, что жена его ангел и что не будь её, он бы совсем погиб (В.А. Слепцов. Спевка).

В конструкциях с местоимениями лишь одна модель (ни мест., ни мест.: ни то ни се) отмечена во фразеологических словарях (ОРФ) и в сборниках поговорок (БСРП), другие же в основном отмечены во фразеологических словарях: ни с мест., ни с мест.: ни с того ни с сего (просто так, так, спроста, беспричинно, неожиданно — СРС); ни за мест., ни про мест.: ни за что ни про что (синонимы беспричинно, безвинно, даром, задаром, зазря, зря, напрасно, ни за что, по-пустому, понапрасну, попусту, с бухты-барахты — СРС). Данные конструкции функционируют в качестве обстоятельства, имеет наречное значение.

При последнем замечании князя он не утерпел и вдруг, ни с того ни с сего, самым глупейшим образом прыснул от смеха. (Ф.М. Достоевский. Дядюшкин сон). Все дядюшка напугал. Чуть было в волоски ему не вцепился. А ни за што... ни про што... (Д.И. Фонвизин. Недоросль).

Модель *ни числ. ни числ. (ни два ни полтора)* синонимична конструкции с местоимениями *(ни то ни се)* как по семантике, так и по функционированию.

Модель с кратким прилагательным в качестве сочиненного компонента (ни крат. прил. ни крат. прил) представлена конструкцией ни жив ни мертв, которая отмечена и во фразеологических словарях, и в сборниках поговорок. Синонимы – ФЕ: сердце отрывается, сердце перевернулось, душа уходит в пятки, сердце падает, мороз по коже продирает, волосы встают дыбом, волосы шевелятся на голове, волосы дыбом встают, волосы дыбом поднимаются, волосы дыбом становятся...[4].

В предложении конструкция может выполнять функцию предиката, определения, характеризуя субъект в конкретной ситуации, которая и является типичной.

Модель, в которой сочиненные компоненты — глаголы 3 лица единственного числа (ни глагол 3 л. ед.ч. ни глагол 3 л. ед.ч.: ни мычит ни телится; ни шьет, ни порет), отмечена лишь в сборниках поговорок, в предложении данные конструкции занимают позицию предиката. Нет бы — раскошелиться, а он — ни мычит, ни телится!... И не важно, что пришельцы не ели черный хлеб, — но в их тицедушном тельце — огромный интеллект (В.С. Высоцкий. Каждому хочется малость погреться).

Глаголы могут выступать и в форме инфинитива (ни инф. ни инф.: ни дать ни взять; ни стать ни сесть), данные конструкции имеют синонимы – глаголы, ΦE , в предложении могут выступать в функции как обстоятельства, так и предиката.

Как наденешь монисто, будешь, право слово, ни дать ни взять, святая икона в окладе! (А.К. Толстой. Князь Серебряный). Что там за домы: В один двоим за нужду влезть, и то ни стать, ни сесть. (И.А. Крылов. Лжец).

Конструкции с сочиненными наречиями (ни нар., ни нар.) представлены в основном во фразеологических словарях, в предложении выполняют функции обстоятельств, синонимы представлены наречиями, ФЕ, словосочетаниями с обстоятельственным значением: ни взад ни вперед, ни много ни мало, ни днем ни ночью, ни раньше ни позже, ни туда ни сюда, ни так ни сяк, ни больше ни меньше.

Модели, в которых сочиненные компоненты — звукоподражательные слова, междометия (ни бе ни ме; ни тпру ни ну), отмечены во фразеологических словарях и в сборниках поговорок, имеют синонимы: аза в глаза не знает, не разбирающийся, не смыслящий, невежественный, ни аза не знает, ни аза не понимает; незнающий, некомпетентный, непонимающий [4].

Мы только и знаем – левой, правой – и больше ни бе ни ме ни кукареку (А.И. Куприн. Поединок).

Конструкция со словами *да* и *нет* отмечена лишь во фразеологическом словаре (ФСРЛЯ), в предложении выполняет функцию предиката или дополнения. *Но сколько хитрости её ни тонки были, Лев ей, однако же, на то ни да ни нет* (И.И. Хемницер. Привилегия).

Модель с двумя сочиненными компонентами может быть распространена еще одним компонентом: а) в той же грамматической форме, что и предыдущие (ни складу, ни ладу, ни толку; ни рожи, ни кожи, ни виденья), б) выраженным другой частью речи (ни шатко, ни валко, ни на сторону), в) выраженным словосочетанием (ни швец, ни жнец, ни в дуду игрец), г) выраженным конструкцией с противительным союзом а (ни ткаха, ни пряха, а язык как плаха; ни кожи, ни рожи, а хвостом вертит; ни старого, ни малого, а середового да бывалого).

Занимать место сочиненных компонентов могут и словосочетания: ни богу свечка ни черту кочерга; ни пламя без огня, ни добродетель без зависти; ни в городе Богдан, ни в селе Селифан; ни печали без радости, ни радости без печали; ни радости вечной, ни печали бесконечной; ни складу по складам, ни толку по толкам; ни от камня плода, ни от вора добра; ни мертвеца рассмешить, ни дурака научить; ни бога не боится, ни людей не стыдится; ни в сказке сказать, ни пером описать. Данные конструкции отмечены как во фразеологических словарях, так и в сборниках поговорок.

Функционирование данных конструкций в текстах художественной литературы и публицистики показывает, что чем более распространен сочиненный компонент, тем он ближе к явным поговоркам. Конструкции же с противительным союзом a, без сомнения, являются поговорками.

Также явными поговорками являются конструкции модели *ни сущ. р.п. ни сущ. р.п.*, являющиеся пожеланиями: *ни пуха ни пера; ни рыбы ни чешуи* (пожелание рыболову), *ни дна ни покрышки*. Данные конструкции отмечены лишь в словаре поговорок.

Проанализированные конструкции русского языка свидетельствуют о неоднозначной квалификации их авторами различных словарей, а также о том, что обладают признаками как фразеологических единиц, так и поговорок. В некоторых случаях они – явные ФЕ, в других – явные поговорки, выделяется и группа конструкций, в которых есть признаки и ФЕ, и поговорок. Выступая в предложении в качестве предиката, на наш взгляд, они представляют собой неполное предложение, незамещенную позицию субъекта в них реализует местоимение (личное, указательное) или характеризуемое существительное.

Союз ни... ни в данных конструкциях, как нам представляется, совмещает несколько функций: 1) соединения, 2) усиления, 3) отрицания.

В кабардинском языке конструкции, в которых наблюдается сочинение отрицательных компонентов в структуре поговорок, представлены незначительным количеством, в отличие от русского языка. Как известно, одним из средств выражения отрицания в кабардинском языке является суффикс къым, именно этим суффиксом и оформлены данные выражения: акъылкъым, былымкъым – ни ума, ни богатства (нет); унэкъым, жсьэгукъым – ни дома, ни очага (нет); гъэшкъым, шыпскъым – ни молока, ни подливы (нет); гъуапэкъым, пщампІэкъым – ни воротника, ни рукава (т.е. бедный человек); блъагъэкъым, жъагъэкъым – ни родственника, ни приятеля (нет). Соединяемые компоненты представляют собой тесное смысловое единство, И.М. Балова отмечает, что такие конструкции не могут быть расчленены на два отдельных неполных предложения без ущерба для смысла [5].

Если конструкции, построенные по сочинительной модели (ни А ни Б), в русском языке представляют собой явные ФЕ, явные поговорки, а также конструкции, смежные между ФЕ и поговорками, приближающиеся то к ФЕ, то к поговоркам, то в кабардинском языке они являются поговорками, которые могут функционировать в речи и как отдельные неполные предложения, и как предикаты в безличных односоставных предложениях: Сышкъым, сывкъым. — У меня ни коня, ни вола (А.П. Кешоков. Хъуэпсэгъуэ нур).

- 1. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 3. М., 1984. С. 167.
- 2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 328.
- 3. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М., 1988. С. 169.
- 4. Словарь русских синонимов [Электронный ресурс]. Режим доступа: dic.academic.ru.
- 5. Балова И.М. Синтаксис кабардинских пословиц и поговорок: дис. ... докт. филол. наук. Нальчик, 1999. 293 с.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 687.58

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ТРАДИЦИОННОМ АДЫГСКОМ СОЦИУМЕ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

*Хоконов М.А., Гукепшоков М.Х., Канаметов З.Х.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

*mhokonov@gmail.ru

В данной статье предпринята попытка обозначения проблемы формирования гражданско-правовой культуры в традиционном социуме адыгов. В исследовании также нашел отражение сравни-тельно-исторический анализ элементов гражданско-правовой идентичности адыгов и античной полисной системы, особенностей развития правовой культуры и свободы личности в изучаемых обществах. В работе обосновывается необходимость дальнейшего историко-философского и культурологического осмысления эволюции правового сознания адыгов в контексте развития правовой культуры.

Ключевые слова: античность, этнос, адыгский этикет, гражданско-правовые институты, полис, община, социальная динамика, цивилизация.

PREREQUISITES OF FORMATION OF CIVIL CULTURE IN TRADITIONAL ADYGHE SOCIETY (COMPARATIVE ASPECT)

Hokonov M.A., Gukepshokov M.H., Kanametov Z.Kh.

Kabardino-Balkarian State University

In this article an attempt of designation of a problem of formation of civil culture in traditional society of Adyghe is made. In research the comparative-historical analysis of elements of civil identity of Adyghe and antique sheet system, features of development of legal culture and a personal freedom found reflection in the studied societies also. Need of further historico-philosophical and culturological judgment of evolution of legal consciousness of Adyghe in the context of development of legal culture locates in work.

Keywords: antiquity, ethnos, Adyghe etiquette, civil institutes, policy, community, social dynamics, civilization.

История формирования элементов гражданского общества, его основных социокультурных аспектов развития уходит корнями в античную цивилизацию. Самые первые социально-политические детерминанты постепенно складывающегося гражданского общества, определяющие все стороны жизни, основные черты государственности, появились в Древней Греции, а затем в цивилизационной системе Древнего Рима сложились такие формы социально-правовой организации, которые отличались от всех общественных моделей развития государств того времени. Одним из них был и совершенно новый тип города. В древнегреческом языке название социально-политического устройства, представлявшего собой отдельный «атом» античного мира, звучит как «полис», и многие исследователи этого феномена переводят его значение как «город-государство».

Прежде всего полис – это не мощные оборонительные стены, не базарная площадь, не земледельческая культура и не вся городская администрация. Полис – это гражданский коллектив, община, спаянная общей гражданской культурой, правовым сознанием, город с триединством государства, городской инфраструктуры и общины. Полис породил такое социально-бытийное измерение человека, личности, как гражданский статус. Гражданский статус как явление – одно из высочайших достижений античной цивилизации, повторенное лишь западноевропейским обществом Нового времени. Но повторилась ли схема или парадигма протогражданского античного общества в других социокультурных пространствах?

Здесь следует обратить внимание на то, что в этой небольшой статье мы не ставим перед собой цель – дать исчерпывающую социально-философскую или культурологическую интерпретацию вопроса генезиса политико-правовой культуры античной цивилизации. Приводимый нами краткий экскурс в историю культуры и права, на наш взгляд, необходим для сравнительного анализа и исторических параллелей в контексте исследуемой проблемы. Круг предположений о том, что в традиционном социуме адыгов были объективные условия и факторы, способствующие становлению гражданско-правовой идеологии, элементов гражданской культуры, был бы неполным или всего лишь набором спекулятивных измышлений, если бы мы не строили их на конкретных примерах из политической, правовой, культурной жизни этого этноса.

Для подкрепления доказательной базы наших основных идей мы используем небольшой сопоставительный материал по правовой культуре древнегреческого общества и традиционного права адыгов, что, на наш взгляд, позволит более обстоятельно эксплицировать наши выводы в тезисной форме.

Итак, выше было обозначено, что важнейшая сторона античной государственности — это общинная и полисная жизнь. В другом античном государстве — древнем Риме — обществом называлось объединение граждан, гражданско-коллективный образ жизни. Примечательно, что сам термин «цивилизация» в переводе с латыни означает «гражданский, общественный». Классическая семантика этого понятия продержалась до сих пор в философско-культурологических науках: быть цивилизованным, в статусе цивитас, значит жить в рамках права, гражданско-патриотической, классовой культуры города, обладать высоким уровнем правового и гражданского сознания.

Каковы были достижения античного мира в плане свободы людей в частной жизни и в обществе с ярко выраженными формами институционализации, как адыгский социум? Без сомнения, одним из культурно-цивилизационных очагов пассионарного толчка в Греции конца архаического периода был город-государство Милет, где в VI в до н.э. зародились первая в истории человечества автономная философская мысль и протонаучные натурфилософские системы. Наличие досуга, свободы, которая не ограничивается или не уничтожается жесткой регламентацией поведения индивида в рамках сообщества своих граждан — вот важнейшие социальные стимулы появления и развития творчески активного меньшиства в античном полисе. Греческие полисы также не исключали свободу горизонтальной мобильности гражданина, который мог беспрепятственно перемещаться из одной культурной среды в другую, включаясь в новые интеллектуальные сообщества, в новые культурные реальности. Она и способствовала во многом быстрому разрушению культурной замкнутости полисов, позволяя им осуществлять многостороннюю социальную и ментальную диффузию. Результатом культурной коэволюции и непрекращающейся политической агональности стал и существенный цивилизационный скачок, затронувший практически все области общественно-политической жизни этого государства.

Обратимся теперь к особенностям развития правовой культуры и свободы личности в адыгском обществе. Если перевести акцент рассуждений на проблему рассмотрения наличия в традиционном социуме адыгов элементов правовой культуры, присущей формирующемуся гражданскому обществу, то следует обратить внимание на следующие обстоятельства и факты.

Во-первых, в адыгском традиционном социуме имеют место специфические проявления гражданско-правовой культуры, пронизывающей весь быт, социальную структуру, феодальную организацию общества, а также традиционные общественные институты, призванные как на индивидуальном, так и на коллективном уровне регулировать общественные отношения. В качестве ярких примеров, подтверждающих объективность вышеизложенной мысли, могут служить такие институты, как высший законодательный и совещательный орган Хасэ, институт верховного князя Кабарды (уэлий, валий, пщышхуэ), судебные органы Хеижэ и мехкеме (двухпалатный орган).

Во-вторых, не менее важную роль в становлении не только правовой культуры, но и в функционировании внутренней стабильности адыгской картины мира, ее различных подсистем играли такие традиционные институты, как куначество, аталычество, гостеприимство, которые к тому же обладали функциональной нагрузкой по социализации и инкультурации подрастающего поколения. В частности, вопросы, касаемые войны и мира, изменения законодательных норм решались на общекабардинском Хасэ.

Окончательное решение по тому или иному вопросу принималось большинством голосов присутствующих, и возглавлявший Хасэ председатель (уэлий) обладал равным с остальными членами правом, ничем не выделяясь из них. Он созывал Хасэ и руководил процессом заседания, но не влиял на выносимое решение. Этот момент указывает на высокий уровень развития правотворческой деятельности этого органа. Решения по тем или иным вопросам принимались всеми князьями, и, что весьма любопытно, начиная с 1767 года, после крупного восстания крестьян на Хасэ стали приглашать так называемых

«черных старшин» – представителей крестьянства, то есть окончательное решение принималось уже после обсуждения с данной палатой.

Несмотря на то, что окончательное решение вопросов и проблем не принималось представителями крестьянства, все это не может не свидетельствовать о высокой степени политико-правовой культуры адыгского общества. Подобный уравнительный подход можно обнаружить и в общественно-политической жизни древнегреческого государства. Они в основном затрагивали экономическую сторону греческих полисов и во многом исключали как социально-правовое, так и экономическое неравенство. Установка на экономическое равенство стало в Греции господствующей общественной нормой к концу архаического периода, и она порождала психологию, ориентированную на умеренность, усредненность, средний уровень жизни. Этот принцип был точно сформулирован в изречении афинского мудреца Солона: «ничего сверх меры». Это выражение было начертано над входом одного из самых главных святилищ Эллады — в храме Аполлона, располагавшемся в Дельфах. Институты гражданской общины всячески сглаживали имущественное расслоение: богатые сограждане облагались специальными почетными повинностями в пользу неимущей части общества. За собственный счет богатые граждане Греции снаряжали военные и торговые корабли, устраивали праздники, игры, готовили театральные труппы и постановки. Даже отправление выборных государственных должностей античными гражданами рассматривалось как вид почетных обязанностей перед обществом.

Как и в адыгском законодательном органе Хасэ, в древнегреческом государстве исключались какието формы сосредоточения, концентрации власти в руках узкого круга лиц. Здесь народное собрание было важнейшим органом с широкими полномочиями. На нем принимались государственные законы, утверждались результаты договора с другими государствами, осуществлялся тщательный контроль за юношами, готовящимися получить гражданские права. Каждый афинский гражданин имел право внести на обсуждение проект закона, и для того, чтобы привлечь к работе народного собрания низшие слои афинского полиса, был даже принят закон, который устанавливал плату за посещение народного собрания.

Решения на Хасэ принимались только при обязательном присутствии всех князей и дворян. Из этого видно, что голос каждого при принятии решении был важен и необходим. Это был своеобразный кворум, который отражает развитость гражданско-правовых отношений в традиционном социуме. Данный вопрос был освещен в таких работах Кажарова В.Х., как, например, «Адыгэ Хасэ», «Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис во второй половине XVIII—первой половине XIX вв.».

О развитости правовой культуры адыгов писали также и европейские авторы, побывавшие на Кавказе. Описывая судебную систему адыгского этноса, они отмечали, что виновность лица, совершившего преступление, в отличие от судебной системы европейских феодальных стран, определялась только после того, как были исследованы все обстоятельства правонарушения. Виновный имел право на защиту (в феодальных странах Европы решение принималось единолично сюзереном), пригласить свидетелей. Такая возможность была дана в России крестьянам судебным уставом Александра II в 1864 году.

В-третьих, уникальным явлением правовой культуры адыгов было формирование правосознания индивида уже с ранних лет. Так, в частности, дети, взятые на аталыческое воспитание, отправлялись вместе со своим воспитателем (быфыкъуэ-адэ) в наездничество, набеги. В полевых условиях проводились в игровой форме интеллектуальные состязания между группами детей на знание права, этикета. Очень интересным фактом в этом ключе является то, что уже принятое какое-то судебное решение предлагалось на рассмотрение соревнующимся воспитанникам. Они при этом не знали содержание принятого решения и должны были сами дать оценку данного вопроса.

Таким образом, опыт небольшого сравнительно-исторического анализа гражданско-правовых норм греческой общины, полиса, государства и правовой культуры адыгского традиционного социума показывает, что в них преобладали инвариантные культурные ценности, которые в степени и способах воздействия на формирование общей гражданско-политической идентичности были во многом схожи. Подходя к содержанию и функциональным особенностям некоторых институтов традиционной общественной системы адыгов с историко-философской, ценностно-психологической точки зрения, сложно отрицать, что они не представляли собой организационное единство права, гражданских норм поведения, этикета и сложной этнокультурной картины мира. Смысловой синтез права, морали и этикета здесь явно выражен, и поэтому их монофункциональная направленность продуцирует стабильность и гражданскую интеграцию, а их взаимосвязь отчетливо указывает еще и непреодоление синкретической и диффузивной нормативности, характерной для архаических обществ, рационализации социально-правовых связей через высокие этические принципы и регулятивы.

- 1. Адыгская (Черкесская) энциклопедия / под ред. М.А. Кумахова. М.: Фонд им Б.Х. Акбашева, 2006. 1248 с.
- 2. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / сост., ред. переводов, введ. и вступ. ст. к текстам В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. 636 с.
- 3. Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 гг.: в двух томах / пер. с англ. К.А. Мальбахова. Нальчик: Эль-Фа, 2007. Т. 1. 408 с.; Т. 2. 328 с.
- 4. Бларамберг И.Ф. Кавказская рукопись. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1992. 240 с.
- 5. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М.: Типография С. Селиванского, 1823. 466 с.
- 6. Грабовский Н.Ф. Очерк суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. 1870. Вып. 4. Отд. 1. С. 1–78.
 - 7. Гегель. Философия права. М.: Мысль, 1994. 524 с.
- 8. Дубровин Н. Черкесы (адыге) // Документы и материалы по истории адыгов. Нальчик, 1991. Т. 1. С. 13-249.
 - 9. Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 96 с.
- 10. Мирзоев А.С. (Марзей). Черкесское наездничество «ЗекІуэ» (Из истории военного быта черкесов в XVIII—первой половине XIX в.). М., 2004. 30 с.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Исаков И.Н.

yur.kbgu@yandex.ru

В статье рассматривается эволюция правовых организаций российских регионов. Показан сложный процесс становления правовых образований в российском государстве, имевший специфический характер. Подвергнуты анализу имевшие место перекосы в период формирования современных правовых систем субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: эволюция, правовая организация, регионы, правовое развитие региона, региональное право, правовая культура, юридическая практика.

THE EVOLUTION OF LEGAL INSTITUTIONS IN THE RUSSIAN REGIONS

Isakov I.N.

The article considers the evolution of legal institutions in the Russian regions. Shows the complex process of formation of legal entities in the Russian state, which had a specific character. Analyzed the formation of a modern legal systems of subjects of the Russian Federation.

Keywords: evolution, legal organization, regions, legal development of the region, regional law, legal culture, legal practice.

Российская правовая наука большое внимание уделяет изучению взаимоотношений между федеральным центром и регионами, в частности, эволюции формирования и развития региональных правовых организаций (систем).

В этом аспекте юридическая литература характеризует правовую систему как сложную социальную организацию. Её ведущими компонентами являются: право (законодательство) и его официальные источники; юридическая практика; деятельность юрисдикционных институтов; основополагающие духовные правовые ценности, выраженные в правовых и идеологических теориях, специфике правовой культуры [1].

Такое понимание правовой системы вполне резонно вызывает ряд вопросов, касающихся российской практики создания правовых систем субъектов РФ. Являются ли субъекты Российской Федерации правовыми организациями? Какова степень их самостоятельности, включая их юридические институты? Имеют ли они необходимые признаки правовой системы?

Отвечая на поставленные вопросы, подчеркнём, что существовавшая в советский период общенародная собственность, разделённая на два вида (государственная и колхозно-кооперативная), и советский тип государственного устройства не предполагали создания самостоятельных и полновесных правовых образований на региональном уровне, за исключением союзных республик. Так, после создания в начале 20-х годов истекшего столетия союзного государства в союзных республиках радикально изменилась правовая система. В частности, формировалось социалистическое законодательство, а с середины 30-х годов – и социалистическая законность. Впервые в союзных республиках осуществлялись работы по кодификации законодательства. Были приняты гражданский, уголовный, земельный, семейный, исправительнотрудовой, уголовно-процессуальный, гражданско-процессуальный и др. кодексы. Наряду с этим издавались многочисленные декреты, положения, постановления и другие подзаконные акты по различным сферам права. Что касается краёв и областей, то в правовом отношении они были территориальными административными единицами. Они не имели своего законодательства, в котором отражалась бы региональная специфика. Автономные республики также не имели своего республиканского законодательства, но имели свои Конституции и в рамках автономии выстраивали свои отношения с союзными органами власти.

Конституция РФ в 1993 году придала статус субъекта Российской Федерации ещё недавно бывшим территориальным административным единицам. Однако многие правоведы полагают, что такой шаг не был оправдан ни юридически, ни политически, ни экономически. Так, с правовой точки зрения, самостоятельные правовые системы могут иметь только суверенные государства, в то время как субъекты Российской Федерации, включая республики, такого статуса не имеют. К тому же субъекты федерации не наделены полным набором признаков правовой системы. Например, край или область, согласно Конституции РФ (ст. 76 п. 2), по предметам совместного ведения с Российской Федерацией вправе принимать собственные законы. Более того, такие субъекты осуществляют собственное правовое регулирование, принимают собственные законы. Однако при возникновении противоречия между федеральным законом и законами этих субъектов федерации действует закон Российской Федерации. В этом заключалась радикальная новизна конституционно-правовой доктрины правовых систем субъектов РФ.

Между тем как источник права законы субъектов федерации должны создавать *самостоятельное* качество правового регулирования, структурировать правовое пространство, требовать выхода на новый уровень организации правотворческой и правоприменительной деятельности. Такое качество можно получить лишь в рамках целостной правовой системы. Речь идёт о такой правовой организации общества, которая для осуществления законотворческой деятельности имела бы свою собственную правовую и идеологическую инфраструктуру. Без самостоятельных источников правовой культуры региональное правотворчество превращается в пустую формальность.

В связи с этим представляется важным отметить, что в период своего становления правовая организация субъектов Российской Федерации по объективным причинам не могла в короткие сроки приобрести качества системной юридической организации, способной полномасштабно осуществлять законодательное регулирование. При позитивной тенденции в целом вполне естественно, что имели место неэффективность законодательного регулирования, слабость законодательной техники, низкая концептуальная обоснованность законопроектов и др.

Между тем одной из важных задач федеративного государства является формирование вполне легитимного, качественного законодательства в своих регионах. Однако практика российского федерализма показывает, что эволюция её территориальных правовых образований происходила чрезмерно специфично. В этом аспекте обратим внимание на то, что принимаемые в различных субъектах Российской Федерации законодательные акты при удивительной схожести их названий, содержания и предметов регулирования качественно отличались друг от друга. Так, в конце 1990-х годов существенных различий между законодательствами регионов фактически не было. В то же время имели место системные противоречия законодательства субъектов РФ федеральному законодательству. Объясняется это тем, что процесс федерализации проходил в стремительном темпе. Никакой концептуальной обоснованности этих процессов не было. Не было и программы развития территорий. Что касается наделения субъектов РФ суверенитетом, то руководство страны допускало шараханье из стороны в сторону: от «берите суверенитета сколько проглотите» до полного многолетнего молчания.

В этом контексте некоторые авторы признают конструкцию правовых систем субъектов Российской Федерации условной. По их мнению, условность заключается в том, что такие системы реально не включают в себя всех необходимых признаков. Поэтому используются лишь некоторые элементы национальной юридической практики при полном совпадении основных элементов правовой культуры региона с общегосударственной правовой культурой [2].

Как нам представляется, подобного рода понятия можно было бы использовать в тот период, когда намечались тенденции дезинтеграции российской правовой системы и, соответственно, автономизации системы норм права, закреплённых в нормативных правовых актах субъектов РФ. Речь идёт о периоде, начало которому положил федеративный договор по предметам совместного ведения между Российской Федерацией и её субъектами. Именно в тот период предпринимались попытки придать законность складывающейся новой правовой реальности, касающейся взаимодействия правовой системы РФ с автономизированными элементами системы норм права субъектов РФ через подписание договоров с субъектами федерации о разграничении соответствующих полномочий. Этим создавались возможности легализации системы правовых норм, принимаемых в субъектах Российской Федерации. Как отмечает М.В. Баглай, «Конституция не возбраняет заключение таких договоров, но без нарушения установленных ею предметов ведения для Федерации и регионов». «Поскольку договоры подписывались от имени Федерации главой государства без ратификации Федеральным Собранием, получалось, что Президент вправе единолично «подправлять» Конституцию. Помимо этих договоров, которыми было охвачено более половины субъектов РФ, заключались ещё соглашения между органами исполнительной власти о взаимной передаче полномочий – число их составило около 200, и они тоже зачастую оказывались конституционно "небезгрешными"» [3]. В данном случае, - отмечает далее М.В. Баглай, - имел место своеобразный и не во всём оправданный подход к определению разграничения предметов совместного ведения, когда нижестоящие нормативные акты, какими являлись рассматриваемые договоры, фактически произвольно перераспределяли конституционные предметы ведения без какого бы то ни было участия Парламента. Закреплялось неравенство между субъектами РФ, а следовательно, и между гражданами разных регионов [3]. Вносимый таким образом в российскую правовую систему хаос способствовал разделению правовых систем субъектов $P\Phi$ на замкнутые, не сообщающиеся правовые системы. Последующая практика подтвердила, что совместное ведение, установленное Конституцией $P\Phi$, не во всём себя оправдало.

В рассматриваемый период во многих регионах принимались нужные и полезные нормативные правовые акты, но в виде «опережающего» правового регулирования. Это стало характерной особенностью периода эволюционного становления правовых систем субъектов РФ. В то же время этот период можно назвать периодом «детской болезни вызревания» правовых систем Российской Федерации. Как отмечает Ф.М. Казанцев, на начальном этапе формирования регионального законодательства не удалось избежать ряда ошибок: не было системности в формировании регионального законодательства, его согласованности с федеральным законодательством; допускалось обширное дублирование федерального законодательства, что вело к загромождению законодательного массива; не был должным образом проработан законодательный процесс в регионах; имели место противоречивость региональных законов и низкий уровень законодательной техники [4]. Одним словом, шёл медленный, в чём-то болезненный и не всеми позитивно воспринимаемый эволюционный переход от автономных систем правовых норм к некоему подобию региональных правовых организаций. Такой процесс имеет место и в настоящее время. Следовательно, его нельзя считать завершенным.

Характеризуя более подробно указанные процессы, можно отметить, что, не имея цели тормозить эволюцию правовых организаций в регионах, федеральный центр своими действиями непроизвольно сдерживал и без того скудные элементы правовой автономности субъектов Российской Федерации. Так, Министерство юстиции и Прокуратура в благих целях выявляли существовавшие противоречия в действовавшем законодательстве субъектов РФ. Необходимость и важность подобных действий не оспаривается и ни у кого не вызывала сомнений. Поэтому, когда к 2006 году этот процесс был фактически завершён, то всей политической элитой и научной общественностью он воспринимался всецело позитивно. Однако с другой стороны, как показала практика, Министерство юстиции и Прокуратура невольно толкали региональных законодателей на свёртывание элементов автономий правовых норм (систем). Кроме того, фактически одновременно формировался и стал действовать федеральный механизм контроля за законотворческой деятельностью субъектов РФ. Так, был создан федеральный регистр нормативных правовых актов субъектов РФ, а также сформированы структуры полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах. В этот же период активизировал свою деятельность Конституционный Суд по вопросам проверки соответствия законодательства субъектов РФ Конституции и федеральному законодательству.

Как видим, целенаправленно создавался административный механизм контроля и воздействия на органы власти субъектов РФ. О его последствиях в тот период мало кто задумывался. Тем не менее предпринимаемые меры носили масштабный характер и способствовали быстрой унификации правовых систем субъектов РФ. При этом из-за отсутствия законодательного регулирования многих видов общественных отношений, как уже отмечалось, имели место существенные деформации и однобокость в правовых сферах субъектов Российской Федерации. Поэтому и возникла идея «опережающего» регулирования общественных отношений по предметам совместного ведения законодательством субъектов РФ до момента их последующего регулирования федеральным законодательством. Характерно, что подобные меры, способствуя устранению пробелов в региональном и федеральном законодательствах, неизбежно, с одной стороны, нарушали целостность российского законодательства, а с другой – формировали правовые конструкции, которые существовали в правовых нормах лишь отдельных субъектов Российской Федерации. К сожалению, отсутствие комплектности и системности в региональном законодательстве только усиливало степень его правовой деформации. Казалось бы, естественному процессу становления и упорядочения правовых образований субъектов РФ должно было способствовать расширение объектов правового регулирования на региональном уровне, а также постепенное складывание системы автономных правовых норм субъектов РФ. Однако на практике такая «автономия» создавала лишь иллюзию некоторой самостоятельности, но не способствовала в должной мере достижению целей формирования региональных правовых систем. Как показывает практика, с уменьшением числа неурегулированных общественных отношений и, соответственно, уменьшением числа пробелов в праве снижался объём «опережающего» правотворчества, а вместе с ним растворялась надежда на формирование региональных правовых образований. Как это ни парадоксально, но у субъектов РФ оставалось всё меньше и меньше возможностей не только самостоятельно определять свои подходы к регулированию отношений, касающихся предметов совместного ведения, но и определять специфические подходы к правовому регулированию общественных отношений регионального масштаба. Более того, все эти процессы сопровождались системной и целенаправленной унификацией региональных правовых систем,

что не могло не тормозить их развитие в качестве самостоятельных правовых образований. Так, в период с 2004 по 2005 годы в большинстве субъектов РФ практически было завершено принятие законодательных актов по всем основным предметам правового регулирования. Как позитивный момент — это предельно сократило число неурегулированных общественных отношений.

В то же время во всех субъектах федерации число вновь принятых законов стало быстро сокращаться. По нашим подсчётам, соотношение между вновь принятыми законами и законами о внесении изменений в действующие акты субъектов $P\Phi$ достигло 50 %. При этом важно отметить, что подобного рода процессы происходили на общем фоне уменьшения специфичности правовых образований регионов при одновременном увеличении заимствований отдельных нормативных конструкций из законодательств других субъектов $P\Phi$.

Характерно, что с принятием жилищного, водного, лесного, градостроительного федерального законодательства большинство субъектов РФ (66 %) заимствовали друг у друга правовые конструкции при подготовке соответствующих законодательных актов. Массовая рецепция, с одной стороны, значительно сокращала сроки принятия своих собственных нормативных правовых актов, а с другой – снижала степень существующих особенностей регионов. При этом не повышался профессиональный уровень региональных законодательных органов и, соответственно, не повышалось качество регионального законодательства.

В этом контексте можно подчеркнуть, что в условиях невысокого качества регионального законодательства развивалась его бланкетизация. Как нам представляется, она не только не способствовала целенаправленному процессу формирования правовых систем субъектов Российской Федерации, но даже существенно его тормозила. Речь в данном случае идёт о том, что в бланкетных актах содержались либо указания на нормы федерального законодательства, в соответствии с которыми, собственно, и должны действовать региональные законодательные акты, либо имели место прямые заимствования текста федерального закона. Если в первом случае можно говорить о возможности укрепления целостности общефедеральной правовой системы, то во втором — о недопустимости и вредности заимствований для становления правовых образований субъектов Российской Федерации.

Достаточно серьёзным препятствием на пути формирования региональных правовых систем являлось и то, что принимаемые в субъектах $P\Phi$ правовые нормы в большинстве случаев не могли быть реализованы без наличия норм федерального законодательства. Это и по настоящее время делает многие региональные правовые сферы зависимыми от федерального центра. К сожалению, такая зависимость во многом исходит из Конституции $P\Phi$, которая прямо определила компетенции субъектов Российской Федерации.

В целом период «адаптации» региональных правовых систем к общефедеральной закончился к концу нулевых годов, к сожалению, с существенными перекосами. К наиболее серьёзному из них следует отнести то, что субъектам РФ предписывалось в обязательном порядке принимать соответствующие нормативные правовые акты в сфере совместного ведения Российской Федерации и её субъектов. Такая практика приобрела системный характер. Её активно стимулировали органы прокуратуры, которым было поручено выявлять факты отсутствия обязательных нормативных правовых актов в субъектах РФ, предназначенных регулировать предметы совместного ведения. Всё это давало повод для пессимистичной оценки перспектив формирования правовых систем субъектов РФ. Так, О.П. Личичан отмечает, что сегодня «мы имеем дело со стратегической государственной политикой, направленной на создание единого комплексного направления в развитии регионального элемента правовой системы РФ. ...Конструирование и развитие элемента правовой системы РФ прекращает быть исключительно вопросом нормотворческой деятельности органов государственной власти субъектов РФ и превращается в элемент федеральной правовой политики» [2]. На наш взгляд, суждения О.П. Личичан достаточно категоричны, а выводы преждевременны. Утрата субъектами Российской Федерации «регионального элемента» в виде существовавших: правовой автономии принимать или воздерживаться от принятия соответствующих правовых актов; чрезмерной унификации региональных правовых организаций; наличия прокурорского реагирования и проверок Конституционного Суда; жёсткого контроля федерального центра на предмет соответствия законодательства субъектов РФ федеральному законодательству; наличия полномочия требовать от субъектов РФ реализации законодательных полномочий, предоставленных им федеральным законодательством и др. «козней сверху», - ещё не есть повод для суждений о том, что на целенаправленном формировании региональных правовых систем следует поставить «большой крест». Речь в данном случае целесообразно вести о существенных перекосах в правовой политике федерального центра по отношению к субъектам Российской Федерации и их правовым организациям. Видимо, процесс их становления принял неоправданно затяжной характер. Между тем конечная (стратегическая) цель либеральной правовой политики обозначена достаточно ясно – развивать правовую идентичность в каждом регионе. Что же касается проводимого на ранних этапах становления правовых систем субъектов Российской Федерации жёсткого контроля со стороны федерального центра, то его можно рассматривать как необходимое лекарство для лечения и выздоровления какого-либо органа (в данном случае — региональных правовых организаций), хотя подобные решения и действия не всегда «вписывались» в теорию либеральных ценностей.

В этом аспекте российское государство представляется уникальным. Так, при действующей Конституции РФ, имеющей ярко выраженную либеральную направленность, в ряде случаев лица, занимающие государственные должности, принимали решения, не соответствующие её либеральному духу. Видимо, правовая жизнь гораздо богаче подобного рода теорий.

Анализ развития общефедеральной правовой системы и правовых систем регионов, на первый взгляд, показывает, что произошла постепенная унификация правовых систем регионов вопреки существующей конституционно-правовой доктрине, именуемой «правовая система субъекта $P\Phi$ ». Однако, на наш взгляд, делать такой вывод преждевременно. Тем более нельзя считать процесс унификации правовых систем $P\Phi$ «естественным» и «завершённым». Сюда больше подходит термин «исходя из современных политико-правовых реалий».

Углубляясь в дальнейшее исследование, подчеркнём, что законодательство субъектов РФ может приобрести социальную направленность в том случае, если произошли его качественные изменения, улучшился правопорядок, повысилась защищённость и безопасность граждан, обеспечиваются их права и свободы. Но достичь этого сложно, если федеральным центром не создаются условия для формирования самостоятельных правовых систем субъектов федерации. Стало быть, речь идёт об эволюционном становлении правовых организаций в российских регионах. По нашему представлению, такой вывод вполне логичен. Имеющие место определённые сомнения касаются его соответствия действующей Конституции РФ, а также последствий ослабления федеральных связей. Как известно, развитие регионального законодательства немыслимо без организационного (институционального) и идеологического обеспечения. Но такой путь чреват своей центробежностью. Как показывает практика, в определённых условиях он может стать источником дезинтеграции российской правовой системы. В этом аспекте, естественно, встаёт вопрос о возможностях и перспективах построения правовой системы в пределах отдельно взятого субъекта России при сохранении и в рамках юридического значения понятия «правовая система».

На наш взгляд, эволюция правовой государственности должна происходить именно через территориально-национальное развитие исторически сложившихся элементов федерации. В то же время, если имеет место правовое несовершенство территорий, то оно не в меньшей степени, чем экономическое и социальное, может служить источником ослабления государственности, включая её политическую систему. Напомним, что в 1990-е годы основой российской государственности стали правовые структуры как самого центра, так и получившие статус государственных национальные и национально-территориальные правовые общности. Как показала практика, подобная асимметрия российского правопорядка способствовала неустойчивости федеральной правовой системы и стихийному становлению элементов правовой организации субъектов РФ. Однако в силу сложности федеративного устройства российская правовая система не может состоять из полуаморфных национально-государственных юридических структур. Российское федеративное государство должно иметь прочный правовой фундамент. Его правопорядок не может целиком и полностью зависеть от центральной политической элиты. В этом смысле Россия имеет печальный опыт многочисленных конфликтов и противоречий между правовой системой центра и складывающимися региональными правовыми образованиями. В результате Россия оказалась на грани распада. Как отмечают В.Н. Синюков и Т.В. Синюкова, «история свидетельствует, что реальные угрозы единству российской государственности исходили, как правило, либо из Москвы – цитадели и ретранслятора идейных расколов, отчуждённых культурных влияний и неоправданного политического экспериментаторства, либо от сепаратистски настроенной националистической элиты регионов» [1]. И далее – «при отсутствии государственной суверенности территориальные субъекты Российской Федерации - края и области - должны обладать достаточно широкими полномочиями в сфере законотворчества, создания собственных региональных, учитывающих местные условия и традиции, субъектов права. ...Это придаст всей федеральной правовой системе необходимую региональную устойчивость» [5].

Подвергая анализу теоретические основы региональной правовой системы, обратимся к историческим фактам. Так, правовая система Российской Империи формировалась при отсутствии федерализма. Однако власти широко использовали практику «автономного правового регулирования». Так, практически все национальные образования (Царство Польское, Прибалтика, Финляндия, Бессарабия), а также некоторые регионы (Сибирь, Дальний Восток, Север) принимали свои законодательные акты. Как отмечает С.В. Кодан, в XIX веке правовая жизнь России осуществлялась на уровне общеимперского и регионального законодательства. Последнее опиралось на обычное право, признаваемое государством в каче-

стве источника норм права. Так, народы Кавказа, периодически подвергаясь внешним захватам, самоотверженно защищали и развивали свою самобытность, оставаясь при этом нравственно непобеждёнными. Как отмечает Д.Ю. Шапсугов, созданное народами Кавказа право пережило все соционормативные системы, навязывавшиеся им временно покорившими их империями [6]. Высокий уровень цивилизованности, сложившийся в кавказских сообществах, позволял им активно участвовать в управлении своими общностями, разработке важных правовых документов. Например, в 1773 году, т.е. ещё до принятия первых революционных демократических актов в Европе, Ш. Шамирян разработал обычный правовой кодекс армян России, а также проект конституции армян России. О высоком уровне развития государственности могут свидетельствовать нормативные акты Азербайджана, Армении, Грузии.

К сожалению, эволюционные процессы развития правовых организаций и правовой государственности на Кавказе мало исследованы. В частности, Б.Х. Бгажноков проанализировал общие и особенные черты адыгской цивилизации и пришёл к выводу о высоком уровне её политико-правовой компоненты. Им удачно показана преемственность развития духовно-нравственных ценностей, их воспроизводство, реализация в правовых отношениях, а также эволюция во внутренний гармоничный комплекс жизнедеятельности адыгских общин. Как свидетельствует автор, в регионе не было брошенных детей, забытых стариков, бесконтрольной власти. Характерно, что принцип справедливости реализовывался в условиях общинной и частной собственности вполне рационально, в частности, как обязанность возмещения причинённого общине или индивиду вреда. Обычай гостеприимства служил подтверждением приоритета мирных форм внутринародной жизни и международного общения. Адыги не стремились захватывать чужие земли, создавать империи. У них не было имперских форм организации власти. Они создавали и развивали свою систему власти и нормативного регулирования общественных отношений. Нравственно адыги не были ниже, чем их завоеватели, поэтому они не растворялись в них, а стремились сформировать свою собственную правовую культуру, являющуюся источником обычного права.

Между тем анализ существующих подходов к пониманию и определению понятия «правовая организация региона» показывает их методологическую ущербность. В частности, единичное и особенное данного феномена рассматриваются вне связи со всеобщим. Как известно, всеобщее не может быть определением особенного и единичного, как и единичное не может быть всеобщем или особенным. Определение всеобщего логически неизбежно связано с определениями особенного и единичного. Иной подход, как правило, удаляет исследователя от истины.

В то же время сугубо рационалистический или логический подходы не дают полного понимания исследуемого феномена. Однако на их основе могут вычленяться ключевые признаки данного явления, составляться относительно полные представления о его предмете. Если конкретизировать, то в качестве единичного могут выступать правовые организации отдельных социальных общностей. В качестве особенного рассматриваются правовые организации отдельных регионов. В качестве всеобщего могут восприниматься сущностные характеристики единичного и особенного реально существующей правовой организации общества и государства.

Иными словами, можно сказать, что определение всеобщего лишь тогда самостоятельно, когда оно вбирает в себя особенное и единичное. Безусловно, можно пользоваться и абстрактными определениями правовых организаций регионов. Но это всего лишь абстракция. Думается, что в связи с этим было бы целесообразно провести анализ данной проблематики применительно к каждому народу и социальным общностям Северного Кавказа. Однако для большинства народов этого региона и его социальных общностей такая проблема даже не поставлена как предмет исследования.

Характерной чертой эволюции правовых организаций российских регионов являлось формирование устойчивой культуры выживания конкретных народов как способности сохранить свою целостность и самобытность в условиях отсутствия собственного политического устройства, за счёт сохранения своей обычно-правовой специфики. Так, в Дагестане в течение столетий, в том числе в труднодоступных местах, распространялись христианство, ислам, «лезгинские рукописи» и др., что способствовало развитию и функционированию обычного права [7]. Как показывают исследования, в Дагестане существовали социально-политические организации. Среди них выделялись княжества, «республики» как разновидность «номовых» государств и другие достаточно крупные территориальные образования, имевшие свои правовые образования. Так, «горские государства» не обходились без норм обычного права и писаных «законов» (христианских, иудейских и др.). К юридическим документам можно отнести такие характерные письменные источники, как договоры, соглашения, постановления горских общин, послания горских князей, религиозных вождей и др.

В определённые периоды дагестанцы находились под сильным влиянием могущественных иноземных держав, имевших, как правило, развитую для своего времени правовую культуру. Однако в большинстве случаев она отрицала обычное право.

В связи с этим можно отметить, что первый имам Дагестана и Чечни Газимухаммад также был непримиримым борцом против «мерзкого обычного права». Ярыми врагами обычного права – адатов – были и последующие имамы. Так, в 1833 г. имам Хамзат побуждал население к принятию шариата. Нельзя не отметить и то, что к обычному праву негативно относилась подавляющая масса простого народа. Она видела в нём привилегии местной знати, а также рассматривала адаты как «зловредное средство» разжигания распрей в местной среде. Как отмечают некоторые авторы, после окончания Кавказской войны в результате внедрения царскими властями на Кавказе обычного права умножились воровство, убийства, увод женщин [8]. Одним из результатов стремления России возродить в Кавказском регионе обычное право стала общая деморализация населения. Так, известный учёный М.М. Ковалевский в 1890 г. писал, что точное применение правил народного адата, т.е. обычного права, стало откровенным препятствием к поддержанию внутреннего порядка и спокойствия в едва замиренном русскими Кавказском крае [9]. Благодаря обстоятельным трудам российских учёных (А.В. Комаров, Ф.И. Леонтович, М.М. Ковалевский) получено некоторое представление о роли обычного права в становлении правовых организаций и правовой государственности в кавказском регионе России и последующей их эволюции. Так, существовало понятие ответственности каждого члена горской общины.

Местное обычное право имело несколько источников влияния: власть территориальной общины; власть равных между собой по статусу; власть социально-политических институтов; власть князя-правителя, под чьим наследственным управлением находилась какая-либо горская волость; божественные власти, изложенные в тексте Корана. Наиболее развитым было государственное и уголовное право. Законотворцы знали правовые нормы разных народов, особенно арабов, и творчески их использовали в своей деятельности [10].

Приведём примеры из других регионов России. Так, родовые органы коренных народов Сибири и Севера самостоятельно рассматривали юридические дела, кроме наиболее тяжких уголовных преступлений и гражданских дел, по которым не было достигнуто приемлемых решений на уровне родового органа. При этом государство выступало инициатором кодификации обычного права местного населения с учётом «степных законов». Подобная практика способствовала интеграции обычно-правового регулирования с законодательной системой России [5].

Опираясь на этнографические исследования, проведённые в ряде регионов Поволжья, А.Н. Минх по этому поводу отмечал, что в некоторых российских регионах существует «значительный пласт правовой культуры, выполняющий роль корневой системы для массового правосознания и правового поведения» [11]. Подобного рода исследования представляются весьма интересными.

В первую очередь напрашивается вывод о том, что в целях правовой и социальной сбалансированности федеральной правовой системы необходимо стимулировать развитие регионального права, в том числе его компонента — обычного права. Кроме того, подтверждается, что важнейшим источником российского законодательства было не только национальное, но и обычное право, которому придавался официальный статус. Так, в Свод Законов Российской Империи прямо включались сибирские, прибалтийские, польские и другие региональные законодательные акты. Характерно, что при отправлении правосудия волостные суды главным образом руководствовались обычным правом, ибо законодательство Империи предусматривало прямое применение норм и регионального (национального), и обычного права.

Представляется, что такая практика есть ни что иное, как юридический механизм реализации законотворческих полномочий центра и регионов. Как оказалось, официальное включение в федеральное право региональных актов в целом благоприятно воздействует на общенациональную правовую систему. Однако при формировании регионального, в том числе национального права следует избегать его дискриминации в пользу общенационального и международного права. Закрепление на конституционном уровне положения о том, что международные договоры России имеют преимущественную юридическую силу по сравнению с нормами международного права, а общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью российской правовой системы (п. 4 ст. 15), по нашему представлению, несёт в себе элементы дискриминации регионального (национального) права. В данном случае российское региональное законодательство не имеет аналогичного статуса. Как отмечают В.Н. Синюков и Т.В. Синюкова, это «свидетельствует об опасном правовом вакууме в территориальном срезе российского права, о нежелательной асимметричности правовой системы России, «верхушечности» её правового прогресса» [1]. К сожалению, существующие ныне, с одной стороны, строгая централизация правового регулирования, унификация федерального законодательства, а с другой – предпринимаемые попытки стимулирования национально-государственных форм правотворчества всё ещё слабо воздействуют на укрепление и развитие правового пространства регионов. Медленно повышается качество федерального законодательства, которое по своему предназначению должно способствовать укреплению основ российской государственности. Имевшие место в 90-е годы XX столетия перекосы в правовом развитии регионов остро затронули все субъекты Российской Федерации, в том числе и национальные республики, которые использовали право на законотворчество во многом формально. В ряде случаев они до сих пор механически копируют либо просто дублируют законодательные акты федерального центра, считая законотворческую деятельность дополнительной «обузой», пустой тратой времени. Они по-прежнему не чувствуют себя полноценными субъектами правотворчества, что тормозит развитие региональных правовых систем.

Проводимая в последние годы децентрализация государственной власти в определённой степени способствует развитию правовых систем субъектов РФ. Однако в них по-прежнему в значительной мере доминируют акты централизованного регулирования, особенно их подзаконный уровень. Такой тип правового регулирования сложно назвать социально гибким, идентифицирующим современное российское право. Как уже отмечалось, российская правовая система из-за сложностей её федерального устройства, вызванных большим количеством субъектов федерации и существенными различиями в их экономическом и культурном развитии, является чрезмерно специфичной. Например, российское право и его законодательство в значительной мере отличается от европейских правовых систем большим удельным весом регионального правового регулирования. Между тем, если обратиться к Европейской хартии местного самоуправления, то можно увидеть, что местное правотворчество в Европе имеет гораздо больше возможностей и гарантий, чем в России [12].

В связи с этим развитие и функционирование правовых систем субъектов Российской Федерации видится в качестве важнейшей задачи федеративного правового государства.

Как видим, эволюция правовых организаций российских регионов является актуальной задачей современной правовой науки. Анализ показывает, что современные субъекты РФ представляются сложными политико-правовыми образованиями. Развитие их территориальных правовых образований происходило чрезмерно специфично. На протяжении длительного времени центральные власти не всегда эффективно формировали правовые системы (организации) в регионах. В результате имели место серьёзные перекосы в их развитии.

Эволюцию правовых образований современных субъектов РФ нельзя считать завершённой. По своему характеру это постепенный процесс перехода количественных изменений в качественные. При этом нельзя допускать дискриминации регионального права. Чрезмерная централизация государственной власти тормозит эволюцию правовых систем в регионах. В лице правовых организаций субъектов РФ Российское государство должно иметь прочный правовой фундамент.

Дальнейшее развитие правовых организаций российских регионов является важной задачей федеративного государства и выступает закономерностью правового развития центра и регионов.

- 1. Синюков В.Н., Синюкова Т.В. Правовые системы субъектов федерации: общая характеристика и пути совершенствования // Становление государственности и местного самоуправления в регионах России (на примере Саратовской области): сб. науч. ст. / под ред. Н.И. Матузова. Саратов, 1997. С. 40–52.
- 2. Личичан О.П. Правовые системы субъектов Российской Федерации: современное состояние и развитие // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 324. С. 230.
- 3. Баглай М.В. Конституционализм и политическая система в современной России // Российское право. 2003. № 11. С. 10–19.
- 4. Казанцев Ф.М. Об отделе права [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ifp.uran.ru/lab/law/about.
- 5. Кодан С.В. Правовые проблемы евроазиатского сотрудничества: глобальное и региональное измерение. Екатеринбург, 1993. С. 63–64.
- 6. Шапсугов Д.Ю. Право Кавказской цивилизации. Вып. I / под общ. ред. Д.Ю. Шапсугова. Ростов-на-Дону Нальчик: Каб.-Балк. гос. ун-т, 2014. С. 4.
- 7. Шихсаидов А.Р., Тагирова Н.А., Гаджиева Д.Х. Арабская рукописная книга в Дагестане. Каталог рукописей ИИЯЛ. Вып. 1. Махачкала, 2001.
 - 8. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. 1. Тифлис, 1907. С. 194.
 - 9. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т. 1. М., 1890. С. 280.
 - 10. Магомедов Р.М., Магомедов А.Р. История Дагестана. Махачкала, 1996. С. 48–59.
- 11. Минх А.Н. Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии. Собраны в 1861–1888 гг. Репринт. Воспроизведено изд-во 1890 г. Саратов, 1994.
- 12. Европейская хартия местного самоуправления // Право Совета Европы и России. Краснодар, 1996. С. 242–250.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 539.2: 541.6

ТЕРМИЧЕСКАЯ МОДИФИКАЦИЯ И МОРФОЛОГИЯ КРИСТАЛЛИЗУЮЩИХСЯ ПОЛИМЕРОВ

Карамурзов Б.С., *Жазаева Е.М., Тхакахов Р.Б.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

*zhazaeva@list.ru

Методами оптической микроскопии, рентгеноструктурного анализа и инфракрасной спектроскопии изучено влияние различных режимов термической обработки на структуру полимерной смеси СКД-35/ПЭНП. Обнаружено, что под действием термообработки меняется морфология смеси, степень кристалличности полиэтилена; происходят конформационные изменения макромолекул эластомера.

Ключевые слова: термическая обработка, степень кристалличности, ПЭНП, СКД-35, ИК-спектры.

THERMAL MODIFICATION AND MORPHOLOGY OF CRYSTALLIZABLE POLYMERS

Karamurzov B.S., Zhazaeva E.M., Tkhakakhov R.B.

Kabardino-Balkarian State University

The influence of different regimes of thermal treatment on the structure of the polymer blends butadiene rubber – low-density polyethylene has been studied by using the optical microscopy, X-ray analysis and infrared spectroscopy. The morphology of the blend and the degree of crystallinity of polyethylene have been found to change under the influence of heat treatment, the conformational transformations of the macromolecular of the elastomer take place.

Keywords: heat treatment, the degree of crystallinity, low-density polyethylene, butadiene rubber, IR-spectra.

Смеси полимеров представляют собой неравновесные системы, на свойства которых в значительной степени влияет физическая модификация. В данной работе изучено влияние различных режимов термической обработки на морфологию и степень кристалличности смесей на основе бутадиенового эластомера СКД-35 с полиэтиленом низкой плотности (ПЭНП). Образцы готовились на смесительновалковом оборудовании с последующим прессованием при температуре 418 К и давлении 100 атм. Полученные смеси термостатировались при температуре 393 К в течение 4 часов. Затем часть образцов медленно охлаждали со скоростью 0,03 град/с (отжиг), а другую часть со скоростью 5 град/с (закалка).

Исследование структуры в проходящем поляризованном свете показало, что ПЭНП с СКД-35 образуют гетерогенные смеси. Для системы 90 масс. % СКД-35 + 10 масс. % ПЭНП наблюдается более дефектная структура для отожженных, нежели для закаленных образцов [1]. Температурное воздействие приводит к ускорению процесса кристаллизации полимеров. Максимальная скорость кристаллизации ПЭНП отмечена автором [2] при температуре отжига, близкой к 395 К. Степень кристалличности, рассчитанная по плотности полимера (формула (1)) [3], приведена в таблице.

$$K = \frac{\rho^- \rho_a}{\rho_b - \rho_a},\tag{1}$$

где ρ – плотность полимера, ρ_{κ} =1000 г/см³ – плотность кристаллической фазы полиэтилена, ρ_{a} =840 – плотность аморфной фазы ПЭ. Плотность образца находили гидростатическим методом по ГОСТу 267-73.

Таблица

Плотность и степень кристалличности ПЭНП в зависимости от термообработки

ПЭНП	Исходный	Отожженный	Закаленный
Плотность	916,7 г/см ³	947,2 г/см ³	926,4 г/см ³
Степень кристалличности	48 %	67 %	54 %

Из таблицы следует, что степень кристалличности повышается после термообработки. Рентгеноструктурный анализ смеси ПЭНП/СКД-35 показывает образование мелкокристаллической структуры после закалки, а после отжига происходит укрупнение кристаллических образований. При нормальных условиях СКД-35 является аморфным полимером, следовательно, кристаллическая область относится к ПЭНП.

В ИК-спектре каждого из структурных изомеров СКД (1,2-изомер, 1,4-цис и 1,4-транс) благодаря ярко выраженной зависимости колебаний γ_{ω} (=CH) от стерического расположения заместителей имеются характеристические полосы (рисунок).

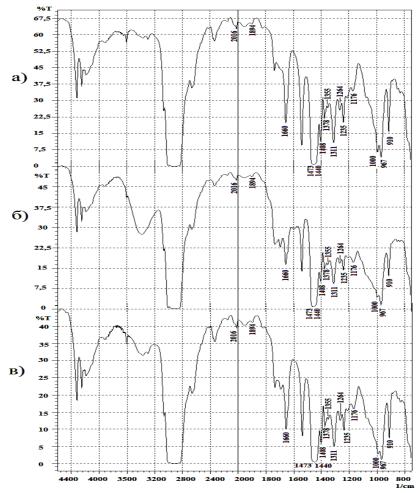

Рисунок. ИК-спектры смеси 50 масс. % СКД-35 + 50 масс. % ПЭНП: а) до термообработки; термостатированные в течение 4 часов с последующим охлаждением со скоростью: б) 5 град/с; в) 0,03 град/с

Эти полосы лежат при следующих значениях волновых чисел: для 1,2-изомера при 910 см⁻¹, для транс-1,4-изомера при 967 см⁻¹, для цис-1,4-изомера вблизи 740 см⁻¹. Также для цис-1,4-изомера соответствуют полосы поглощения при 1000, 1311, 1408, 1660 см⁻¹, для — 1264 см⁻¹, для транс-1,4-изомера — 1355 см⁻¹ [4]. Интенсивность полос, относящихся к транс-1,4- и 1,2-изомерам, уменьшается после закалки и увеличивается интенсивность цис-1,4-изомера, что обусловлено переходом одних изомеров в другие под действием термообработки. Поглощение при волновых числах 2016, 1894, 1473, 1440, 1378, 1176 см⁻¹ относится к функциональным группам полиэтилена. Интенсивность полос при 2016, 1894, 1176 см⁻¹, связанных с колебаниями функциональных групп в кристаллической фазе ПЭНП, несколько уменьшается после быстрого охлаждения (закалки) и увеличивается после медленного охлаждения (отжига), что связано с из-

менением кристаллической фазы. Колебания функциональных групп в интервале 1450—1475 см⁻¹ после термообработки практически не меняются.

Таким образом, на формирование морфологии полимерных смесей значительное влияние оказывает термическая обработка. В случае отжига степень кристалличности выше, чем в случае закалки, т.к. время нахождения полимеров внутри температурного интервала кристаллизации больше у отжигаемых полимеров, нежели у закаляемых.

- 1. Тхакахов Р.Б., Жазаева Е.М., Пшихачев А.Г., Темрокова О.Х., Губжев Т.А. Структура и деформационно-прочностные свойства смесей СКД-35 с ПЭВД под действием термической обработки // Новые полимерные композиционные материалы: материалы V Международной научно-практической конференции. Нальчик, 2009. С. 212–215.
- 2. Арьев А.М. Влияние толщины полиэтиленовых пленок на процессы структурообразования при отжиге // Пластмассы. 1992. № 2. С. 52–53.
- 3. Рабек Я. Экспериментальные методы в химии полимеров: в 2 ч. / пер. с англ. Я.С. Выгодского; под ред. В.В. Коршака. М.: Мир, 1983. 478 с.
 - 4. Татурина Л.И., Позднякова Ф.О. Спектральный анализ полимеров. Л.: Химия, 1986. 248 с.

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ЭТНОГЕНЕЗА*

Культурбаева Л.М.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

B статье исследуются основные методологические подходы к формированию постнеклассической концепции этногенеза.

Ключевые слова: этнос, этногенез, этническое поле, пассионарность, сложноорганизованные системы, самоорганизация, постнеклассическая наука.

ON THE QUESTION OF POST-NON-CLASSICAL CONCEPT OF ETHNOGENESIS

Kulturbaeva L.M.

Kabardino-Balkarian State University

The article presents the main methodological approaches to the study of post-non-classical concept of ethnogenesis

Keywords: ethnos, ethnogenesis, ethnic field, passionarity, complex systems, self-organization, post-non-classical science.

В конце второго и начале третьего тысячелетия проблема обострения межэтнических, межнациональных и конфессиональных отношений в человеческом сообществе стала особенно актуальной. В теоретическом плане не оправдала надежд концепция как «плавильного тигля», так и мультикультурализма, что привело к поиску в направлении формирования теорий «этнического плюрализма». Вместе с тем встала проблема исследования истоков и детерминант этноконфликтов и способов их разрешения.

С нашей точки зрения, для разрешения указанной проблемной ситуации необходим переход на новый уровень постижения этноса и этногенеза, связанного, с одной стороны, с новым философскометодологическим подходом, с другой – развитием современной науки, именуемой постнеклассической. В настоящее время во взаимосвязанном концептуальном блоке социально-философского и философско-исторического знания идет адаптация постнеклассической рациональности к традиции социальных и гуманитарных наук, переживающих парадигмальный кризис.

Динамизм и противоречивость процессов в этногенезе, связанных с различием целей акторов исторической деятельности, опосредованных как внешними, так и внутренними условиями, выступает как поле возможностей и альтернатив направлений дальнейшего развития этноса. В связи с этим мы считаем, что адекватным подходом к теории этноса и этногенеза является общеметодологический подход, который опирается на приоритеты концептов нелинейности, неустойчивости, бифуркации, организации и самоорганизации.

В данном плане определенный интерес, несмотря на всю ее внутреннюю противоречивость, представляет теория этногенеза Льва Гумилева. Пассионарная теория Гумилева описывает этногенез как процесс взаимодействия развивающихся этносов с вмещающим их ландшафтом и другими этносами. Сама «пассионарность» представляет собой избыток некой «биохимической энергии» живого вещества, порождающий жертвенность отдельных представителей этноса ради высоких целей. В то же время пассионарность связана с непреодолимым внутренним стремлением этих представителей к деятельности, которая направлена на изменение как своей жизни, так и жизни всего этноса.

Однако эта этническая активность, которая определяется редкими кумулятивными выбросами космической энергии и являющаяся доминантой возникновения этноса и этногенеза, постепенно растрачивается. Данное положение Гумилева согласуется с теорией диссипативных структур И.Р. Пригожина, одной из составляющих концепций постнеклассической науки. «Возникающая структура, – пишет Гумилев, – всегда ведет себя иначе, нежели прежняя, уже растратившая первоначальный импульс и близкая к равновесию со средой. Значит, импульс – начало процесса диссипации, ведущей систему к неизбежному распаду» [1].

_

^{*} Этногенез понимается широко – как возникновение и развитие этноса.

Но процесс диссипации – необходимое условие самоорганизации этноса. Наше обращение к проблеме этногенеза, инициированное Гумилевым, позволяет определить этносы, с одной стороны, как самоорганизующиеся системы, создающие и поддерживающие системную целостность благодаря этническому полю, с другой стороны, защищать ее от разрушительных воздействий внешней среды обитания, обращая при этом наше внимание на возможность этногенеза быть интерпретированным с позиций социальной самоорганизации, подобно закономерностям социального структурообразования.

Необходимость различения процессов, приводящих к новой организации этносов, подводит, по мнению Гумилева, к понятию сложноорганизованной системы. «Сложные системы, – пишет Л.Н. Гумилев, – как, например, этнос, социальный организм, вид, биогеноценоз, подчиняются той же закономерности, даже с учетом того, что они построены по принципу иерархии: подсистемы образуют системную целостность – суперсистему; суперсистемы – гиперсистему и т.д. Таким образом, наличие всеобщих связей, создающих динамические стереотипы, более или менее устойчиво, но никогда не вечно» [2]. Далее он продолжает: «Этнос – не просто скопище людей, теми или иными чертами похожих друг на друга, а система различных по вкусам и способностям личностей, продуктов их деятельности, традиций, вмещающей географической среды, этнического окружения, а также определенных тенденций, господствующих в развитии системы... Структура этноса всегда более или менее сложна, но именно сложность обеспечивает этносу устойчивость, благодаря чему он имеет возможность пережить века сметений, смут и мирового увядания» [2].

В данном контексте представляет закономерный интерес предложенный Гумилевым принцип «этического поля», который обеспечивает координированное взаимодействие многочисленных элементов в составе целого. «Именно благодаря наличию этнического поля не рассыпаются на части этносы, разорванные исторической судьбой и подвергшиеся воздействию разных культур», – указывает Гумилев [2].

В области социосинергетических исследований, связанных с постнеклассической наукой, положение о том, что целостная устойчивость и этногенез поддаются более адекватному объяснению в логике самоорганизационных процессов, было выдвинуто и разработано В.А. Шевлоковым и В.Х. Болотоковым [3]. Обосновав этнос как сложноорганизованную систему, авторы перенесли основной акцент в этногенезе на ее способность к самоорганизации. Процессы самоорганизации в эволюционирующей этнической системе связаны с поведением субъектов деятельности и условиями их осуществления. Данные системы являются нелинейными, в силу действующих пассионариев, и они находятся в неравновесных состояниях, связанных с различием в целях и устремлениях тех же пассионариев.

Подобного рода ситуация приводит к образованию «поля возможностей» в этногенезе, при котором предугадать заранее осуществление той или иной цели (проекта) невозможно из-за большого количества случайных факторов, сопровождающих прогресс в этноэволюции. Для сложных социально-этнических систем, как правило, существует не одна, а несколько альтернативных траекторий развития. Следовательно, предложенный Гумилевым принцип этнического поля, обеспечивающий координированное действие многочисленных элементов целого в этноэволюции, трансформируется в синергетический принцип «поля возможностей» для самоорганизационных процессов.

Таким образом, проблема этногенеза представляет собой пример конструктивной совместной работы двух программ: натуралистической программы, которая на этапе постнеклассической науки представлена синергетикой, связанной с ее методологическим аспектом — социальной синергетикой. Социальная синергетика дает рациональные способы описания нелинейной компоненты в развитии этноса и антинатуралистической программы, представленной философской методологией. Стало быть, в проблеме этногенеза и в вопросе о том, что такое этногенез, скрыта, конечно же, философская проблема. И вместе с тем, опираясь на постнеклассическую методологию, мы пытаемся понять, что такое этногенез как общее и глобальное явление. Взаимодействие двух программ представляет собой междисциплинарную коммуникацию ученых — специалистов различных дисциплинарных областей знания и философовметодологов.

По мнению В.С. Степина, данная междисциплинарная коммуникация включает не только осмысление онтологических категориальных структур самоорганизации и саморазвития, но и новое понимание идеалов и норм, необходимых для их освоения. Ее осуществление происходит на путях трансформации смыслов, которые обретают категории, как в нашем случае — «этнос», «этногенез», «объект — субъект», «понимание — объяснение — описание» и др. Данная ситуация с необходимостью ведет к переходу к новой рациональности — рациональности постнеклассического типа [4].

Таким образом, роль постнеклассической рациональности в исследовании этногенеза, связанного с процессами самоорганизации, заключается в том, что: 1) она выступает в качестве междисциплинарного подхода в исследовании этногенеза и этноэволюции; 2) она может служить общегносеологическим

основанием постижения сложноорганизованных и эволюционирующих через самоорганизацию этнических систем; 3) выступает в качестве методологической основы построения модельных представлений и концептуальных структур явлений этнической самоорганизации; 4) способствовует интегративным процессам социально-гуманитарных, естественных и точных наук в сфере этнических исследований.

- 1. Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. Л.: Наука, 1990. 238 с.
- 2. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. М., 1994. 638 с.
- 3. Шевлоков В.А. Синергетическая концепция этноса: постановка проблемы // Мир этноса (аспекты и методы исследования). Нальчик, 1999. С. 30–57.
- 4. Степин В.С. О философских основаниях синергетики // Синергетическая парадигма. Синергетика образования. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 592 с.

ГРАНУЛИРОВАННАЯ ПЕНОСТЕКЛОКЕРАМИКА ДЛЯ ИЗОЛЯЦИИ ИНЖЕНЕРНЫХ СЕТЕЙ, СООРУЖЕНИЙ И ТЕПЛОВЫХ АГРЕГАТОВ

*Апкарьян А.С.^{1,2}, Губайдулина Т.А.^{1,2}

¹Институт физики прочности и материаловедения СО РАН ²Томский университет систем управления и радиоэлектроники

*asaktc@ispms.tsc.ru

На основе использования бытового и промышленного стеклобоя, глины и органических добавок разработана экологически безопасная ресурсосберегающая технология получения теплоизоляционного материала — гранулированной пеностеклокерамики. В статье приведены результаты исследования зависимости коэффициента теплопроводности и механической прочности гранулированной пеностеклокерамики от плотности и температуры.

Ключевые слова: стеклобой, экология, отходы, пеностеклокерамика, шихта, гранулы, плотность, теплопроводность, температура, водопоглощение, теплоизоляция, печь, агрегат, поры, органика.

GRANULATED PENOSTEKLOKERAMIKA INSULATION FOR ENGINEERING NETWORKS, STRUCTURES AND THERMAL UNITS

Apkaryan A.S.^{1,2}, Gubaidulina T.A.^{1,2}

¹Institute of Strength Physics and Materials Science SB RAS ²Tomsky University of Control Systems and Radioelectronics

The environmentally safety and resource-saving technology for obtaining thermal insulation material – granular foamed glass ceramic, is developed on the base of using domestic and industrial broken glass, red clay and organic additive. The article stipulates the research results of relationship between thermal conductivity coefficient, mechanical strength of foamed glass ceramic and density.

Keywords: broken glass, ecology, wastes, foamed glass ceramic, charge, granular, density, thermal conductivity, temperature, water absorption, thermal insulation, furnace, aggregate, pores, organic matter.

Отходы производства и потребления являются источниками загрязнения окружающей среды в глобальном масштабе. Значительную долю отходов составляют твёрдые бытовые отходы (ТБО), которые представляют серьёзную опасность для здоровья населения. Одним из наиболее распространённых видов ТБО являются изделия из стекла и стеклобой. Утилизация ТБО и в частности стеклобоя представляет собой актуальную экологическую задачу, решение которой направлено на сохранение природной среды, безопасность и здоровье человека.

В настоящей работе рассмотрены вопросы, позволяющие не только угилизировать стеклобой, но и на основе вторичной переработки создавать из него высокоэффективный теплоизоляционный материал – пеностеклокерамику.

В качестве объекта исследования использовалась гранулированная пеностеклокерамика. Рациональный состав шихты пеностеклокерамики, содержащий бой оконного листового стекла, газообразователь, органические и легкоплавкие керамические добавки, позволяет получать гранулы с высокими теплофизическими и механическими свойствами [1].

В процессе экспериментов исследовались гранулы диаметром от 5,0 до 12,0 мм (рис. 1). Характеристики гранулированной пеностеклокерамики в зависимости от состава шихты приведены в таблице.

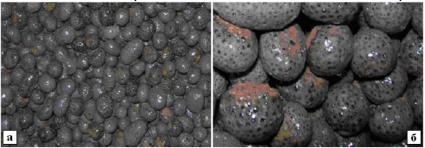

Рис. 1. Гранулы ПСК200 диаметром: а) 5-7 мм; б) 10-12 мм

Таблица

Результаты испытаний физико-технических свойств гранулированной пеностеклокерамики

Показатель		Состав шихты		Метод
		№ 2	Nº 3	испытаний
Средняя плотность, кг/м ³	200	260	290	ΓΟCT 17177-94
Горючесть	Не горюч.			ΓΟCT 12.044
Гигроскопичность (выдержка в течение 24 ч в эксикаторе при $t = 20 ^{\circ}$ С и 100 % относительной влажности воздуха)	0,18	0,12	0,10	ГОСТ17177-94
Коэффициент теплопроводности, Вт/(м • °C)	0,067	0,075	0,087	ГОСТ 9758-86
Предел прочности на сжатие, МПа	0,82	1,74	2,5	ГОСТ 9758-86
Водопоглощение, %	4,8	2,6	1,7	Выдержка под слоем воды 24 дня в течение 24 ч
Верхняя температура применения, °С	620	620	820	ТУ 5914-001-43189350-2004

Количественные оценки показателей гранулированной пеностеклокерамики (таблица) являются убедительным аргументом её использования не только в строительстве, но и для теплоизоляции сводов промышленных печей, теплоэнергетических агрегатов, нагревательных установок, газовых и тепловых сетей. При этом разработанная технология предусматривает возможность получения из гранулированного материала изделий различных геометрических форм – блоков, плит, сегментов.

Особое внимание при исследовании было уделено теплофизическим характеристикам гранул в сравнении с другими теплоизоляционными материалами, используемыми в промышленности. На рис. 2 приведены зависимости теплопроводности от плотности для промышленно выпускаемых теплоизоляционных материалов и гранулированной пеностеклокерамики.

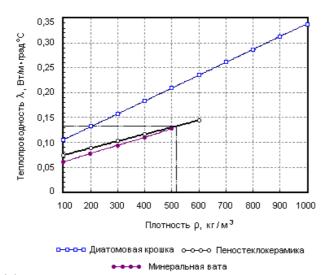

Рис. 2. Зависимость коэффициента теплопроводности теплоизоляционных материалов от плотности

Особое внимание при исследовании было уделено теплофизическим характеристикам гранул в сравнении с другими теплоизоляционными материалами, используемыми в промышленности. На рис. 2 приведены зависимости теплопроводности от плотности для промышленно выпускаемых теплоизоляционных материалов и гранулированной пеностеклокерамики.

Экспериментально установлено, что гранулированная пеностеклокерамика с теплопроводностью $0,067~\mathrm{Bt/m}\cdot^{\mathrm{o}}\mathrm{C}$ и плотностью $200~\mathrm{kr/m}$ может быть получена при содержании в шихте $10~\mathrm{\%}$ -й легкоплавкой и $3~\mathrm{\%}$ -й органической добавки. Дальнейшее увеличение легкоплавкого компонента в шихте увеличивает теплопроводность пеностеклокерамики, и при достижении плотности $520~\mathrm{kr/m}^3$ она выравнивается с теплопроводностью диатомитовой крошки (рис. 2). Следовательно, гранулированная пеностеклокерамика по своим теплофизическим и механическим характеристикам является более предпочтительным материалом для теплоизоляции высокотемпературных печей, энергетических агрегатов, трубопроводов и нагревательных устройств.

Механическая прочность гранул пеностеклокерамики (рис. 3) значительно превышает прочность керамзита и автоклавного пенобетона.

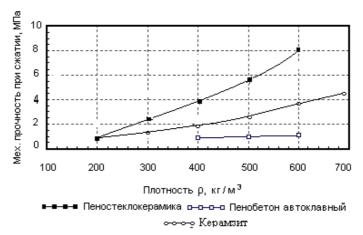

Рис. 3. Зависимость механической прочности теплоизоляционных материалов от плотности

В процессе экспериментов была исследована зависимость теплопроводности от температуры (рис. 4) для пеностеклокерамики и материалов, широко используемых в строительстве и промышленности (диатомитовая крошка, керамзит и пенобетон автоклавный). Соотношение «температура – теплопроводность» для гранулированной пеностеклокерамики является наилучшим для рассмотренных материалов, что является подтверждением эффективности её использования в диапазоне рабочих 200–600 °C.

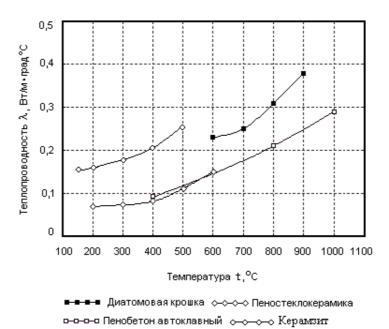

Рис. 4. Зависимость коэффициента теплопроводности теплоизоляционных материалов от температуры

По результатам исследования свойств гранулированной пеностеклокерамики можно отметить её высокие энергосберегающие и конструкционные преимущества относительно вышерассмотренных промышленно выпускаемых теплоизоляционных материалов — диатомитовой крошки, минеральной ваты и пенобетона.

Вывод. Возможности гранулированной пеностеклокерамики в зависимости от рационального состава, режимов термообработки и условий эксплуатации ещё изучаются, однако полученные результаты подтверждают её высокие энергосберегающие и конструкционные преимущества и расширяют диапазон применения, позволяют рекомендовать пеностеклокерамику в качестве эффективного теплоизоляционного материала для изоляции инженерных сетей, сооружений и тепловых агрегатов.

- 1. Пат. 2374191 Российская Федерация. Способ получения гранулированной пеностеклокерамики / Апкарьян А.С., Христюков В.Г. Заявл. 18.12.06; опубл. 27.11.09.
- 2. Апкарьян А.С., Христюков В.Г. Организация производства гранулированной пеностеклокерамики ПСК-200 и автоматизация технологического процесса: моногр. Томск: Томск. гос. ун-т систем упр. и радиоэлектроники, 2013. 175 с.
 - 3. Демидович Б.К. Производство и применение пеностекла. Минск: Наука и техника, 1972. 304 с.
- 4. Apkaryan A.S., Khristyukov V.G., Smirnov G.V. Granulated foam glass ceramic a promising heat insulating material. Glass and Ceramics // Springer New York Consultanks Bureau. 2008, T. 65, № 3–4. C. 74–76.
 - 5. Лотов В.А. Стекло и керамика. 2011. № 9. С. 34–37.
- 6. Ketov A.A. An experience of reuse of glass cullet for production of foam structure material // Proceedings of International Symposium Recycling and Reuse of Glass Cullet. 19–20 March 2001, Dundee UK.

ГЛАМУРНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

Ашинова И.В.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

asin07@mail.ru

В статье рассматривается гламурный дискурс как вид институционального общения, выделяется гламурная языковая личность, исследуются языковые особенности, выражающиеся в наборе лексикограмматических, стилистических и прагматических средств, при помощи которых языковая личность осуществляет свою коммуникативную деятельность.

Ключевые слова: гламурный дискурс, гламурная языковая личность, языковая картина мира, мейнстрим, концептосфера, этнокультурноязыковая специфика.

GLAMOROUS LINGUISTIC IDENTITY

Ashinova I.V.

Kabardino-Balkarian State University

The article examines the discourse as a glamorous view of institutional communication, stands glamorous linguistic identity, language features are studied, expressed in a set of lexical and grammatical, stylistic and pragmatic means by which language person carries out communication activities

Keywords: glamor discourse glamorous linguistic identity, language picture of the world, main-stream, concept, etnokulturnoyazykovaya specificity.

Анализ дискурсивной деятельности, условно названной гламурной, невозможен без выделения и определения его субъекта, а именно языковой личности, обладающей специфической формой языкового сознания. Мы выделяем гламурную языковую личность исходя из того, что человек, считающий себя членом гламурного общества, должен владеть и гламурным дискурсом.

Обратимся к теории языковой личности, разработанной впервые на русском материале Ю.Н. Карауловым. Согласно этой теории, на данный момент общепризнанной, понятие языковой картины мира сополагается с понятием языковой личности. Национальная ЯКМ соотносится со способом мышления, выработанным конкретным человеческим сообществом и являющимся доминирующим в соответствующую эпоху, подпитываемым духовными ценностями народа и всего человечества, отражаемыми в национальной культуре и языке. ЯКМ — сложное структурное образование, соответствующее иерархии нравственных, культурных ценностей народа, общественных институтов, организующих его жизнедеятельность.

В свою очередь, гламурная ЯКМ имеет свою иерархию ценностей, формирующую особое мировосприятие человека, его коммуникативное поведение, основанные на релевантных чертах или свойствах национального менталитета, его идеалы и жизненные установки. Естественно, гламурная ЯКМ детерминируется и корректируется в какой-то степени общекультурными ценностями, выработанными определенным сообществом. Мы имеем в виду, что наличие общей гламурной картины жизни, пропагандируемой, внедряемой в сознание людей, дополняется нюансами национально-культурной специфики. Гламурный образ жизни, его ценности — это достаточно гибкая структура, которая вырабатывает дополнительные стратегии для достижения своих целей в каждом социуме.

Прежде чем дать определение гламурной языковой личности, обратимся к его пониманию, общепринятому в лингвистике. Языковая личность — это человек, обладающий «способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью» [1]. Ю.Н. Караулов при определении языковой личности исходит прежде всего из современного понимания личности в целом, трактуемого как «относительно стабильная организация мотивационных предрасположений, которые возникают в процессе человеческой жизнедеятельности из взаимодействия между биологическими побуждениями и социальным и физическим окружением, условиями» [1]. Кроме того, языковая личность как категория социальная имеет общекультурные и лингвистические особенности, обусловленные человеческим сообществом, в котором она существует, влиянием всех видов коллективного сознания.

Все разновидности сознания имеют свои языковые особенности, выражающиеся в наборе лексикограмматических, стилистических и прагматических средств, при помощи которых языковая личность осуществляет свою коммуникативную деятельность.

Мы солидарны с мнением Каратышовой М.А., считающей человека одним из важнейших компонентов дискурса, а именно — его субъектом, носителем языкового сознания, репрезентируемого в дискурсе. Под языковой личностью понимается субъект — носитель языкового сознания, «реализующегося в процессе речевой деятельности через систему поступков этого субъекта — речевое поведение, обусловленное комплексом факторов социального и личностного планов» [2]. К этой характеристике следует добавить еще одну немаловажную деталь, а именно — этнокультурную обусловленность языковой личности, так как она осуществляет свою речевую деятельность в определенном национально-маркированном сообществе, чье речевое поведение отражает релевантные, значимые свойства национального менталитета.

Нельзя оставить без внимания точку зрения В.И. Карасика, который выделяет пять аспектов коммуникации языковой личности: 1) языковая способность как органическая возможность научиться вести речевое общение; 2) коммуникативная потребность, т.е. потребность во взаимодействии с речевым партнером; 3) коммуникативная компетенция как выработанное умение осуществлять общение в его различных видах для оптимального достижения коммуникативной цели; 4) языковое сознание как активное вербальное средство объективации окружающего мира и знаний о нем посредством языка; 5) речевое поведение как осознанная и неосознанная система поступков, раскрывающих в процессе коммуникативной деятельности человека его характер и образ жизни [3].

Языковое сознание является наиболее диффузным компонентом структуры языковой личности, так как оно представляет динамически функционирующее ментальное пространство человека, обусловливающее его речевое поведение, которое носит четкий отпечаток этнокультурноязыковой специфики. Индивидуальное ментальное пространство, будучи относительно стабильным в своей «национальной ипостаси», постоянно подвергается влиянию иноязычных и культурных импликатур. Ментальное пространство человека моделируемо, вследствие чего его языковое сознание не может оставаться неизменным, оно находится в постоянном развитии, что находит отражение в процессе речевой деятельности. Современная языковая личность находится во вновь обновляемом, расширяющемся информационном потоке, значительную часть которого составляет рекламирование образа жизни, товаров и услуг мира гламура; в индустрию гламура и его пользователей вовлекается все возрастающая масса людей. Естественно, все это ведет к появлению и распространению особой гламурной языковой личности.

Рассмотрим гламурную языковую личность на примерах личностей небезызвестной Ксении Собчак или известной теннисистки Марии Шараповой, которые считаются иконами современного русского гламура. Основные параметры языковой личности, к которым относятся проблемы самопрезентации и самоидентификации, проявляются в процессе коммуникации. Так, Ксения Собчак сама себя позиционирует как светскую львицу, главную тусовщицу, представительницу элитарного общества, вдохновителем и законодателем которого она является, бравируя при этом своей вседозволенностью и доступом ко всем благам жизни и наслаждениям. Надо отметить, что она являет собой ярчайший пример умело выстроенной системы коммуникативных и иных пиар-технологий, которые заставляют общество признать за ней право считаться одной из главных фигур отечественного гламура. В своей полемике с Шендеровичем она говорит: «Меня могли любить или ненавидеть, но уже более 10 лет своими успехами я сама не оставила никого равнодушным». Или: «Я являюсь одной из лучших ведущих этой страны»; «Я занимаю место в десятке самых богатых людей спорта и шоу-бизнеса». О принадлежности Марии Шараповой к миру гламура говорит прежде всего ее интервью глянцевому журналу ELLE и то, о чем она говорит: «Пару лет назад мы с TAG Heuer вместе работали над дизайном часов Formula 1 Lady. Они спросили: «Какой ваш любимый цвет?» – «Розовый, конечно!» Это была первая коллекция ТАG Heuer для женщин – и в этой коллекции появились часы с розовым ремешком, розовым циферблатом и бриллиантами» [4].

Для людей, живущих в мире гламура, характерны слова, наполненные особым смыслом — энергетика, удача, процветание, рейтинг, популярность, интерес, эмоционально-окрашенные слова и выражения — почему я не могу себе позволить, я не могу жить без, я не представляю себе жизнь без, обилие иностранных слов или их калек — моветон, гранж, black-tie, casual, стиль r'n'b, названия конкретных городов. Например, для гламурных личностей важными городами, обладающими особой магической привлекательностью, являются Милан, Лондон, Нью-Йорк и, конечно, Париж. «О Москве. Москва... удивительный город... наполняет своей энергетикой и ритмом... мегаполис дарит миллион возможностей. Не представляю себя в более спокойном месте. Хотя это не мешает мне любить Лондон и Милан» [4]. «Самый любимый город для покупок — Париж, знаю там каждый модный уголок. Обожаю гулять по кварталу Магаіѕ и исследовать местные дизайнерские магазинчики» [4].

Таким образом, мы можем дать определение гламурной языковой личности. Гламурная языковая личность – это человек, наделенный способностью создавать и воспринимать тексты, связанные гламурной тематикой, любой структурно-языковой сложности, отражающей гламурную действительность, существующие в атмосфере мейнстрима, преследующие определенные цели, главной из которых является приобщение, осознание себя частью элитарного общества, речевое поведение которого раскрывается в его коммуникативной деятельности, несущей отпечаток его образа жизни. Так как гламурная языковая личность живет в условиях конкретного общества, она несет четкий отпечаток национальных черт и свойств этого общества, что соответственно отражается в его языке.

Гламурная картина мира является вербализованной частью определенного ментального пространства, актуализированного в языковом сознании гламурной языковой личности. Языковое сознание, являясь компонентом языковой личности, отражает совокупность концептов, представляющую себой систему концептов или концептосферу, значимую для носителя этого языкового сознания. Поэтому языковое сознание гламурной языковой личности выражается системой языковых средств, лексикосемантических и прагматических, характерных для этой области человеческой деятельности и знания.

- 1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. 243 с.
- 2. Каратышова М.А. Гендерные и прагмалингвистические закономерности реализации концепта в комплиментарном речевом поведении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2010. 20 с.
- 3. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
 - 4. Журнал Elle. Апрель, 2012. С. 98.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ИСТОРИЯ ГЛАМУРА КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ПОНЯТИЯ Ашинова И.В.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова asin07@mail.ru

В статье рассматривается история происхождения гламура, дается определение гламура как лингвокультурного понятия в русском языке, связанного с клиповым мышлением, нерасчлененностью на визуальный и вербальный ряды.

Ключевые слова: гламур, лингвоконцепт, этимология, культурная символика, смыслопорождение, русская ментальность.

ORIGIN AND HISTORY OF THE CONCEPT OF GLAMOR AS LINGUOCULTURAL

Ashinova I.V.

Kabardino-Balkarian State University

The article discusses the history of the origin of glamor, glamor defines as linguocultural concepts in Russian language associated with klipovoy thinking undifferentiated on visual and verbal ranks.

Keywords: glamor, lingvokontsept, etymology, cultural symbolism, smysloporozhdenie, Russian mentality.

Гламур имеет свою хронологию. Началом его, как правило, служит стремление удовлетворить потребность в развлечении средствами искусства, что подталкивает человека к приятному времяпрепровождению, наполненному удовольствием и «красотой». Гламур как одно из ключевых понятий модерна сравнительно недавно вошло и прочно укрепилось в СМИ. Оно практически не зафиксировано в толковых словарях, данные о частотности его употребления отсутствуют. Известное латинское слово grammatica попало во французский язык, в котором образовались два самостоятельных понятия: grammaire — обучение и grimoire — колдовская книга, собрание заклинаний. В XII веке grammaire превратилось в английское gramarye, а затем в grammar, сохранив свой первоначальный смысл — обучение, изучение, знание. Но grammar в шотландском языке опять распалось на два слова: grammar и glamour, где grammar сохранило свое значение, а glamour стало означать колдовство и наведение чар. В Средневековье владеющих грамматикой считали колдунами, что придало основное значение слову glamour — «волшебство», «чары».

H.С. Платонова отмечает, что к XVIII в. из многочисленных фонетико-графических вариантов (grammar, gramarye, glomerie, glamer, gramarie, grimoire, glammar), обозначавших то «знание», то «волшебство», оформляется существительное glamour, однако семантически переосмысленное, так как оно теряет компоненты значения, связанные с ученостью, и приобретает такие значения, как magic, spell, bewitchment, enchantment [1]. В XIX в. значение слова glamour меняется, колдовство постепенно становится магической красотой и очарованием: a magical or fictitious beauty attaching to any person or object; a delusive or alluring charm [1].

Гламур – не только модное заимствование XX века. С одной стороны, у него интересная предыстория, а с другой, он – мощное современное течение в массовой культуре, формирующее новое поколение современной молодежи. Прежде всего видна нечеткость содержания и множественность интерпретаций ключевых репрезентирующих лексем. В словарях русского языка гламур как неологизм с нераскрытой до конца этимологией практически не фиксируется. Только в «Толковом словаре русского языка начала XXI в.», – отмечает Д.А. Башкатова, – гламур определяется как «магическое обаяние, шарм, внешний блеск, лоск», а в «Словаре иностранных слов» дается определение слову «гламур» как «о чем-либо чарующем, обворожительном, пленительном, иногда иллюзорном, обманчивом; что-либо нарочито красивое в противоположность бытовому, ординарному» [2].

Однако данные определения, на наш взгляд, не отражают современного значения слова «гламур» в русском языке. Первые фиксации слова «гламур» в русском языке отмечены в 1997 году, однако широко распространённым оно стало с 2001. Как отмечает Д.А. Руднева, «в русском языке пока еще не произошло фиксации смыслового значения термина «гламур» на уровне словарного описания и статьи в лексикографическом словаре», «прояснение смыслового поля дефиниции «гламур» и его закреплении на уровне авторитетного источника знаний – словаря являются одной из ближайших задач лингвистики» [3].

Е.В. Михайлова подчеркивает некоторую размытость определений, нечеткость, двойственность значений слова «гламур», выделяя три семы, проясняющие значение этого слова: 1) шик, шарм, блеск; соответствие требованиям моде и престижности; 3) лакировка, приукрашивание действительности, коньюнктурность [4]. Кроме того, в современном употреблении в русском языке это слово связывается с клиповым мышлением, нерасчлененностью на визуальный и вербальный ряды. Как отмечает Е.В. Михайлова, значение слова «гламур» в русском языке приобретает оценочную роль, и на первый план выходят не «очарование» и «шарм», а поддельность, искусственность, подчеркивая, что «в эволюции значения корня «гламур» в какой-то степени проявляется русская ментальность: гламур, который должен был толковаться как роскошь, блеск, очарование и элегантность, ассоциироваться с богатством и успехом, приобрел в русском языке негативную окраску и стал означать излишнюю красивость, фальшь и конъюнктурность» [4].

Лидирующая по объему тематика гламура концентрируется вокруг межличностных отношений, секса, эротики, досуга, спорта. Основной *message*, или, проще говоря, посыл гламура рассчитан на то, чтобы формировать особый тип личности, привыкший брать от жизни всё, не задумываясь о её цели и смысле.

Даже поверхностный анализ дает общее понимание гламура как очарования, основанного на иллюзии, суггестии, внушении и т.д. Если вернуться к чисто лингвистической стороне вопроса, то данное понимание вписывается в теорию о сохранении основного концептуального смысла слова, заложенного при его зарождении.

Для того, чтобы дать более точное определение этому лингвоконцепту, нужно обратиться к структуре концепта, в котором выделяются три компонента: 1) основной, актуальный признак; 2) дополнительный или пассивный исторический признак; 3) внутренняя форма, запечатленная во внешней словесной форме. Внутренняя форма ма, или этимология слова определяется как основа, на которой возникли и держатся остальные слои значений. Разброс в выборе признаков может быть достаточно велик, но никогда не выходит за границы определенного семантического ряда [5]. В.В. Колесов рассматривает концепт как «зерно первосмысла, семантический зародыш слова», представляющий собой диалектическое единство потенциально возможных в явлении образов, значений и смыслов словесного знака как выражение неопределенной сущности бытия в неопределенной сфере сознания. Внутренняя форма есть всегда смысл, который направляет движение содержательных форм концепта [6]. Концепт предстает как исходная точка семантического наполнения [7]. Определяя семантическое поле гламура как структуру смыслового пространства, следует выделить три уровня: семантический, мотивационный и культурной символики [8]. Семантический уровень отражает логические отношения между понятиями. Мотивационный уровень лексем, составляющих поле гламура, дает представление об общности их мотивационной модели, мотивировочного признака, потенциальной способности слов указанного поля стать источником семантической деривации. Объединение семантического и мотивационного уровней в единую смысловую структуру дает возможность разностороннего анализа семантического поля. В плане логики смыслопорождения эти два уровня, как верно отмечает Л.Х. Хараева, дают «взаимосвязанную информацию, поскольку закономерности комбинирования смыслов в значении лексемы (концептуальное ядро значения и коннотации) продолжаются в процессе семантической деривации, приводящих эти смыслы в движение и способствующих их филиации. Смысловое пространство, связанное с культурной традицией, требует третьего уровня культурной символики» [7].

Кроме вышесказанного, анализ определений гламура показал, что до настоящего времени у экспертов нет общего, удовлетворяющего в целом большинство исследователей определения гламура. С одной стороны, его называют синонимом массовой культуры. С другой стороны – специфической культурой, идеологией нового общества, идеей привлечения к идеалу.

- 1. Платонова Н.С. Становление и развитие межъязыковых коррелирующих концептов <glamour> и <гламур> : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 26 с.
 - 2. Башкатова Д.А. Современный русский дискурс моды: дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 299 с.
- 3. Руднева Д.А. Гламур и его презентации в культуре постиндустриального общества на рубеже XX–XXI вв.: дис. ... канд. культ. наук. Пермь, 2010. 166 с.
 - 4. Михайлова Е.В. О слове гламур и его производных // Русский язык в школе. 2005. № 4. С. 83–84.
 - 5. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997. 316 с.
 - 6. Колесов В.В. Философия русского языка. СПб.: ZONA, 2002. 448 с.
- 7. Хараева Л.Х. Когнитивное моделирование этимологических гнезд в разносистемных языках (на материале французского и кабардино-черкесского языков): автореф. дис. ... докт. филол. наук. Махачкала, 2007. 50 с.
- 8. Березович Е.Л. К этнолингвистической интерпретации «семантических полей» // ВЯ. 2004. № 6. С. 3–24.

ОБРАЗОВАНИЕ СТУПЕНЧАТОЙ СТРУКТУРЫ ПИКНОКЛИНА НА НИЖНЕЙ ГРАНИЦЕ ДРЕЙФОВОГО ТЕЧЕНИЯ

*Ксенофонтов А.С., Москаленко Л.А.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

*a ksenofontov@mail.ru

Рассматривается численная модель гидрофизического поля верхнего слоя океана. Результаты формирования ступенчатой структуры пикноклина согласуются с данными наблюдений.

Ключевые слова: численная модель, пикноклин, ступенчатая структура.

THE FORMATION OF THE PYCNOCLINE STEPPED STRUCTURE AT LOWER BORDER OF THE DRIFT CURRENT

Ksenofontov A.S., Moskalenko L.A.

Kabardino-Balkarian State University

A numerical model of hydrophysical fields in the oceanic upper layer are considered. Results of creation pycnocline stepped structure are corresponded observations data.

Keywords: numerical model, pycnocline, stepped structure.

Из лабораторных исследований [1] и экспедиционных наблюдений в энергоактивных зонах Мирового океана [2] известно, что вертикальная структура полей температуры, солености и плотности в верхнем слое носит характер локальных или регулярных ступеней толщиной от нескольких десятков сантиметров до первых десятков метров. Основным механизмом их образования является турбулентное перемешивание за счет сдвига скорости течения и обрушения внутренних волн на вертикальных неоднородностях поля плотности. В настоящей работе продемонстрировано формирование ступенчатой структуры в вертикальном распределении поля плотности за счет турбулентных возмущений, создаваемых градиентами скорости дрейфового течения в основании экмановского пограничного слоя.

Для расчетов использовалась модель формирования и эволюции верхнего слоя океана под воздействием изменяющихся внешних условий в приближении горизонтальной однородности всех гидродинамических полей [2, 3]. Система уравнений включает уравнения переноса импульса:

$$\partial_{\nu}u - fv = \partial_{\nu}K_{\nu}\partial_{\nu}u, \ \partial_{\nu}v + fu = \partial_{\nu}K_{\nu}\partial_{\nu}v; \tag{1}$$

тепла и соли:

$$\partial_t T = \partial_z K_T \partial_z T \,, \quad \partial_t S = \partial_z K_S \partial_z S \,; \tag{2}$$

состояния среды:

$$(\rho - \rho_o)/\rho = \beta_T (T - T_o) + \beta_S (S - S_o); \tag{3}$$

баланса энергии турбулентности:

$$\partial_t b = \partial_z K_b \partial_z b + K_u V_z^2 (1 - Rf) - \varepsilon \tag{4}$$

и гипотезу для скорости вязкой диссипации:

$$\varepsilon = C_c b^2 / K_u \,. \tag{5}$$

Здесь u, v — компоненты вектора скорости течения, f — параметр Кориолиса, связанный с вращением земной поверхности, T — температура, S — соленость, ρ — плотность, β_T , β_S — коэффициенты термического расширения и соленосного сжатия, b — энергия турбулентности, ε — скорость вязкой диссипации, K_i — кинематические коэффициенты турбулентного обмена $(i=u,T,S,b,\rho)$, $K_u=\alpha_u(Ri)\ell\sqrt{b}$, $K_b=0.73*K_u$, $K_T=K_S=K_\rho=\alpha_\rho(Ri)\ell\sqrt{b}$, $Rf=(K_\rho/K_u)Ri$, $Ri=N^2/V_z^2$ — числа Ричардсона, $N^2=(g/\rho_o)\partial_z\rho$ — частота Вяйсяля — Брента, $V_z^2=(\partial_z u)^2+(\partial_z v)^2$ — квадрат сдвига скорости течения.

Модель замыкается полуэмпирическими гипотезами для расчета масштаба турбулентности ℓ и функций $\alpha_i(Ri)$ [3, 4]:

$$\ell = 1.3/(1 + 2\sqrt{Ri})\sqrt{b} / N , \ \alpha_{\rho}(Ri) = C_1/[1 + C_2\varphi(Ri)],$$

$$\alpha_{\mu}(Ri) = C_5[1 + C_3\varphi(Ri)]/[(1 + C_2\varphi(Ri))(1 + C_4\varphi(Ri))].$$
(6)

На верхней границе области задаются потоки искомых величин, на нижней границе – их значения. Задача решалась численно конечно-разностными методами. При аппроксимации дифференциальных уравнений конечно-разностными аналогами использовался бокс-метод на сдвинутых сетках. По временной координате применялась абсолютно устойчивая схема Кранка – Николсона второго порядка точности [5]. Вследствие этого пространственно-временные шаги выбирались только из соображений адекватного описания мелкомасштабной турбулентности и составляли $\Delta z = 2$ см, $\Delta t = 10$ с.

В выполненных расчетах на первоначально неподвижную среду с линейным распределением плотности воздействовал умеренный ветер, что привело в течение суток к появлению хорошо известного верхнего квазиоднородного слоя [2–5] толщиной около 5 метров, слоя скачка плотности толщиной 1,5 метра и возникновению инерционных колебаний. Спустя 36 часов от начала расчетов в слое скачка плотности стали появляться ступени (рисунок), регулярность которых обусловлена градиентами плотности. Через половину инерционного периода микроструктура исчезла.

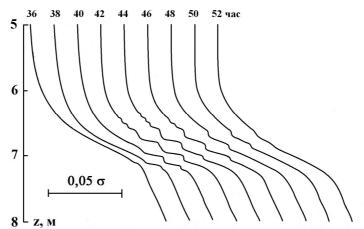

Рисунок. Образование ступенчатой структуры пикноклина

Причиной образования ступеней в пикноклине является наличие сдвига скорости в основании дрейфового течения в сочетании с инерционными колебаниями, выраженное в параметризации замыкания модели полуэмпирическими гипотезами (6). Такая параметризация соответствует предложенному Филлипсом типу нестабильности градиентов плотности в устойчиво стратифицированной среде при уменьшении потока плавучести до критических значений [6]. Результаты численного моделирования показывают, что использование зависимости турбулентной диффузии от числа Ричардсона в вязком стратифицированном потоке (6) ведет к образованию «тонкой» структуры, как это предполагалось в теории. Также установлено, что развитие и исчезновение тонкой структуры зависит от инерционных колебаний, вызванных изменением внешних воздействий на изучаемую среду. Вследствие таких колебаний происходит изменение расстояний между слоями, и при их удалении градиенты плотности уменьшаются, что приводит к локальному снижению числа Ричардсона и увеличению продукции турбулентной энергии. Тогда перемешивание усиливается, локальная однородность растет, на границах образования за счет вовлечения градиенты плотности многократно увеличиваются и образуется ступень тонкой структуры. В следующем полупериоде инерционных колебаний турбулентность вырождается, и локальная тонкая структура исчезает. Эти результаты моделирования хорошо согласуются с микроструктурными исследованиями в океане [2]. Масштабы моделируемых слоев совпадают с наблюдаемыми в сезонном термоклине [2] и при лабораторных исследованиях [1].

- 1. Posmentier E.S. The generation of salinity fine structure by vertical diffusion // J. of Phys. Oceanography. 1977. V. 7. N. 3. P. 298–300.
- 2. Lozovatsky I.D., Ksenofontov A.S., Erofeev A.Yu., Gibson C.H. Modelling of the evolution of vertical structuire in the upper ocean by atmospheric forcing and intermittent turbulence in the picnocline // J. Marine Systems. 1993. V. 4. P. 263–273.
- 3. Ксенофонтов А.С. Вертикальная структура слоев трения в области океанического шельфа // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. 2005. № 5 (29). С. 35–44.
- 4. Lozovatsky I.D., Ksenofontov A.S. Modeling of atmospheric forced mixing on the sallow shelf // Physical processes in lakes and oceans. 1998. V. 54. P. 111–122.
- 5. Ксенофонтов А.С., Лозоватский И.Д. Модель эволюции вертикальной структуры гидрологических полей и мелкомасштабной турбулентности // Материалы океанологических исследований. М., 1992. Вып. 5. С. 81–102.
- 6. Phillips O.M. Turbulence in strongly stratifide flude is it unstable? // Deep-Sea Res. 1972. V. 19. P. 79–81.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ БАНКОВСКОЙ ГАРАНТИИ Жугов А.А.

Кабардино-Балкарский государственный универстет им. Х.М. Бербекова

Статья посвящена проблеме банковской гарантии призванной обеспечивать надлежащее исполнение должником основного обязательства перед кредитором, а также, сложности использования данного инструмента в настоящее время.

Ключевые слова: банковская гарантия, обязательство, право, кредит, договор.

TO THE QUESTION ABOUT LEGAL NATURE OF BANK GUARANTEE

Zhugov A.A.

Kabardino-Balkarian State University

The article deals with a bank guarantee designed to ensure proper Execu-tion debtor primary obligation to the creditor, as well as the complexity of using this tool now.

Keywords: bank guarantee, obligation, right, credit, agreement.

Банковская гарантия представляет собой сложный институт гражданского права и, безусловно, вызывает научный интерес, что подтверждается количеством цивилистических исследований, посвященных данной юридической категории [1].

В доктрине гражданского права разработаны различные подходы к определению правовой природы банковской гарантии. Отдельные авторы прослеживают историческую связь между современной банковской гарантией и одноименным институтом, существовавшим в советское время (ст. 210 ГК РСФСР 1964 г.). Другие указывают на сходство банковской гарантии с договором страхования [2].

Существует мнение, что природа банковской гарантии не позволяет отнести ее к способам обеспечения обязательства: «Отнесение банковской гарантии к способам обеспечения исполнения обязательства имеет не больше оснований, чем, например, страхование риска невозврата заемных средств» [3].

Самой распространенной является точка зрения, согласно которой банковская гарантия является новым самостоятельным способом обеспечения обязательства [4].

Высказываются различные мнения относительно того, каким обязательством является банковская гарантия: двусторонним или односторонним. Главенствующим является подход, в соответствии с которым банковская гарантия является односторонней сделкой. Вместе с тем существуют попытки обосновать договорную природу банковской гарантии [5].

Ряд вопросов до сих пор является спорным и не имеет однозначного разрешения, что отчетливо проявляется прежде всего в сфере арбитражно-судебного правоприменения. В частности, в одном судебном деле возник вопрос о последствиях признания недействительным соглашения о выдаче банковской гарантии. Означает ли признание недействительным договора о предоставлении банковской гарантии, что выданная гарантия не имеет юридической силы? ГК РФ говорит о независимости гарантии от основного обязательства, в обеспечение которого выдана гарантия. В данной же ситуации прежде всего требуется установить степень зависимости гарантии от обязательства, существующего между принципалом и гарантом, установленного соглашением между ними.

Для ответа на заданный вопрос необходимо определить правовую природу соглашения о выдаче банковской гарантии. Банковской гарантией является письменное обязательство по уплате денежных средств, исполняемое при предъявлении бенефициаром соответствующего требования. То есть лицо, предоставляя гарантию, берет на себя обязательство по выплате денежной суммы.

Необходимо отметить, что фигуры «гарант», «принципал», «бенефициар» появляются только с момента выдачи гарантии.

До указанного момента будущий принципал находится в двух самостоятельных обязательственных правоотношениях. Он — должник в обязательстве, которое будет обеспечиваться, а в соответствии с Γ К $P\Phi$ — кредитор в соглашении о выдаче банковской гарантии.

В ГК РФ указано, что банковская гарантия выдается по просьбе лица. Понятие «просьба» не входит в традиционную структуру обязательственного правоотношения, и только системный анализ позволяет прийти к выводу, что под «просьбой» законодатель имеет в виду «поручение». Подтверждается это тем, что выдача банковской гарантии происходит во исполнение соглашения между гарантом и должником. Таким образом, «просьба» должника представляет собой требование об исполнении заключенного договора. Указанное требование обусловлено обязанностью лица уплатить банку или иному лицу, имеющему право предоставлять гарантию, определенную денежную сумму.

Предмет заключенного соглашения составляет обязанность гаранта выдать гарантию и уплатить при предъявлении бенефициаром требования соответствующую денежную сумму. Таким образом, соглашение о выдаче банковской гарантии представляет собой возмездный договор о совершении сделки (предоставлении банковской гарантии). Подобного взгляда придерживаются и в судебной практике [6].

Несмотря на то, что ряд ученых исключают односторонние сделки из предмета договора комиссии, кажется обоснованным мнение о том, что соглашение о выдаче банковской гарантии является особой разновидностью договора комиссии.

Как уже отмечалось, предметом соглашения о выдаче гарантии является совершение сделки (предоставление гарантии). Совершение указанной сделки (выдача гарантии) осуществляется от имени лица, которому это было поручено (то есть от имени гаранта). Выдача гарантии осуществляется в интересах должника в основном обязательстве, так как именно указанное лицо обращается к банку с предложением заключить соглашение о выдаче гарантии.

Норма ГК РФ, регулирующая основание и порядок возмещения принципалом уплаченных гарантом сумм (по исполнению взятого обязательства), позволяет сделать вывод о том, что совершение порученной сделки (выдача гарантии) осуществляется за счет принципала.

Безусловно, при предъявлении бенефициаром требования гарант исполняет взятое на себя обязательство по уплате определенных денежных сумм из своих средств, но право гаранта требовать возмещения уплаченной суммы дает основание считать, что с экономической точки зрения финансирование обязательства по уплате указанных в гарантии денежных сумм возлагается в итоге на принципала.

Необходимо обратить внимание на следующее. В ГК РФ законодателем использовано понятие «регресс», то есть право обратного требования. Вряд ли можно признать удачным применение указанной категории. Ведь гарант выдает гарантию и уплачивает бенефициару денежную сумму во исполнение договора. Все расходы по исполнению, включая и уплаченную сумму, должны быть возмещены принципалом, однако называть это регрессом нельзя.

- 1. Гонгало Б.М. Учение об обеспечении обязательств. Вопросы теории и практики. М.: Статут, 2012. С. 275.
- 2. Максимович А.Я. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. Научно-практический комментарий. М.: Статут, 2010. С. 570.
 - 3. Ерпылева Н.Ю. Международное банковское право. М.: Право, 2013. С. 90.
- 4. Егоров А.В. Предмет договора комиссии // Актуальные проблемы гражданского права. Вып. 5. М.: Статут, 2002. С. 145.
 - 5. Финансовое право: учебник / под ред. С.В. Запольского. М.: Эксмо, 2006. 237 с.
 - 6. Постановление Президиума ВАС РФ от 27 февраля 2011 г. // 2011. № 49. С. 23–25.

СОЦИАЛЬНО-АКМЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ТВОРЧЕСТВА МОЛОДЕЖИ

Юрьева М.Ю.

Северо-Кавказский федеральный университет mashulya555@yandex.ru

Обосновывается необходимость использования социально-акмеологического подхода для изучения второй стороны творчества — личного возвышения творца, достижения его максимального совершенства, вершины во всех видах деятельности.

Ключевые слова: социальная акмеология, социальная синергетика, кризисология, преемственность поколений, «связь времен».

SOCIAL AND ACMEOLOGICAL POTENCIAL OF YOUTH CIVILIZATIONAL CREATIVITY Yurieva M.Yu.

North-Caucasus Federal University

It is substantiated the necessity of the use of socio-acmeological approach to the study of the second side of creativity – personal elevation of creator, reaching its highest perfection, the top in all the activities.

Keywords: social psychology, social synergetics, crisis study, continuity of generations, «time connection».

Термин «цивилизационное творчество» появился впервые в начале 2000-х годов, в трудах видного российского философа, нашего современника Л.В. Скворцова. Он напрямую связывает этот термин с разработанной им концепцией цивилизационной реальности, цивилизационного пространства и времени, возникшей в эпоху глобализации, и рассматривает творчество как результат особой комбинаторной способности, осуществляемой в виртуальной реальности [1].

Однако цивилизационное творчество не ограничивается комбинаторной способностью свободного человека в виртуальной реальности. Подойти к правильному пониманию сущности цивилизационного творчества помогает вторая сторона процесса — возможность личного возвышения творца, быть на высоте творца новейшей истории цивилизации, достичь максимального совершенства, вершины во всех видах деятельности. Эта вторая сторона цивилизационного творчества изучается при помощи социальной акмеологии.

Социальная акмеология. Акмеология как направление научных исследований возникает в конце 20-х годов (Н.А. Рыбников, 1928) [2]. Речь шла в начале о новом направлении в исследовании психологии человека. Но уже в середине XX в. выдающийся российский психолог Б.Г. Ананьев выдвинул идею о необходимости дополнить исследование психического мира ребенка (педагогика) и человека преклонного возраста (геронтология) исследованием психики зрелого (взрослого) человека. Предметом этой области знаний должно было стать изучение закономерностей (путей) достижения максимального совершенства во всех видах индивидуальной деятельности (А.А. Бодалев, Н.В. Кузьмина, А.А. Деркач и др.) [3]. Поскольку максимальное совершенство есть вершина в развитии деятельности (греч. ахип (ак- ме, означает - вершина)), то эта область знаний получила название акмеологии. При этом под «акме» имелось в виду такое состояние индивидуума, при котором достигается высший результат его деятельности («звездный час»), а не процесс движения к этому состоянию. Был сформулирован акмеологический подход как осуществление «комплексного исследования и восстановление целостности субъекта, проходящего ступень зрелости, когда его индивидные, личностные и субъектно-деятельностные характеристики изучаются в единстве, во всех взаимосвязях и опосредованиях, для того, чтобы содействовать его достижению высших уровней, на которые может подняться каждый» (А. Деркач). В исследованиях четко выделился возрастной аспект акмеологии как направление на диагностику задатков средствами педологии (изучающей детей и юношей), андроготики взрослых (в т.ч. студентов и профессионалов) и геронтологии (ветеранов труда). Особое место занял профессиональный аспект акмеологии, который связан с определением возможностей и результатов осуществления трудовой деятельности через выяснение профпригодности, психологической готовности к данному виду труда и степени социальной ответственности за его процесс и результаты.

Уверенный шаг в этом направлении сделали российские ученые В.П. Бранский и С.Д. Пожарский, синтезируя социальную синергетику и акмеологию [4]. Они вышли на анализ синергетически-акмеологических закономерностей развития антропосоциокультурной реальности, возвратив глубокий философский смысл понятию «идеал» не только в области философии искусства, но и в широком масштабе философской теории ценностей и философии культуры. Однако в тени внимания исследователей остается проблема социально-акмеологического потенциала молодежи.

О современной российской молодежи в научной и философской литературе и СМИ в последние годы стали появляться серьезные работы и обоснованные мнения [5]. Стали приводиться довольно убедительные цифры, например, об изучении «индекса испорченности подростков» алкоголем, марихуаной и сигаретами, по которому Россия отстает от Европы. Оказывается, больше всего к порокам склонны подростки Франции и Чехии, а Россия находится в низших строках рейтинга, правда, выше, чем некоторые балканские и скандинавские страны. В России в 1,5 раза снизилось количество курящих подростков за последнее 12 лет (с 48 % в 1999 году до 31 % в 2011 году). Таких стран, где количество курящих подростков сокращается, в Европе всего шесть.

Единодушие всех пишущих о молодежи проявляется в понимании того, что ей принадлежит будущее и от нее зависят наши успехи в обустройстве и модернизации России. Много положительных известий идет с периферии. Например, региональная газета Ставропольского края «Открытая» пишет, что по количеству студентов на душу населения Ставрополь является лидером среди городов России. Здесь в 2012 году открыт Северо-Кавказский федеральный университет. Реализуется муниципальная целевая программа «Молодежная», работает молодежный этнический совет при администрации, который с 2008 года проводит ежегодные научно-практические конференции «Ставрополь – город межэтнического согласия и межконфессионального диалога». В Ставропольском крае проводится Всекавказский молодежный форум «Машук», где ребята защитили 291 проект по шести направлениям – «Медиа-Кавказ», «Индустрия гостеприимства», «Добрососедство», «Инвестиции. Инновации», «Мое дело» и «Гражданская активность» на общую сумму 30 млн 200 тысяч рублей (это 30 % общей суммы, выделенной на гранты). 79 проектов успешно защитили молодые люди, представляющие Ставрополь [6].

Однако и на Северном Кавказе, и в других регионах вакантных рабочих мест имеется больше, чем безработной молодежи. Молодые люди не видят в предлагаемых им профессиях достойного поля для самореализации, для цивилизационного творчества. Поэтому резко актуализируется социально-акмеологический аспект изучения максимального совершенства молодежи во всех видах деятельности. Ученые и философы, работающие в новом научном направлении - кризисологии, которое только начинает развиваться, в числе актуальных проблем модернизации России называют исследование социальноакмеологического потенциала [7]. Для изучения этого потенциала предлагается признать востреебованной и своевременной такую гуманитарную науку, как социальная акмеология. Именно эта наука, считают ее создатели, способна выработать адекватный подход с учетом глобальных ориентаций и отечественной стратегии на формирование и развитие в России социального государства. Энтузиасты новой науки А.А. Деркач и И.Л. Лаптева, отмечая ее актуальность, фундаментальность и перспективность, полагают, что «объектом социальной акмеологии выступают конкретные люди и коллективы, их фактическая жизнедеятельность. Предмет как наиболее значимая и интересующая сторона объекта предстает через закономерности, механизмы, реальные условия и факторы достижения (частичного достижения или недостижения) жизнедеятельностных вершин, которые проявляются как целенаправленная активность (деятельность) субъектов труда и жизни по развитию и продуктивному использованию собственного творческого потенциала в интересах общества и удовлетворения жизненных потребностей» [7].

Всецело разделяя взгляды энтузиастов новой науки относительно задач (в том числе выработки адекватного научного подхода) и формулировки объекта и предмета, считаем возможным несколько конкретизировать эти трактовки, утверждая, что объект изучения включает в качестве цивилизационных субъектов и молодого человека, и молодежные коллективы, а также то, что наиболее актуальной частью предмета изучения является цивилизационное творчество молодежи.

Цивилизационное творчество молодежи — это такой механизм трансляции культуры, который регулирует: 1) системную зависимость между *ретроспективным* и *инновационным* (диалектическую зависимость) и 2) динамическую взаимодополняемость: а) преемственность жизнеспособных поколений, б) «связь времен» и в) детекцию цивилизационных ошибок (триалектическую зависимость). Диалектическое противоречие (первое отражение) между инновационным и ретроспективным разрешается при помощи комбинаторной способности цивилизационных субъектов, которая объективируется в

свободном информационном поле творчества и выражается в отходе от стереотипов, предложении новых оригинальных, продуктивных решений, а также в развитии собственного акмеологического потенциала цивилизационного субъекта — максимального самосовершенствования при достижении наивысших результатов. Триалектическая зависимость (второе отражение) интерпретируется как динамическое равновесие («золотая пропорция») цивилизационного кода: целостность цивилизационного настоящего («связь времен») есть преемственность актуального прошлого (наследственность жизнеспособных поколений) плюс целесообразность будущего (детекция цивилизационных ошибок).

- 1. Скворцов Л.В. Информационная культура и цельное знание. Избранные труды. М.: РАН ИНИОН, 2001. 288 с.
- 2. Рыбников Н.А. К вопросу о возрастной психологии // Психология, педология и психотехника. 1928. Т. 1. Вып. 1. С. 29–36.
 - 3. Кузьмина Н.В. Предмет акмеологии. СПб., 1995. 24 с.
- 4. Бранский В.П., Пожарский С.Д. Социальная синергетика и акмеология. СПб.: Политехника, 2002. 476 с.
- 5. Молодежь современной России: альтернативы выбора духовных и нравственных убеждений: сб. статей. Издание 2-е, перераб. и доп. / отв. ред. В.А. Зернов, Г.В. Хлебников. М.: РАН ИНИОН, 2012. 294 с.
 - 6. Открытая газета. Ставрополь. № 47 (539). 28 ноября 5 декабря 2012 г.
- 7. Деркач А.А., Лаптева И.Л. Актуализация социально-акмеологического потенциала модернизации России // Человеческий капитал. 2012. № 9 (45). С. 10–16.

ИССЛЕДОВАНИЯ ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА НА КАВКАЗЕ: Л.Я. ЛЮЛЬЕ О СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ШАПСУГОВ И НАТУХАЙЦЕВ

Дышеков М.В.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова yur.kbgu@yandex.ru

B статье исследуется роль Л.Я. Люлье в изучении судебных учреждений и правовых норм шапсугов и натухайцев в середине XIX века.

Ключевые слова: обычное право, судебная система, шапсуги, натухайцы.

INVESTIGATIONS THE IMPERIAL RUSSIAN GEOGRAPHICAL SOCIETY IN THE CAUCASUS: L.YA. L'HUILLIER ABOUT PROCEEDINGS SHAPSUGS AND NATUKAHAI

Dyshekov M.V.

Kabardino-Balkarian State University

The article examines the role of LY L'Huillier in the study of judicial institutions and great-vovyh standards Shapsugs Natukhai and in the middle of the XIX century.

Keywords: customary law, the judicial system, Shapsugs, Natukhai.

Современные исследователи мало знакомы с ролью Императорского русского географического общества в изучении Кавказа, в то время как системное, научное изучение Кавказа началось в XIX веке силами именно этого общества. В 1851 году в Тифлисе было создано Кавказское отделение данного общества. Изыскания членов Императорского географического общества не ограничивались естественно-научными явлениями. Значительный интерес для них представляли история, быт, нравы народов Кавказа.

Существенный вклад в изучение юридического быта шапсугов и натухайцев внес член Императорского русского географического общества Леонтий Яковлевич Люлье. Известно, что Л.Я. Люлье более 40 лет служил на Черноморском побережье Кавказа. За эти годы им опубликовано несколько работ, посвященных истории, этнографии и языку черкесских народов. Последняя его статья «Учреждения и народные обычаи шапсугов и натухажцев» была опубликована в 1866 году, уже после смерти автора. Указывая на преимущества данной статьи, редакция журнала обращала внимание читателей на тот факт, что «из всех известных деятелей по собиранию этнографических сведений в земле шапсугов, натухажцев и абадзехов, г. Люлье, можно сказать, только один обладал счастливой возможностью делать непосредственные расспросы и подмечать подробности быта на месте, в самый разгар жизни. Он в совершенстве знал язык их и прожил между ними более 5 лет» [1].

Действительно, многие вопросы, связанные с особенностями судопроизводства и обычноправовых норм у шапсугов, были предметом изучения некоторых путешественников. Особенно следует отметить работу Джеймса Белла, в которой достаточно подробно освещен данный аспект жизни шапсугов [2]. Работа Л.Я. Люлье существенно дополняет её и конкретизирует.

Описывая традиционный образ жизни шапсугов и натухайцев, Л.Я. Люлье обращает внимание на то, что постоянно действующих судебных органов у них не было. По сути, суд был третейским. В качестве судей выступали выборные представители от общин. Количество судей определялось важностью дела. При выборе кандидатур судей требовалось согласие сторон.

Дж. Белл указывал на то, что судебное заседание проводилось на открытом воздухе, «если состояние земли позволяет, старейшины усаживаются на кучке соломы; в противном случае становятся в кружок...» [2].

Л.Я. Люлье отмечает оригинальность судебного процесса, которая заключалось в том, что судьи (*тааркохясь*) разбивались на 2 группы, располагавшиеся поодаль друг от друга. В одной группе заслушивались показания истца, в другой ответчика. В каждой из этих групп выбирался руководитель — *тлукуо*, которые и переходили от одной группы к другой, передавая слова истца или ответчика.

В качестве второго этапа судебного процесса Л.Я. Люлье выделяет опрос свидетелей. На этой стадии судьи уже объединялись и совместно заслушивали показания свидетелей. В качестве свидетелей могли выступать только лица, «известные своей честностью и хорошим поведением».

Видимо, в этой связи, как истец, так и ответчик обязывались принести присягу. При этом характер присяги для этих лиц носил различный характер. Истец обязывается забыть всякое чувство неприязни к ответчику, что, по сути, представляет не правовую норму, а морально-нравственную, в то время как ответчик обязуется подчиниться приговору и исполнить его надлежащим образом. Как указывает Л.Я. Люлье, с обеих сторон берется по одному присяжному поручителю, ответственному за своих подопечных. Обязанности присяжного со стороны ответчика достаточно определенные. Он должен способствовать тому, чтобы ответчик в надлежавший срок выплатил пеню. В то же время функции присяжного со стороны истца определены быть не могут. Каким образом он должен воздействовать на истца, чтобы у того не было чувства неприязни к ответчику?

Другим видом доказательства признавалась очистительная присяга. «Произнося клятву в своей невинности, он без дальнейших формальностей освобождался от всякой ответственности» – писал Л.Я. Люлье [1]. Он отмечает, что данный вид доказательств широко применялся в судопроизводстве. Чтобы предотвратить ложную присягу, требовалось ручательство нескольких человек безукоризненного поведения.

Еще Дж. Белл указывал на то, что «Для принесения присяги рядом с кругом старейшин вешают Коран, и тот, кто должен поклясться, употребляет следующую фразу: «Это книга Бога, и я заявляю ... и т.д.» [2]. Однако Л.Я. Люлье верно подмечает переходный характер клятвы. «В прежние времена – пишет он, – присягали на посохе, вырубленном в священной роще, называемый кійзехямебзь, и произносимую клятву начинали словами: «я клянусь Тем, кто создал эту ветвь» [1]. С развитием же ислама клятву стали приносить на Коране, подвешенном на простой палке, воткнутой в земле.

Для признания человека виновным требовалась присяга двух свидетелей, не связанных со сторонами ни родственными, ни имущественными отношениями.

Л.Я. Люлье первым указал на существование у шапсугов и натухайцев повальной присяги — эбертаареуо. Применялась она как мера исключительная в тех местностях, где происходило больше всего беспорядков и находилось много людей подозрительного поведения. Каждый из жителей должен был принести клятву на Коране. При этом присягавший обязан был рассказать обо всех преступлениях, ставших ему известными, признаться в преступлениях, совершенных самим, а также поклясться в том, что впредь будет соблюдать закон. Л.Я. Люлье полагал, что мера эта приносила определенную пользу обществам, хотя и была малоэффективной. Нежелающие приносить присягу просто уходили из дому, чтобы не стать «таагаапсе» — клятвопреступником. Человек, нарушивший клятву (обманщик перед богом), осуждался общественным мнением.

Дж. Белл полагал, что выплата штрафа должна проводиться незамедлительно после вынесения приговора и признания обвиняемого виновным. Л.Я. Люлье, проживший в среде шапсугов и натухайцев более значительное время, четко фиксировал неразвитость судебной системы и отсутствие органов, обеспечивающих исполнение наказания, что затрудняло взыскивание штрафа с должника. Принуждение к исполнению наказания становилось делом выигравшей стороны. Если ответчик в назначенный срок не уплачивал штраф, то истец мог воздействовать на него путем самовольного захвата какого-либо имущества должника. При этом истец втыкал обыкновенную палку вблизи жилища должника, которая должна была ему напоминать о необходимости уплаты.

Были и более суровые меры воздействия на должника. В качестве такового мог выступать поджог сена, запасов хлеба и даже дома. Совершая поджог, истец должен был выстрелом предупредить хозяев о тревоге.

В целом, оценивая результаты исследований, проведенных Л.Я. Люлье, мы можем сказать, что им был сделан значительный вклад в изучение обычного права шапсугов и натухайцев [3]. Очень важны выводы, сделанные Л.Я. Люлье относительно сохранения порядка устойчивости в шапсугском и натухайском обществах. «Переходя из уст в уста, будучи при каждом случае приводимы к слову, применяемы к делу и обращаясь таким образом в кровь и сок всего населения, которое есть свидетель и судья поступков каждой отдельной личности, — эти обычаи становятся могущественнее всяких законов» — писал Л.Я. Люлье [1].

Он совершенно верно указал на тесную взаимосвязь правовых и нравственных норм. Когда преступник опасается не только боязни наказания, а еще, в большей степени общественного резонанса, важной представляется и пропаганда обычаев, делавшая их общеизвестными и привлекательными, что, в свою очередь, повышало общую правовую культуру населения.

Подводя итоги о значении исследований, проведенных Л.Я. Люлье, следует отметить их ценность не только с точки зрения описания правовых норм шапсугов и натухайцев, но и для воссоздания единой картины эволюции обычного права адыгских народов. А выводы, сделанные на основании наблюдений Л.Я. Люлье за правовой жизнью шапсугов и натухайцев, вполне могут использоваться в качестве рекомендаций нашим современникам.

Исследование выполнено при поддержке BOO «Русское географическое общество» в рам-ках реализации гранта № 03/2014-H5 от 10 августа 2014 г.

- 1. Люлье Л.Я. Учреждения и народные обычаи шапсугов и натухажцев // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Кн. 7. Тифлис, 1866. 276 с.
 - 2. Белл Дж. Дневник пребывания в Черкессии. Нальчик, 2007. 530 с.
- 3. Абазов А.Х., Скиба К.В. Абреки, хаджиреты, психадзе: проблемы дифференциации понятий // Всеобщая история. 2013. № 2. С. 30–38.

Требования к оформлению научной статьи, представляемой в журнал «Известия Кабардино-Балкарского государственного университета»

Для публикации в журнале «Известия Кабардино-Балкарского государственного университета» принимаются статьи на русском или английском языках, содержащие результаты актуальных фундаментальных и прикладных исследований, передовых наукоемких технологий, научных и научно-методических работ.

1. Основные документы, необходимые для публикации

- 1.1. Один экземпляр статьи в бумажном виде и на электронном носителе отдельным файлом (на диске); на наклейке диска (дискеты) (обязательно!) указываются фамилия автора (авторов) и название статьи.
- 1.2. Полные сведения об авторе (авторах) на русском и английском языках в бумажном виде и в электронном варианте, оформленном отдельным от статьи файлом, который включает в себя следующие данные:
 - фамилия, имя, отчество (полностью) каждого автора;
 - место работы (наименование организации), ученая степень, ученое звание, должность каждого автора;
 - контактные телефоны, почтовый индекс и адрес, адрес электронной почты (e-mail) каждого автора.
 - 1.3. Сопроводительное письмо на бланке учреждения, где выполнена работа.
 - 1.4. Внешняя рецензия доктора наук (по желанию).
- 1.5. Акт экспертизы о возможности опубликования в открытой печати для физико-математических, химических, биологических, технических, экономических наук и науки о земле.
 - 1.6. Справка об учебе в аспирантуре или докторантуре для аспирантов и докторантов.
- 1.7. «Лицензионный договор» (один на авторский коллектив) в 2-х экз. Без Договора статья не будет опубликована. Текст Договора размещен на сайте журнала «Известия КБГУ».

2. Правила оформления статьи

2.1. Объем статьи – в пределах 15 страниц формата A4, интервал – 1,5, размер шрифта Times New Roman Cyr 14 пт; поля страницы: слева – 3 см, справа – 1 см, сверху – 2,0 см, снизу – 2,5 см.

Краткие сообщения – в пределах 4 машинописных страниц, включающих не более 2 рисунков и 2 таблиц.

- 2.2. Статья должна включать:
- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу;
- название статьи (на русском и английском языках);
- фамилия, имя, отчество автора (авторов) (на русском и английском языках);
- реферат статьи (до 500 знаков) (на русском и английском языках);
- ключевые слова (5–7 слов на русском и английском языках);
- текст статьи, отражающий цель исследования, методы работы, собственно исследования, конкретные выводы;
- библиография (в библиографическом списке нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте; номер источника в тексте указывается в квадратных скобках автоматическая нумерация ссылок не допускается);
 - подпись автора (авторов).
- 2.3. Иллюстрации к статье (рисунки, фотографии) должны быть черно-белыми, четкими (разрешение не менее 300 dpi, расширение *jpg) и вставлены в текст. Обычный размер иллюстраций не более половины листа А4. Формулы и символы помещаются в текст с использованием редактора формул Microsoft Education. Таблицы вставляются в текст; ссылки на рисунки и таблицы обязательны; названия таблиц и подрисуночных подписей обязательны.
 - 2.4. Нумерация страниц обязательна.
 - 2.5. Тип файла в электронном виде RTF.

Образцы оформления библиографии:

книга

Самарский А.А., Гулин А.В. Устойчивость разностных схем. М.: Наука, 1973. 210 с.

Интегральные схемы: Принципы конструирования и производства / под ред. А.А. Колосова. М.: Сов. радио, 1989. 280 с.

статья из книги, сборника, журнала

Петренко В.И., Доготь А.Я. Пневмогидравлический кавитационный процесс // Геодинамические основы прогнозирования нефтегазоносности недр: тезисы докладов 1-й Всесоюзной конференции. М., 1988. Ч. 3. С. 616–617.

Хлынов В.А. Общегосударственное планирование рыночной экономики: Опыт Японии // Экономист. 1994. № 4. С. 89–94.

Базаров А.Ж. О некоторых нелокальных краевых задачах для модельных уравнений второго порядка // Известия вузов. Математика. 1990. Т. 2, № 3. С. 11–15.

диссертации и авторефераты диссертаций

Ерков С.А. Формирование художественного восприятия произведений изобразительного искусства на уроках изобразительного искусства в 5, 6 классах средней общеобразовательной школы: дис... канд. пед. наук. М., 2006. 184 с.

Вахромов Е.Е. Психологические особенности самоактуализации подростков с отклоняющимся поведением: автореф. дис... канд. психол. наук. М., 2003. 30 с.

При несоблюдении указанных правил редакция оставляет за собой право не публиковать статью.

3. Порядок рецензирования

- 3.1. Рукопись направляется на рецензирование ведущим специалистам в данной области (внешнее и внутреннее рецензирование).
 - 3.2. Результаты рецензирования редакция сообщает автору по электронной почте.
- 3.2. По результатам рецензирования редколлегия принимает решение о целесообразности опубликования материала, о чем дополнительно сообщается автору.

Статьи представляются в редакционно-издательский отдел ИПЦ КБГУ.

Адрес ИПЦ КБГУ: 360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.

Контактный телефон: (8662) 72-23-13.

E-mail: <u>rio@kbsu.ru</u>, <u>izvestia_kbsu@mail.ru</u>. E-mail-адрес защищен от спам-ботов, для его просмотра у вас должен быть включен Javascript.

Ответственный секретарь редакции - Шогенова Марина Чашифовна.

После положительного решения редколлегии о публикации статьи в журнале «Известия КБГУ» автор (или авторы) статьи перечисляет на р. сч. КБГУ плату из расчета 500 руб. (в т.ч. НДС) за страницу рукописи.

Назначение платежа: редакционно-издательские услуги («Известия КБГУ»), код дохода 07430201010010000130, разрешение № 0732069510 от 30.03.05 г. пункт 1. В стоимость входят расходы по доставке журнала по территории России. Автор (или авторы) статьи получает 2 экземпляра журнала бесплатно.

Для выкупа дополнительных номеров журнала необходимо передать в редакцию (ИПЦ КБГУ) письмо-заявку с указанием номера и количества экземпляров журнала и перечислить на р. сч. КБГУ плату из расчета 250 руб. (в т.ч. НДС) за один экземпляр журнала с назначением платежа: редакционно-издательские услуги (за журнал «Известия КБГУ»), код дохода 07430201010010000130, разрешение № 0732069510 от 30.03.05 г. пункт 1.

Реквизиты КБГУ для платежей:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова» (КБГУ)

Почтовый и юридический адрес:

360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173

Телефон: 42-25-60,

Voice/fax: +7(495) 3379955 Телетайп: 257245 «Альфа»

E-mail: <u>bsk@kbsu.ru</u> ОКПО 02069510 ОКОНХ 92110

ОГРН 1020700739234 от 22.07.11 г.

ОКОГУ 13240

OKATO 83401000000

ОКЭВД 80.30.1

ОКОПФ 72

ОКФС 12

Банковские реквизиты:

Получатель:

ИНН 0711037537/ КПП 072501001

Отдел № 1 УФК по Кабардино-Балкарской Республике (0401 КБГУ л/с 20046Х17540)

Банк получателя:

ГРКЦ НБ Кабардино-Балкарск. Респ. Банка России г. Нальчика

БИК 048327001

P/c 40501810100272000002

КБК 00000000000000000130

Копия платежного документа передается или высылается в редакцию журнала по электронной почте.

ИЗВЕСТИЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

PROCEEDING OF THE KABARDINO-BALKARIAN STATE UNIVERSITY

TOM IV, № 4, 2014

Редакторы **Л.З. Кулова, Т.П. Ханиева** Компьютерная верстка **Е.Л. Шериевой** Корректор **Е.А. Балова**

В печать 20.08.2014. Формат $60x84^{-1}/_8$. Печать трафаретная. Бумага офсетная. 13.02 усл.п.л. 13.0 уч.-изд.л. Тираж 1000 экз. Заказ № . Кабардино-Балкарский государственный университет. 360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.

Полиграфическое подразделение КБГУ. 360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.